

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКИЙ.

1884.

МАРТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

- Живое слово. Статья . . . . . Преосвященнаго Амвросія.
Палство и Арнольдъ Брешианскій . . . . . Вл. Бузеснуль.
Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія (продолженіе) . . . . . Т. Стоянова.
Воспоминанія изъ священнической практики во время холеры бывшей въ 1848 году . . . . . Прот. С. Илларионова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКИЙ:

- Критическое обозрѣніе обычныхъ взглядовъ и сужденій о различныхъ видахъ общественной дѣятельности и началахъ общественнаго благоустройства (продолженіе) . . . . . П. Линицкаго.
Узкій и широкій взглядъ . . . . . Н. Страхова.
Письма философа Сенени (продолженіе) . . . . . * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе листка: Опредѣленія Святейшаго Синода.—Выписка изъ постановленія Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Правила, установленныя для отпусковъ воспитанницъ Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища за 1882/83 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Годичное общее собраніе Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ Вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія Иравительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по шести и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе журнала 10 руб.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года; то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ пріобрѣтать „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Апрѣля 1 дня 1884 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*.

ЖИВОЕ СЛОВО.

Въ наше время всюду слышатся требованія отъ людей образованныхъ *живаго слова*. Его требуютъ отъ церковнаго проповѣдника, отъ государственнаго челоуѣка, обязаннаго говорить въ законодательныхъ собраніяхъ, отъ профессора и адвоката, отъ общественнаго дѣятеля, засѣдающаго въ думахъ, земствахъ и другихъ учрежденіяхъ, — и даже отъ людей, обязанныхъ произносить застольныя и другія привѣтствія и рѣчи. Между тѣмъ понятія объ этомъ столь желательномъ родѣ слова у насъ неопредѣленны и смутны. Въ теоріи и въ учебникахъ словесности и даже въ вышнихъ руководствахъ краснорѣчія вообще и церковнаго въ особености на этотъ родъ слова встрѣчаются только неопредѣленные указанія и намеки; руководящіе образцы живаго слова указываются только у ораторовъ древности, а изъ нашего времени только въ парламентскихъ рѣчахъ знаменитыхъ государственныхъ людей Европы. Между тѣмъ, при желаніи имѣть и у себя ораторовъ съ живымъ словомъ въ устахъ мы не употребляемъ надлежащихъ средствъ для ихъ воспитанія. Приемы, какіе начинаютъ нынѣ употреблять кое-гдѣ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ для пріученія воспитанниковъ къ живой рѣчи, — вообще робкія, не отличаются тою увѣренностію, какою должна имѣть вѣрная и основанная на опытахъ теорія всякаго рода образованія. Ораторовъ этого рода, появляющихся въ нашемъ отечествѣ, можно называть самородками и самоучками. Учиться у нихъ можно только чрезъ подражаніе имъ; но какъ надо учиться. — и они сами не

рѣшатся указать этого въ порядкѣ, да и ученики не могутъ связать и обосновать свои наблюденія на какихъ-либо началахъ, или законахъ, требуемыхъ всякою правильною, разумною дѣятельностію. Подобныя требованія достигаются общими усиліями людей ученыхъ, ими возводятся на степенъ системы, науки, проверяются опытомъ и обращаются въ правила и руководства. Только при этихъ условіяхъ можно готовить и всегда имѣть въ своей странѣ ораторовъ съ живымъ словомъ, въ противномъ случаѣ появленіе ихъ всегда будетъ только счастливою случайностію, и наши желанія найти ихъ всегда будутъ обращаемы въ пустое пространство.

Мысль, нами высказываемая, заслуживаетъ особеннаго вниманія руководителей въ дѣлѣ нашего духовнаго образованія еще и потому, что случайно, или лучше сказать, неожиданно появляющіеся у насъ на церковной кафедрѣ ораторы съ живымъ словомъ большею частію оказываются въ трудномъ и ложномъ положеніи. На нихъ часто смотрятъ какъ на выскочекъ и людей съ претензіями, имъ строго обращаютъ въ вину замѣчаемые въ ихъ рѣчахъ недостатки, не взявъ прежде на себя труда при воспитаніи опредѣлить, указать и предупредить недостатки, могущіе встрѣчаться въ устныхъ рѣчахъ и у лучшихъ и даровитѣйшихъ изъ образованныхъ людей; наконецъ, когда ораторъ беретъ на себя трудъ, какъ напр. церковный проповѣдникъ, постоянно дѣйствовать на народъ живымъ словомъ, къ нему обращаются съ недоувѣріемъ и сомнѣніями, какъ-бы онъ не произвелъ смущенія въ народѣ своею неумѣлостію и не сказалъ чего лишняго, неумѣстнаго и даже опаснаго. Самый законъ нашъ не даетъ защиты столь естественнымъ проповѣдникамъ ученія Христова: на церковную проповѣдь *не писанную* нѣтъ разрѣшенія въ нашихъ законахъ, и самыя писанныя проповѣди подчинены цензурѣ. Поэтому всякій изъ нашихъ проповѣдниковъ-импровизаторовъ можетъ трудиться только подъ защитою и личною отвѣтственностію мѣстнаго Преосвященнаго; въ противномъ случаѣ всегда можетъ понасть подъ судъ. Между тѣмъ какъ, если желательна имѣть та-

ЕИХЪ ПРОЦОВѢДНИКОВЪ, НУЖНО ИХЪ ПРИГOTOВЛЯТЬ ВЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ, ПЕНЫТЫВАТЬ, КОГДА ОНИ ЯВЛЯЮТСЯ САМИ СОБОЮ ВЪ ЗРѢЛОМЪ ВОЗРАСТѢ ВЪСЛѢДСТВІЕ ПРОБУДИВШЕЙСЯ СПОСОБНОСТИ И ЖЕЛАНИЯ ПРИНЯТЬ НА СЕБЯ ЭТОГЪ РОДЪ ПРОЦОВѢДИ, И СНАБЖАТЬ ДОЗВОЛЕНІЯМИ И АТТЕСТАТАМИ. ТОГДА УПРЕЖДЕНЫ БУДУТЪ ПО ВОЗМОЖНОСТИ СЛУЧАЙНОСТИ И ДАЖЕ ОПАСНОСТИ, КАКИХЪ СПРАВЕДЛИВО МОЖНО БОЯТЬСЯ. ТОГДА МЫ БУДЕМЪ ЗНАТЬ ОРАТОРОВЪ АТТЕСТОВАННЫХЪ, ОТЛИЧЕННЫХЪ ОСОБНЫМИ РЕКОМЕНДАЦІЯМИ ПО СВОИМЪ ДАРОВАНІЯМЪ; УЗНАЕТЪ ИХЪ И НАРОДЪ, И ПОДНИМЕТСЯ ВНИМАНІЕ ОБЩЕСТВА КАКЪ КЪ ОРАТОРСКОМУ ИСКУССТВУ ВООБЩЕ, ТАКЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ КЪ ЦЕРКОВНОЙ ПРОЦОВѢДИ, ЧТО ТАКЪ НУЖНО ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ.

Все это приводитъ насъ къ убѣжденію, что намъ нужно поставить дѣло образованія ораторовъ съ живымъ словомъ также въ рядъ наукъ или искусствъ, какъ образованіе мыслителей, писателей и разнаго рода художниковъ. Въ древности это обученіе ораторовъ стояло на высокой степени совершенства. *Риторы*, особенно даровитые и опытные, всегда имѣли у себя учениковъ, которыхъ для адвокатуры и государственной службы обучали по преимуществу живому слову — *ex promptu, ex improviso*. Извѣстно преданіе о св. Іоаннѣ Златоустѣ, что онъ учился краснорѣчію, — подѣ которымъ по преимуществу разумѣлось живое слово, — у знаменитаго языческаго ритора Ливанія, который и высказалъ о своемъ ученикѣ такой отзывъ: „былъ у насъ ораторъ Іоаннъ, но христіане его у насъ похитили“. И извѣстно, какъ утѣшались въ свое время и доселѣ утѣшаются христіане живымъ словомъ этого великаго своего оратора, которое донло до насъ въ записяхъ скоронисцевъ. При особомъ устройствѣ христіанскихъ государствъ послѣ паденія Римской имперіи и при обращеніи вниманія, главнымъ образомъ, на обученіе *книжное*, и самое ораторское искусство въ христіанскомъ мѣрѣ издавна обращено на составленіе по правиламъ науки рѣчей писанныхъ, а рѣчи живыя, или, какъ нынѣ говорятъ, *импровизаціи* почитались лишнею роскошью. Но вотъ время вызвало потребность въ нихъ и указало ихъ важное значеніе въ общественной жизни, и осо-

бенно въ христіанской проповѣди, требуемой нынѣ и въ храмахъ, и въ особыхъ благочестивыхъ собраніяхъ, и въ частныхъ собесѣдованіяхъ; и намъ приходится опять указывать на блестящее образованіе древняго міра, отъ котораго не перешло къ намъ искусство живаго огненнаго слова, какъ не перешла тайна греческаго огня. Но это не освобождаетъ насъ отъ обязанности начинать самимъ и это дѣло, какъ начато въ свое время собственно христіанское просвѣщеніе, какъ подняты науки и искусства по образцамъ классической древности.

Намъ скажутъ, что блестящія ораторскія дарованія демосееновскія, Цицероновскія, Златоустовскія всегда составляли большую рѣдкость, что поэтому едва-ли стоитъ устанавливать цѣлую систему приготовленія ораторовъ, когда придется долго ждать и можетъ быть не дожидаться нужныхъ для этого искусства блестящихъ дарованій. Но это опасеніе напрасно. Отыскиваемъ-же мы въ глухихъ лѣсахъ и горахъ золотыя руды; промываемъ-же мы тысячи пудовъ земли, чтобы добыть одинъ золотникъ чистаго золота, а при этомъ не пренебрегаемъ и менѣе цѣнными металлами и разными камушками, составляющими также отрасль богатства страны. Таково должно быть и исканіе и разработка ораторскихъ талантовъ. Блестящіе ораторы всегда составляютъ честь народовъ и оставляютъ по себѣ живой слѣдъ въ ихъ жизни и исторіи; ораторы средней руки и даже не бойкіе, при постоянномъ трудѣ и благонамѣренности, всегда производятъ благотворное вліяніе на народныя массы, особенно въ дѣлѣ церковной проповѣди, которую мы по преимуществу и имѣемъ въ виду. При самомъ возникновеніи просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, стоявшаго подъ руководствомъ иностранцевъ, первый великій ученый и поэтъ изъ нашего народа—Ломоносовъ высказывалъ крѣпкое убѣжденіе, что

Будетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля раждать.

Платоны и Невтоны, благодареніе Богу, нынѣ у насъ уже есть, хотя собственно получили извѣстность между ними только наши

Ньютонъ, а Платоны, при забросѣ отечественной философіи съ самаго ея возникновенія, проходятъ незамѣченными, но тѣмъ не менѣе они были и есть, что скоро будетъ доказано на дѣлѣ. Но чему-же не надѣяться, что будутъ и свои Демосеены и Златоусты? Надо ихъ поискать.

Не опустимъ изъ вниманія и еще одно весьма важное побужденіе къ учрежденію у насъ правильнаго приготовленія ораторовъ. Всѣ нынѣ жалуются на скудость и бесплодность проповѣди со стороны нашего наличнаго духовенства. Жалоба справедливая; но тѣ, которые эту жалобу съ особенною силою высказываютъ, не договариваютъ главной причины упадка нашей проповѣди. Винятъ школу этой проповѣди, поддерживающую въ ней сухость, отвлеченность, устарѣлость формъ и пріемовъ и т. под. Все это имѣетъ свою долю правды, но не рѣшаетъ вопроса окончательно. Основная причина малоплодности нашей церковной проповѣди есть недостатокъ въ нашемъ духовенствѣ необходимыхъ для усиленной проповѣди дарованій. Знаменитые проповѣдники, какъ митрополитъ Филаретъ, архіепископъ Иннокентій Борисовъ и немногіе другіе — суть только исключенія. По самымъ законамъ природы, въ нашемъ духовенствѣ, вслѣдствіе давняго обычая замкнутомъ въ одно сословіе и составляющемъ сравнительно по численности своей самую малую часть нашего народа, не можетъ являться много блестящихъ дарованій. Великіе таланты и гении всегда были и будутъ произведеніемъ (если можно такъ выразиться) жизненныхъ силъ цѣлыхъ народовъ; у всѣхъ народовъ они считаются единицами. Но, не говоря уже о генияхъ, и замѣчательные таланты въ достаточномъ числѣ являются только въ обширныхъ областяхъ народной жизни, а не въ тѣсныхъ кружкахъ извѣстныхъ небольшихъ сословій. Этого никто не можетъ оспаривать. Какъ-же вы хотите, чтобы наше духовное сословіе дало для церковной проповѣди потребное количество такихъ рѣдкихъ дарованій, каковы ораторскія? Въ послѣднее время эта причина скудости въ людяхъ, служащихъ Церкви *по призванію*, и недостатка дарованій отчасти понята: сослов-

ная замкнутость духовенства закономъ (но еще не обычаемъ) разрушена, двери въ священную ограду служенія Церкви отворены для людей всѣхъ сословій. Но много-ли прибыло въ Церковь, со времени этого новаго закона, даровитыхъ священно-служителей и проповѣдниковъ? Въ эти отверстыя двери больше ушло изъ духовнаго сословія даровитыхъ людей на нныя поприща общественной жизни, чѣмъ прибыло. Такъ и всегда будетъ, потому что въ образѣ жизни православнаго духовенства нѣтъ ничего таковаго, что-бы манило людей даровитыхъ изъ міра и его выгодныхъ родовъ дѣятельности на служеніе Церкви: ни богатства, ни власти, ни блестящаго общественнаго положенія. Положеніе православныхъ епископовъ, почетное по наружности, требуетъ столько самоотверженія и сопряжено съ такими трудами и лишениями, особенно по отношенію къ обычнымъ, такъ называемымъ, радостямъ жизни, что нынѣ мало охотниковъ оставлять блестящее свѣтское положеніе, какъ было въ древней Церкви, и обрекать себя на это многотрудное служеніе. Чѣмъ-же здѣсь рѣшается дѣло? Дѣйствительно *призваніемъ*; но что такое призваніе? Оно есть не что иное, какъ естественное побужденіе человѣка избирать тотъ родъ дѣятельности, въ которому *позываютъ*, на который неудержимо влекутъ и двигаютъ природныя дарованія, требующія проявленія, развитія, дѣятельности. Такъ рѣшается *призваніе* поэтовъ, живописцевъ, музыкантовъ, воиновъ и проч. Это несомнѣнно доказывается жизнеописаніями замѣчательныхъ людей во всѣхъ родахъ человѣческой дѣятельности, трудившихся *по призванію* и оставившихъ памятники своихъ трудовъ. Что-же рѣшало искони и будетъ всегда рѣшать призваніе человѣка на служеніе Церкви помимо механическаго движенія по рожденію и воспитанію? Главнѣйшимъ образомъ широкое и высокое поприще учительства и проповѣдничества, отрывающее въ Церкви наилучшее и питательнѣйшее употребленіе ораторскихъ талантовъ. Если и певецъ и музыкантъ ищутъ многочисленныхъ собраній и наилучшихъ условій для того, чтобы плѣнять и властвовать сердцами людей силою своего таланта; то гдѣ для таланта ораторскаго болѣе обширное и плодо-

творное поле дѣятельности сравнительно съ церковною кафедромъ? Отвлекать умы людей отъ житейской мелочной жизни къ созерцанію высшихъ истинъ, отрывать сердца отъ рабскихъ плотскихъ привязанностей и направлять ихъ къ чистымъ радостямъ духовнымъ, снимать съ душъ человѣческихъ тяжелыя цѣпи своекорыстія и себялюбія и возводить ихъ къ духовной свободѣ любви и самоотверженія, вызывать напряженное вниманіе благоговѣйныхъ слушателей, исторгать изъ очей ихъ слезы духовной печали, умиленія и радости, — не это-ли по преимуществу можетъ призывать и привлекать истинные ораторскіе таланты къ свойственной имъ дѣятельности? — Вотъ чѣмъ въ древности Церковь привлекала и *похищала* отъ міра или со свѣтскихъ попрницъ знаменитые ораторскіе таланты. Правда, для этого нужно, какъ было въ древности, чтобы христіанскія семейства цѣлаго народа давали дѣтямъ лучшее христіанское образованіе и воспитаніе, чѣмъ какое даютъ у насъ нынѣ; но съ другой стороны надобно и нарождающимся талантамъ давать возможность *почувствовать и сознать себя*. У насъ не было-бы своихъ ученыхъ, если-бы не было училищъ и другихъ научныхъ учрежденій; не было-бы художниковъ, если-бы не было академіи художествъ и проч. У насъ нѣтъ ораторовъ, потому что люди съ ораторскими талантами живутъ и умираютъ, не зная, какими дарами наградила ихъ Господь. Мы видимъ нынѣ ораторовъ въ адвокатурѣ, говорящихъ на всѣ лады, какъ кто можетъ и умѣетъ, видимъ и на церковной кафедрѣ ораторовъ, связанныхъ научными правилами *сочиненій*, а ораторовъ съ свободою художественнаго представленія истины съ властнымъ вліяніемъ на сердца человѣческія силою изображенія красотъ добродѣтели и человѣческаго совершенства, съ чарующимъ словомъ въ устахъ, — мы можемъ только еще желать. Но желать мало, надо таланты отыскивать, воспитывать и выводить въ свѣтъ. Будутъ они на попрницахъ общественной жизни, будутъ и на кафедрахъ церковныхъ. Будетъ и способъ *похищать* ихъ изъ міра для служенія дѣлу Божию: такъ какъ истинный служитель и художникъ слова *сердцемъ почуветъ* просторъ и

широкое поприще для своей дѣятельности на кафедрѣ церковной.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ вопросомъ, который непременно дадутъ намъ наши читатели: чего-же мы хотимъ? Не хотимъ-ли мы, чтобы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ классахъ словесности и высшего краснорѣчія, учреждаемы были особыя кафедры для преподаванія *теоріи живаго слова*, или, чтобы наши ораторы, имѣющіе по времени сознать и заявить себя художниками въ своемъ дѣлѣ, открывали у себѣ, какъ было въ древности, частныя аудиторіи для обученія, путемъ теоріи и практики, желающихъ тому роду краснорѣчія, о которомъ мы разсуждаемъ? — Отчего-же было-бы и не желать того и другаго, — но мы знаемъ, что такое желаніе у насъ нынѣ, пожалуй, по господствующимъ предразсудкамъ, будетъ принято также, какъ триста лѣтъ назадъ было-бы принято желаніе учредить университеты, клиники, обсерваторіи, консерваторіи и пр. Хотя исторія свидѣтельствуетъ, что изъ нашего великаго народа, поглощающаго въ себя всякія народности, возможно ожидать и всякихъ дарованій, и хотя съ другой стороны, — не имѣй мысли, не дойдешь и до дѣла, не начни дѣла, не увидишь и его развитія и совершенства; но позволяя себѣ эти мечты, мы высказываемъ въ сущности болѣе скромное намѣреніе и цѣль въ надеждѣ, что и намѣреніе наше никому не покажется страннымъ, и цѣль недостижимую. Вотъ мысли, которыя мы желали-бы пустить въ обращеніе въ нашемъ образованномъ обществѣ съ надеждою, что онѣ не будутъ лишними и не останутся безплодными:

а) Мы знаемъ, что при достаточномъ образованіи, которое получаетъ у насъ нынѣ духовенство, есть въ немъ, хотя и не въ большомъ количествѣ, способности къ живому слову, но онѣ остаются безъ движенія по робости, по недостатку опытныхъ указаній и по незнанію существенныхъ отличій живаго слова отъ слова писаннаго и первыхъ практическихъ приемовъ въ проповѣди этого рода. Мы видимъ, что въ нашей духовной литературѣ начинаютъ появляться совѣты духовенству относительно приученія къ устной проповѣди, совѣты не отличающіеся вѣрностію указаній

и опытноію. *) Мы желаемъ вывести этотъ важный предметъ на болѣе широкое поле въ нашей литературѣ — не только духовной, но и свѣтской для обсужденія и по возможности всесторонней разработки какъ съ теоретической, такъ и съ практической стороны. Для этой цѣли рѣшаемся высказать о немъ и свои мнѣнія и наблюденія, разумѣется, безъ всякаго намѣренія выдавать ихъ за безошибочныя и совершенно зрѣлыя и вѣрныя. Что нами будетъ поставлено невѣрно и сказано недостаточно, поправлять и пополнять другіе.

б) Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ нынѣ принято приучать учениковъ къ передачѣ содержанія уроковъ свободною рѣчью, своими словами; это приемъ вѣрный и весьма полезный для развитія въ молодыхъ людяхъ живости мысли и развязности въ словѣ. Здѣсь кроется самый вѣрный способъ съ ранняго дѣтства замѣчать въ молодыхъ людяхъ ораторскіе таланты; нужно только наставникамъ не опускать изъ виду цѣли — открывать эти дорогія способности. Затѣмъ дѣлаемая въ этомъ родѣ наблюденія сообщать наставникамъ собственно словесныхъ наукъ, предлагать имъ провѣрить сдѣланныя другими наблюденія и принять развѣтствіе у юношей замѣчательнаго дара слова на свое особое попеченіе.

в) Преподавателямъ словесности и высшаго краснорѣчія поставить уже въ прямую обязанность не только подмѣчать, но и заботиться о развитіи замѣченныхъ ораторскихъ талантовъ. Какъ развивать ихъ, — это и есть предметъ, какъ мы сказали, подлежащій обсужденію всей нашей мыслящей и пишущей братіи, предметъ у насъ новый и требующій особеннаго вниманія и сочувствія. Правда, еще не перевелись у насъ мыслители, отвергающіе *всю теорію* словесности и краснорѣчія, которые убѣждены, что довольно молодому человѣку только послѣдовательно показать образцы слова изъ исторіи литературы, начиная отъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ до „Бориса Годунова“ Пушкина, и талантъ разовьется самобытно, и удивитъ міръ новыми сторонами человѣческаго генія. Но такъ какъ это тоже *теорія* и такъ какъ она дала

*) Руководство для сельск. насгыр. 1883 г. № 49.

намъ много писателей безъ логики и грамматики, то мы и надѣмся, что эти воззрѣнія отходятъ уже въ область исторіи нашихъ заблужденій въ дѣлѣ просвѣщенія и не помѣшаютъ другимъ заняться предлагаемымъ нами дѣломъ. Мы этого и ожидаемъ отъ людей, желающихъ пользы нашему отечеству и Церкви.

Наконецъ, г) мы надѣмся, что и само правительство, если дѣло достаточно выяснится и получитъ надежда практическаго его примѣненія въ учебныхъ заведеніяхъ, не откажетъ въ своемъ содѣйствіи какъ относительно тщательнаго выбора въ должности преподавателей словесности людей, способныхъ именно къ этому дѣлу, такъ и въ открытіи имъ свободы и простора для выполненія ихъ задачи. Къ послѣднему обстоятельству мы относимъ не только устраненіе ложныхъ теорій въ преподаваніи словесности, въ родѣ упомянутой, но и прекращеніе въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ вмѣшательства въ обученіе молодыхъ людей искусству сочиненій, — которое по существу дѣла должно принадлежать одному лицу, — другихъ наставниковъ всевозможныхъ наукъ, задающихъ темы, испытывающихъ на бумагѣ количество свѣдѣній, собранныхъ воспитанниками, но не могущихъ по самому распредѣленію своихъ занятій слѣдить за развитіемъ въ воспитанникахъ правильнаго мысленія, связнаго изложенія мыслей и надлежащаго употребленія слова. Семь такихъ нянекъ не могутъ правильно развить въ молодомъ человѣкѣ ни авторскаго, ни ораторскаго таланта: всѣ испытываютъ, и никто не слѣдитъ и не исправляетъ недостатковъ молодаго писателя. А руководить его послѣдовательно въ употребленіи живаго слова, конечно, нельзя тѣмъ наставникамъ, которые воспитанника видятъ только въ своемъ спеціальному классѣ и при своемъ дѣлѣ, и получаютъ готовые сочиненія на заданныя ими темы только для прочтенія и постановки балла, при чемъ они и считаютъ себя въ правѣ только слѣдить, какъ мы сказали, на сколько сочиненіе свидѣтельствуетъ объ усвоеніи авторомъ ихъ науки, а не за достоинствами литературными.

Но мы полагаемъ, что не только въ этихъ указанныхъ нами

отношеніяхъ, но и во многихъ другихъ будетъ полезно изслѣдованіе о такой важной отрасли человѣческихъ дарованій и такомъ сильномъ двигателѣ въ общественной жизни, какъ *живое слово*. Приступимъ-же къ самому дѣлу.

сѣ.

(До слѣдующей книжки.)

ПАПСТВО и АРНОЛЬДЪ БРЕШІАНСКІЙ.

„Dicebat, quae christianorum legi concordant plurimum,—et a vita quam plurimum dissonant“.

Historia pontificalis c. 31.

I.

Свѣтской власти папъ положенъ конецъ только въ 1870 г., а между тѣмъ уже давнымъ давно находились люди, которые открыто и рѣшительно возставали противъ той власти. Къ такимъ людямъ принадлежалъ Арнольдъ Брешианскій, одинъ изъ самыхъ раннихъ и наиболѣе замѣчательныхъ противниковъ папства, жившій еще въ XII ст. Этотъ смѣлый реформаторъ, желавшій возвратить современную ему церковь къ ея первоначальному устройству и апостольской чистотѣ, проповѣдывалъ противъ свѣтской власти папъ, противъ вмѣшательства церкви въ государственныя, мірскія дѣла и стремился къ упроченію въ Римѣ свѣтскаго правительства на началахъ свободы. Хотя Арнольдъ Брешианскій впадалъ въ крайность, былъ республиканцемъ по убѣжденіямъ, требовалъ не только секуляризаціи церковныхъ имуществъ, но и полного отреченія духовенства отъ собственности, но тѣмъ не менѣе интересно взглянуть на судьбу человѣка, который за семь слишкомъ вѣковъ до нашего времени мечталъ уже о томъ, что отчасти осуществилось лишь недавно.

Дѣятельность Арнольда Брешианскаго относится къ тому моменту, когда между папами и императорами, послѣ долгой борьбы за инвеституру, установилось, такъ сказать, перемиріе

и когда готовилась новая, еще болѣе ожесточенная борьба папства съ знаменитыми Гогенштауффенами, когда въ Италиі разцвѣла и созрѣла свобода Ломбардскихъ городовъ и вновь ожили воспомнанія объ античномъ мірѣ, а во Франціи, тогдашнемъ центрѣ новаго умственного движенія, родивъ Бернарда и Абеяра, началось процвѣтаніе схоластики,—и когда противъ господствовавшаго направленія римской церкви слышались уже тамъ и сямъ оппозиціонные голоса то отдѣльныхъ лицъ, то цѣлыхъ сектъ. Въ ученіи Арнольда Брепінскаго мы замѣчаемъ два элемента—церковно-реформаторскій и политическій. А чтобы понять, какимъ образомъ въ XII в. на Западѣ могли сложиться убѣжденія, подобныя Арнольдовымъ, необходимо ближе всмотрѣться въ ту сферу идей, среди которой жилъ Арнольдъ, и главнымъ образомъ обратить вниманіе на тогдашнее положеніе католической церкви и папства.

II.

Прошло то время, когда въ Григоріѣ VII видѣли лишь простаго честолюбца, руководившагося въ своихъ дѣйствіяхъ мелочнымъ эгоизмомъ и изъ одного только властолюбія желавшаго захватить въ свои руки господство надъ міромъ. Теперь большинство изслѣдователей (даже изъ протестантовъ), не отрицая совершенно властолюбивыхъ замысловъ Гильдебранда, согласно однако въ томъ, что онъ—одинъ изъ величайшихъ реформаторовъ, а вовсе не рьяный реакціонеръ, хотя полное осуществленіе его идей, конечно, повергло бы Европу въ совершенный застой. А какъ дѣйствительно необходима была въ тѣ времена церковная реформа, видно даже изъ бѣлаго взгляда на тогдашнее положеніе католической церкви. До половины XI ст. церковь на Западѣ находилась въ большей или меньшей зависимости отъ свѣтской власти. Въ ней господствовало мірское направленіе. Безнравственность и пороки духовенства, симонія, безсовѣстный торгъ духовными должностями достигли крайней степени. На епископства и аббатства свѣтскіе владѣтели смотрѣли лишь какъ на доходныя мѣста для своихъ приверженцевъ и родственниковъ. Даже папскій пре-

столь сдѣлался достояніемъ могущественныхъ знатныхъ фамилій, напр. графовъ Тускуланскихъ. Для характеристики состоянія римской церкви въ ту эпоху достаточно сказать, что въ 1033 г., подъ именемъ Бенедикта IX, папой дѣлается *десяти-лѣтній мальчикъ* Теофилактъ (изъ рода Тускуланскихъ графовъ) и, въ довершеніе всего, это чудовище безнравственности *продаетъ папскій престоль по формальному договору за 1000 фунтовъ серебра* (въ 1045 г.).

Воодушевленный сознаниемъ высокаго назначенія духовной власти, Гильдебрандъ всецѣло проникнуть былъ идеей *независимости* церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и папства. Эта мысль проходитъ чрезъ всѣ его дѣйствія, чрезъ всѣ его реформы: знаменитый декретъ 1059 г. долженъ былъ обезпечить на будущее время папскій престоль за свободно избранными и достойными личностями; введеніе целибата (безбрачія духовенства), помимо нравственныхъ цѣлей, имѣло въ виду поставить духовныхъ лицъ въ болѣе независимое отъ свѣтской власти положеніе и обратить ихъ, несвязанныхъ семейными узами, въ орудія, преданныя исключительно церкви и ея главѣ, папѣ; наконецъ, запрещеніе симоніи и инвеституры должно было довершить дѣло освобожденія церкви. Вся причина зла, по мнѣнію Гильдебранда, коренилась въ томъ, что церковь была слугою свѣтской власти; необходимо было освободить ее отъ этой зависимости, а для этого, при неразрывной связи церкви и государства, характеризующей тѣ времена, единственнымъ средствомъ являлось возвысить церковь надъ государствомъ, папство надъ императорствомъ *). Духъ времени, преобладаніе религіознаго элемента въ тогдашней жизни, казалось, обезпечивали побѣду за Римскимъ престоломъ. И Гильдебрандъ, сдѣлавшись папой, открыто провозглашалъ превосходство духовной власти надъ свѣтской, открыто присвоивалъ себѣ право низлагать королей, разрѣшать подданныхъ ихъ отъ присяги и т. под. Увлеченный представленіемъ о высотѣ и святости назначенія церкви, онъ предъявлялъ притязанія на міровое господство.

Полное торжество идей Григорія VII повлекло бы за собой

*) Reumont, Geschichte der Stadt Rom, II, 370—371.

утвержденіе на Западѣ чисто восточной теократіи. Но безусловной побѣды папство никогда не могло достигнуть. Европѣ теократія этого рода оказалась несвойственной *). Прежде всего вступилась за свои права свѣтская власть въ лицѣ германскихъ императоровъ. Началась борьба за инвеституру. Она была роковымъ слѣдствіемъ той тѣсной, неразрывной связи церкви и государства, на которой основывался тогдашній строй западной Европы. За вопросомъ объ инвеститурѣ скрывался другой, болѣе важный: дѣло шло о существованіи *независимой* свѣтской власти **).

Спрашивается теперь, что принесли католической церкви преобразованія Григорія VII и новыя притязанія папства? Излечили-ли они ее отъ прежнихъ недуговъ?—Нечего, конечно, говорить уже о томъ, что введеніе обязательнаго celibата нисколько не улучшило нравственности духовенства, а скорѣе вредно отозвалось на ней; а потому, не останавливаясь на этомъ, приедемъ нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ вообще тогдашнее состояніе и духъ римской церкви.

Сторонникъ папской власти, Іоаннь Салисбурійскій, однажды въ дружеской, откровенной бесѣдѣ съ папой Адрианомъ IV, передалъ ему, какое мнѣніе распространено было въ народѣ о римскомъ духовенствѣ: „Римская церковь, мать всѣхъ церквей, говорили многіе, относится къ другимъ не какъ мать, а какъ мачиха. Въ ней возсѣдаютъ книжники и фараисеи... Они разоряютъ церкви, возбуждаютъ раздоры, ссорятъ духовенство съ народомъ, вовсе не сочувствуютъ нуждамъ и бѣдствіямъ несчастныхъ, радуются, захватывая церковныя имущества, и всякое стяжаніе считаютъ дѣломъ благочестія; на судѣ рѣшаютъ они не столько по правдѣ, сколько за деньги... Да и власть папы для всѣхъ тяжела, почти невыносима...“ А вотъ примѣръ, какъ вели себя папскіе уполномоченные. Въ 1151 г. папа Евгенийъ III отправилъ въ Германію въ качествѣ легатовъ двухъ кардиналовъ — Іордана и Октавіана. ***) Папа, между прочимъ, предписывалъ имъ соблюдать *умѣренность* (Іорданъ

*) Вызникскій, Папство и священ. Римск. имперія, 93, 98.

**) Ср. Laurent, L'église et l'état, I, 260—268.

***) Октавіанъ — впоследствии антипапа Викторъ IV.

напр. не долженъ былъ имѣть при себѣ болѣе 15 лошадей, а Октавіанъ — болѣе 20) и быть сдержаннѣе въ поборахъ, чѣмъ были они во время своего посольства къ Сицилійскому королю, „ибо Тевтоны всегда болѣе всѣхъ строили козни римской церкви и изъ-за ничтожныхъ поводовъ часто притѣсняли ее“. Но тщетны были всѣ убѣжденія и настоянія папы: по словамъ одного средневѣковаго писателя, Иорданъ и Октавіанъ, во всемъ несходные между собою, сходились однако въ одномъ — въ жадности и хищничествѣ; тотъ и другой „подъ овечьей шкурой скрывалъ въ себѣ волка“; своими-же несогласіями и соперничествомъ они дѣлали римскую церковь всеобщимъ посмѣшищемъ. Наконецъ, эти „мучители людей, вымогатели денегъ“, какъ называетъ ихъ тотъ-же авторъ, вынуждены были покинуть Германію, „оставивъ послѣ себя ненависть и презрѣніе къ римской церкви“. Такіе легаты являлись настоящимъ бичемъ для посѣщаемыхъ ими странъ, и неудивительно, если многіе жители старались посредствомъ выкупа избавиться отъ подобныхъ посѣщеній.

Рейхеребергскій пробстъ Герохъ, человѣкъ религіозный, котораго никакъ нельзя заподозрить въ враждебномъ отношеніи ко всей католической церкви или въ склонности къ какой-либо ереси, скорбѣлъ о томъ, что „церковь римская“ превратилась въ „*курію* *) римскую“. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время достояніемъ папства была абсолютная власть съ неизбѣжными ея недостатками и въ Римѣ сосредоточено было управленіе церквами всей западной Европы. Здѣсь рѣшались всевозможныя дѣла, иной разъ не имѣвшія никакого отношенія въ религіи. Папскій дворъ ничѣмъ въ сущности не отличался отъ двора какого-нибудь могущественнаго свѣтскаго властелина, и та симонія, съ которой такъ боролся Григорій VII, свила себѣ гнѣздо у самаго папскаго престола, скрываясь лишь подъ болѣе благовидными именами. Не даромъ-же повсюду раздавались жалобы на несправедливость, корыстолюбіе и взяточничество римскаго двора, гдѣ приходится платить за каждый листокъ бумаги, за каждый почеркъ пера, — гдѣ продажность доходитъ до самыхъ гнусныхъ, чудовищныхъ размѣровъ, гдѣ бѣд-

*) Правительственное, присутственное мѣсто.

няку не найти правосудія! Что подобныя жалобы были вполне основательны, лучше всего показывают отзывы Бернарда Клервоскаго: въ письмахъ и трактатахъ знаменитаго аббата мы встрѣчаемъ немало указаній на безнравственность, роскошь и алчность современнаго ему духовенства. Но замѣчательнѣе всего тѣ предостереженія и укоры, съ которыми обращается Бернардъ къ самому римскому первосвященнику. Опъ говорить о томъ постыдномъ рабствѣ, на которое, подъ видомъ господства, обрекъ себя папа. Пусть папа, замѣчаетъ Бернардъ, не ссылается на слова апостола Павла, сказавшаго о себѣ, что онъ „поработилъ себя всѣмъ“ (Коринт., 1, 9, 19), ибо „развѣ къ Павлу стремились со всего свѣта честолюбцы, корыстолюбцы, симонисты, развратники и тому подобныя чудовища, чтобы, благодаря его апостольскому авторитету, получить или упрочить за собою почетныя мѣста въ церкви?“ — „Что можетъ быть хуже того рабства“, продолжаетъ Бернардъ, „что можетъ быть менѣе достойно папы, какъ то, что ты почти ежечасно занимаешься подобными дѣлами и ради подобныхъ лицъ? Гдѣ-же, наконецъ, время для молитвы, для наставленія паствы, устройства церкви, размышленія о божественномъ законѣ? Правда, въ папскомъ дворцѣ ежедневно провозглашаются законы, но то законы Юстиніана, а не Господа... Апостоль Петръ, замѣчаетъ также Бернардъ, не являлся въ драгоценныхъ камняхъ, въ шелку и золотѣ, возсѣдая на бѣломъ конѣ, сопровождаемый солдатами и окруженный шумною толпою слугъ. *Въ этомъ ты наслѣдовалъ не Петру, а Константину*“. Въ одномъ письмѣ къ Евгенію III Бернардъ восклицаетъ съ скорбнымъ чувствомъ: „О если-бы мнѣ до кончины своей увидѣть церковь Божию, какою она была въ старину, когда апостолы закидывали сѣть не для ловли золота или серебра, а для ловли душъ“! Слова Клервоскаго аббата для насъ особенно важны: это говорить не врагъ, а опора римской церкви и папства, гроза еретиковъ, „пророкъ и оракулъ“ своего времени. Чего-же ожидать отъ людей, отличавшихся большею свободою мысли? Ясно, что тогдашнее положеніе католической церкви было далеко неудовлетворительное.

Итакъ, преобразованія въ Григоріанскомъ духѣ, попытка

возвысить церковь надъ государствомъ, нарушили мирныя отношенія между духовною и свѣтскою властью, а нравственнаго состоянія духовенства все-таки не улучшили. Да и какъ далеки были вообще идеалы Гильдебранда отъ идеала истинно-христіанской церкви! Понятно поэтому, что Григорій VII и его преемники должны были встрѣтить оппозицію не въ однихъ только представителяхъ свѣтской власти: послѣдняя находила себѣ союзниковъ въ средѣ самого же духовенства и вела борьбу при помощи не одной матеріальной силы. Противоположность двухъ борющихся началъ отразилась и въ литературѣ. Между сторонниками обѣихъ партій, папской и императорской, дѣло доходило до полемики, и тутъ противъ новыхъ, неслыханныхъ притязаній римскаго престола нерѣдко возвышаются свой голосъ люди глубоко вѣрующіе, преданные сыны католической церкви. Они указываютъ на противорѣчіе папскихъ стремленій съ Св. Писаніемъ, церковнымъ преданіемъ и обычаемъ; они напоминаютъ о евангельскихъ словахъ: „воздадите кесарево Кесареви“; они никакъ не могутъ согласиться съ тѣмъ, что папамъ принадлежитъ право низлагать королей, разрѣшать подданныхъ отъ присяги и т. под.; въ своихъ доводахъ они ссылаются на примѣръ Церкви время апостольскихъ.

Все это, конечно, возбуждало умы и вызывало критическое отношеніе къ господствовавшимъ церковнымъ порядкамъ на Западѣ. Самыя основы папскихъ притязаній подвергались строгой оцѣнкѣ. Невольно бросался въ глаза рѣзкій контрастъ между духовенствомъ, напр., XII в. и апостольскою Церковью: съ одной стороны—богатство, могущество, притязанія на господство и въ сферѣ свѣтскихъ дѣлъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ забвеніе своего прямого назначенія и пороки; съ другой—бѣдность, непритязательность и нравственная чистота. Естественно могло явиться желаніе видѣть церковь такою, какою она была во время апостоловъ. Единственнымъ, повидимому, средствомъ для этого было — отстранить церковь отъ вмѣшательства въ свѣтскія дѣла, ограничить ее одною духовно-религіозною сферою, лишить ее того матеріальнаго могущества, блеска и богатства, которыя какъ-бы приковывали ее къ земнымъ цѣлямъ и мѣ-

шали ея настоящему назначенію. Недаромъ-же самъ папа Пасхалій II (въ нач. XII ст.), слабый, добродушный старикъ, думая рѣшить спорный вопросъ объ инвеститурѣ, хотѣлъ заставить духовенство возвратить государству то, что принадлежало послѣднему, т. е. лены и регалии, и прямо заявлялъ, что духовныя лица не должны быть обременены мірскими заботами. Тоже самое повторяютъ, но уже въ интересахъ государства, сторонники императорской власти.

Смѣлымъ выразителемъ этой-же мысли, вполне послѣдовательно проводившимъ ее, былъ и Арнольдъ Брешианскій. Почва для его дѣятельности была уже подготовлена на сѣверѣ Италіи *патаріей*.

Въ Ломбардіи недовольство направленіемъ, господствовавшимъ тогда въ католической церкви, было уже сильно распространено и виновниками этой реакціи были отчасти сами папы. Въ то время, какъ римская церковь принялась за дѣло церковной реформы, на сѣверѣ Италіи, прежде всего въ Миланѣ, среди самого населенія происходило движеніе, также направленное противъ духовныхъ лицъ, занятавшихъ себя порочною жизнью и симоніей. Недовольные, получившіе названіе *патареновъ*, ставили въ примѣръ апостольскую Церковь и требовали отъ духовенства нестяжанія, безбрачія и вообще чистоты нравовъ; при этомъ они утверждали, что симонисты и люди порочные недостойны даже совершать Таинства. Чтобы доставить торжество проводимой ими реформѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы окончательно подчинить себѣ миланскую церковь, старавшуюся сохранить свою самостоятельность, папы покровительствовали возникшему движенію; именно у римскаго престола патарія и находила себѣ покровительство и защиту. Но вызывая для достиженія своихъ цѣлей броженіе въ массахъ, возстановляя народъ противъ епископовъ и священниковъ, виновныхъ въ симоніи, папы прибѣгали къ опасному средству, къ обоюдо-острому оружію. И въ самомъ дѣлѣ, можно-ли было поручиться, что это движеніе останется въ предѣлахъ, предназначенныхъ ему папами? Вѣдь та симонія, та безнравственность духовенства, противъ которой возставала патарія, существовала въ римской церкви и послѣ Григорія VII, только подъ

другими видами и именами; сами папы далеко не были безупречны. Понятно поэтому, что движеніе, разъ возбужденное, могло принять направленіе, враждебное всей вообще господствовавшей церкви и опасное для самого папства *).

Движеніе, возникшее въ Миланѣ, а затѣмъ перешедшее и въ другіе города сѣверной Италіи, въ своемъ началѣ было чисто демократическое. Главы его, Аріальдъ, Ландульфъ, Эрлембальдъ—настоящіе демагоги, хотя они и происходили изъ рыцарскаго рода. При томъ, патарія носила на себѣ отчасти національный отпечатокъ: вѣдь духовныя лица, запятнавшія себя симоніей, противъ которыхъ собственно и возставали патарены, были по большей части креатуры германскаго короля **).

Итакъ, тѣ идеи относительно преобразования католической церкви, проповѣдникомъ которыхъ выступилъ Арнольдъ, въ основѣ своей были уже извѣстны сѣверной Италіи. Намъ остается указать, при какихъ обстоятельствахъ могли сложиться республиканскія воззрѣнія Арнольда.

Въ разсматриваемую нами эпоху, особенно со времени крестовыхъ походовъ, въ сѣверно-итальянскихъ городахъ развилась торговля, и благосостояніе ихъ достигло высокой степени; а борьба за инвестиру, борьба свѣтской и духовной власти, должна была отразиться благотворнымъ образомъ и на развитіи ихъ политической свободы: она подорвала могущество епископовъ, которымъ подчинено было до тѣхъ поръ большинство итальянскихъ городовъ, и значительно ослабила въ Италіи власть самихъ императоровъ; послѣднимъ, въ борьбѣ съ папами, было не до поддержанія императорскаго авторитета въ городахъ; напротивъ, уступками они думали склонить въ свою пользу горожанъ, обратить ихъ въ своихъ союзниковъ. А между тѣмъ вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія императоровъ, ихъ права въ Италіи приходили въ забвеніе, и городское населеніе все болѣе и болѣе привыкало къ самостоятельности и автономіи. Такимъ образомъ, въ борьбѣ за инвестиру рядомъ

*) Neander. Allgem. Gesch. der christlich. Religion und Kirche, IV, 167; Cherrier, Hist. de la lutte des papes et des empereurs de la maison de Souabe, I, 62—63.

***) Cp. Wilhelm W. Giesebricht. Gesch. der deutsch. Kaiserzeit, III, 29

съ папскою и императорскою властью начинаетъ выступать новая сила—итальянскіе города *). Въ то же время въ послѣднихъ уменьшается прежняя рознь и обособленность сословіи, соединяющихся мало-по-малу въ одно цѣлое **), и уже въ началѣ XII в. мы видимъ въ Ломбардіи городскія общины съ свободными республиканскими учрежденіями.

Пріймемъ все это во вниманіе и мы поймемъ, что на сѣверѣ Италіи были всѣ данныя, всѣ условія для развитія возрѣвнѣй, подобныя Арнольдовымъ. Именно здѣсь, въ Ломбардіи, прежде всего могъ явиться ***) республиканецъ-демагогъ, съ демократическими идеями, съ протестомъ противъ свѣтской власти папъ и противъ правъ духовенства владѣть собственностью.

III.

Приступая къ очерку дѣятельности Арнольда, мы должны замѣтить, что источники даютъ намъ очень мало извѣстій о немъ; притомъ и эти скудныя извѣстія не отличаются безпристрастіемъ: всѣ они принадлежатъ авторамъ, смотрѣвшимъ враждебно на реформатора. Понятно поэтому, что личность знаменитаго противника свѣтской власти папъ не можетъ предстать предъ нами въ цѣльномъ, живомъ образѣ, съ вполне ясными и опредѣленными чертами.

Родиной Арнольда былъ одинъ изъ самыхъ свободолюбивыхъ городовъ сѣверной Италіи — Брешиа; отъ этого города онъ и получилъ свое прозваніе. Годъ его рожденія въ точности неизвѣстенъ: въ источникахъ пѣтъ на это указаній; думаютъ, что онъ родился въ началѣ XII ст., слѣдовательно, еще въ эпоху борьбы за инвеституру. О происхожденіи Арнольда источники также ничего не говорятъ; видимъ мы его уже клирикомъ, именно „лекторомъ“ въ Брешии. Еще въ молодости побывалъ онъ во Франціи и пользовался тамъ уроками знаменитаго Абеяра, съ которымъ потомъ пришлось ему снова встрѣтиться уже изгнанникомъ. Впрочемъ, относитель-

*) Ср. Gregorovius, *Gesch. der Stadt Rom im Mittelalter*, IV, 429.

**) См. главн. образомъ Karl Hegel, *Gesch. der Städteverfassung von Italien*, II, 137—205.

***) Ср. Gregorovius, IV, 452.

но этого обстоятельства между исследователями существует разногласіе: не всѣми признается тотъ фактъ, что Арнольдъ былъ ученикомъ Абеяра. Дѣло въ томъ, что изъ источниковъ одинъ только Оттонъ Фрейзингенскій говоритъ объ этомъ, и нѣкоторые исследователи, основываясь на словахъ знаменитаго Арнольдова современника и врага, Бернарда Клервоскаго, отвергаютъ достовѣрность Оттонова извѣстія. *) Но врядъ-ли мы имѣемъ право относиться такъ къ свидѣтельству епископа Фрейзингенскаго: Бернардъ, во-первыхъ, легко могъ упустить изъ виду пребываніе Арнольда во Франціи съ научною цѣлью, такъ какъ его, по всей вѣроятности, мало интересовала прежняя судьба „схизматика“; съ другой стороны, слова Оттона, который самъ былъ во Франціи и занимался науками въ Парижѣ, должны имѣть для насъ особенное значеніе, а главное—тѣ выраженія въ Бернардовыхъ письмахъ, которыя собственно и служатъ опорой разбираемаго нами мнѣнія, слишкомъ неопредѣленны для того, чтобы, основываясь на нихъ, отвергать свидѣтельство Оттона Фрейзингенскаго: въ сущности въ нихъ нѣтъ ничего такого, что явно противорѣчило-бы извѣстію послѣдняго. **) Наконецъ, тотъ фактъ, что Арнольдъ еще въ молодости былъ ученикомъ Абеяра, самъ по себѣ чрезвычайно правдоподобенъ. То были времена славы Абеяра; со всѣхъ сторонъ стекались къ нему слушатели; шли изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ. Было-бы странно, если-бы въ числѣ учениковъ знаменитаго философа не находился такой любознательный, подвижной и дѣятельный человекъ, какимъ былъ Арнольдъ, жившій при томъ не далеко отъ Франціи. Недаромъ-же одна средневѣковая лѣтопись называетъ Арнольда магист-

*) По ихъ мнѣнію, епископъ Фрейзингенскій по ошибкѣ отнесъ позднѣйшія тѣсныя сношенія Абеяра съ Арнольдомъ къ тому времени, когда послѣдній не былъ еще изгнанникомъ. Въ пользу такого предположенія говоритъ, повидимому, то обстоятельство, что Оттонъ, сообщая объ удаленіи Арнольда изъ Брешіи въ 1139 г., упоминаетъ о его пребываніи въ Цюрихѣ, но ни слова не говоритъ о вторичномъ посѣщеніи имъ Франціи, мажду тѣмъ какъ извѣстно, что Арнольдъ, изгнанный изъ Италіи, ушелъ именно во Францію и вмѣстѣ съ Абеяромъ былъ на Санскомъ соборѣ.

**) Вотъ подлинныя слова Бернарда: „Sibilavit apis quae erat in Francia api de Italia, et venerunt in unum adversus Christum eius“ (письмо 189); „Execratus quippe a Petro apostolo, adhaeserat Petro Abailardo“... (письмо 195).

ромъ: вѣроятно же всего, что эта степень приобретена имъ во Франціи. Быть можетъ, впоследствии изгнанникъ-Арнольдъ и направилъ путь свой во Францію — къ Абельяру именно потому, что знакомство между ними завязалось еще раньше.

По возвращеніи Арнольда изъ Франціи, мы видимъ его въ санѣ священника; онъ дѣлается „регулярнымъ“ каноникомъ и затѣмъ „аббатомъ“, т. е. пробстомъ, *) въ Брешии. Съ этихъ-то поръ начинается его проповѣдническая дѣятельность. Это былъ характеръ непокойный. Онъ не останавливался на избитомъ, старомъ; напротивъ, его привлекало все новое и оригинальное, говоритъ одинъ современникъ. Человѣкъ даровитый, съ яснымъ, пронзительнымъ умомъ, краснорѣчивый и ревностно занимавшійся изученіемъ Св. Писанія, Арнольдъ былъ безупречной жизни, высокой нравственности. Слово у него не противорѣчило дѣлу. Проповѣдуя презрѣніе къ мірскимъ благамъ, онъ самъ служилъ живымъ примѣромъ для другихъ; онъ истощалъ свою плоть постомъ, носилъ самую грубую одежду. Съ несокрушимымъ мужествомъ и пылкою смѣлостью онъ соединялъ беззаветную преданность своей идеѣ. Вотъ какимъ является Арнольдъ въ характеристикѣ своихъ-же враговъ, — людей, видѣвшихъ въ немъ лишь дерзкаго и опаснаго схизматика, даже еретика!

Конечно, такой человѣкъ не могъ легко примириться съ тогдашнюю дѣйствительностью, не могъ спокойно, хладнокровно смотрѣть на пороки и роскошь окружавшаго его духовенства. Вспомнимъ притомъ, что его дѣтство и юность относятся къ тому времени, когда шла еще борьба за инвеституру; легко понять, какъ должны были отозваться на пылкомъ юношѣ эти событія, эта борьба двухъ началъ. Затѣмъ принимается онъ за изученіе Св. Писанія и видитъ, какая разница между бѣдною апостольскою Церковью и современною ему, богатою и могущественною, — между истинно-христіанскимъ идеаломъ и идеалами тогдашняго папства. Быть можетъ, кое-какія свѣдѣнія приобрѣлъ онъ и по римскому праву, изученіе котораго тогда уже начало распространяться въ Ломбардіи; отсюда онъ

*) Въ Италіи пробсты носили иногда титулъ аббатовъ. См. W. Giesebrecht, *Ann. von Brescia*, 8.

могъ узнать, что нѣкогда отношенія церкви къ свѣтской власти были совсѣмъ иныя. *) Бесѣды Абеляра, его смѣлый умъ, свободный взглядъ на религіозные вопросы, также не могли остаться безъ вліянія на ученика. И вотъ Арнольдъ выступаетъ съ своею обличительною проповѣдью. Это былъ опасный врагъ тогдашняго порочнаго духовенства. Не довольствуясь какими-нибудь частными, поверхностными реформами, Арнольдъ хотѣлъ вырвать зло съ корнемъ. Его идеаломъ была апостольская Церковь, съ ея бѣдностью и нравственною чистотою. Арнольдъ говоритъ: „духовныя лица не должны владѣть собственностью, епископы—регалиями, монахи—какими-либо имѣніями; всѣмъ этимъ могутъ пользоваться одни лишь міряне“; духовенству-же слѣдуетъ довольствоваться десятиною и добротными привошеніями. Онъ утверждалъ, что запятнанная пороками церковь не есть домъ Божій, что порочные епископы въ сущности не епископы и т. под.

Вотъ главные положенія Арнольда. Правда, Оттонъ Фрейзингенскій добавляетъ при этомъ, будто-бы Арнольдъ неправильно училъ еще о Таинствѣ евхаристіи и крещеній дѣтей; но дальнѣйшихъ подробностей объ этомъ мы не знаемъ, а нѣкоторыя обстоятельства, какъ увидимъ, заставляютъ думать, что Арнольдъ не былъ еретикомъ въ настоящемъ смыслѣ слова, что относительно догматовъ онъ сходилъ съ ученіемъ католической церкви. **) Притомъ, и самъ Оттонъ Фрейзингенскій приводитъ упомянутое извѣстіе только какъ слухъ („Dicitur“).

Проповѣдь Арнольда взволновала городъ. Его краснорѣчіе, пороки духовенства, недовольство господствовавшею церковью, все это содѣйствовало одно одному. Дѣло дошло до того, что когда Брешианскій епископъ Маннфредъ, пробывъ довольно долго въ Римѣ, захотѣлъ возвратиться, наконецъ, въ Брешию, то жители едва согласились принять его къ себѣ. Между тѣмъ молва объ Арнольдѣ распространялась, и уже въ 1139 г., на

*) См. W. Giesebrecht, *Gesch. der deutsch. Kaiserzeit*, IV, 320.

**) Шеррье („*Hist. de la lutte des papes et des emper. de la maison de Souabe*, I, 98) говоритъ, будто Арнольдъ отвергалъ поклоненіе кресту. На чемъ основывается подобное мнѣніе, не знаю; развѣ, можетъ быть, на словахъ Бернарда, который, говоря объ Арнольдѣ, употребляетъ выраженіе: „врагъ креста Христова“, но врядъ-ли это выраженіе нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Латеранскомъ соборѣ, онъ былъ обвиненъ епископомъ Маннфредомъ и нѣкоторыми другими лицами предъ папой Иннокентіемъ II. Найденный виновнымъ, онъ былъ смѣщенъ съ должности и изгнанъ изъ Италіи, причемъ съ него взято клятвенное обѣщаніе не возвращаться на родину безъ позволенія папы. Этотъ приговоръ, по словамъ Неандера, *) показываетъ, что Арнольдъ не былъ собственно уличенъ въ ереси; иначе съ нимъ не поступили-бы такъ снисходительно и не удовольствовались бы однимъ удаленіемъ его изъ Италіи, такъ какъ еретики вездѣ были одинаково опасны для церкви. Повидимому, Арнольда удалили, какъ человѣка неудобнаго, безпокойнаго, отъ близкаго сосѣдства съ которымъ желали избавиться.

Изгнанникъ отправился во Францію. Страна эта была тогда средоточіемъ умственной жизни Европы: нигдѣ не было въ то время такого научнаго оживленія, какъ здѣсь. Средневѣковая схоластика возникла главнымъ образомъ на французской почвѣ. Люди, жаждавшіе знанія, отправлялись во Францію, въ Парижъ, чтобы послушать тамъ знаменитыхъ учителей. Среди послѣднихъ-же самое видное мѣсто занималъ прежній наставникъ и другъ Арнольда — Абеляръ.

Кому неизвѣстно имя Абеляра, знаменитаго мыслителя XII вѣка? Онъ является во главѣ умственнаго движенія, объявшаго въ то время Францію. Въ теченіе долгаго времени разумъ находился въ полномъ пренебреженіи; Абеляръ первый, чрезъ нѣсколько вѣковъ, открыто и рѣшительно заговорилъ о его правахъ. Онъ хотѣлъ не только *сказать*, но и *доказывать* правильность своего вѣрованія. Путемъ разума стремился онъ дойти до того, до чего другіе доходили путемъ вѣры. Онъ не высоко цѣнилъ ту вѣру, которая не основывалась на изслѣдованіи, не опиралась на доказательства: такая вѣра, по его мнѣнію, не могла быть твердою. Абеляръ хотѣлъ согласовать древнюю философію съ христіанствомъ: послѣднее онъ ставилъ въ болѣе близкое отношеніе къ первой, чѣмъ къ іудейству. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій („Sic et non“) Абеляръ старался отыскивать у нѣкоторыхъ учителей церкви противорѣчивыя мнѣнія касательно различныхъ религіозныхъ вопросовъ и догматовъ съ цѣлью,

*) V, 197.

какъ онъ самъ говоритъ, побудить читателя къ изслѣдованію истины. Сомнѣніе, по убѣжденію Абельяра, было необходимо для достиженія истины; извѣстны его слова: „путемъ сомнѣнія доходимъ мы до изслѣдованія, путемъ-же изслѣдованія познаемъ мы истину“,—слова, очень смѣлыя для XII ст. Чтобы вѣрно оцѣнить смѣлость Абельяра, нужно вникнуть въ тогдашнее міровоззрѣніе и представить себѣ господствовавшее слѣпое подчиненіе человѣческому авторитету въ вопросахъ религіи.

Слава Абельяра была велика. Со всѣхъ концовъ Франціи, изъ Италіи, Нидерландовъ и Германіи, отовсюду стекались къ нему ученики. Онъ имѣлъ послѣдователей даже въ самомъ Римѣ, при папскомъ дворѣ. Мы привыкли говорить о варварствѣ и невѣжествѣ среднихъ вѣковъ; а между тѣмъ, какъ велика была въ тѣ времена жажда знанія, любовь къ наукѣ,—не говоря уже о томъ, что въ XIII ст. въ лучшихъ университетахъ западной Европы бывало по десятку тысячъ студентовъ; люди, желавшіе учиться, не останавливались ни передъ какими препятствіями, переносили терпѣливо всевозможныя неудобства, лишь-бы только послушать какого-либо знаменитаго учителя. Когда напр., Абельяръ принужденъ былъ удалиться въ пустынную мѣстность Шампаньи, то ученики его послѣдовали за нимъ и туда. Тамъ построили они себѣ жалкіе шалаши; вмѣсто изысканной пици, къ которой они привыкли, питались они полевыми травами и простымъ хлѣбомъ; вмѣсто мягкаго ложа служили имъ постели изъ соломѣ и тростника, а глыба земли замѣняла имъ столъ.

Раціонализмъ и скептицизмъ, подобный Абельярову, въ XII ст. былъ новостью; онъ противорѣчилъ всему тогдашнему складу религіозныхъ воззрѣній, и немудрено, если у знаменитаго философа и учителя были противники, готовые обвинить его въ ереси; къ этому побуждала ихъ не одна только низкая зависть, какъ думалъ Абельяръ. Во главѣ Абельяровыхъ враговъ стоялъ св. Бернардь, одна изъ удивительныхъ личностей въ исторіи, характеризующая какъ нельзя лучше ту эпоху: простой аббатъ и въ то же время опора церкви, руководитель западно-европейскаго общества, человѣкъ, голосу котораго повируются короли и папы! По свидѣтельству одного современни-

ка, Бернардъ былъ „нѣсколько легковѣренъ“ и пыталъ отвращеніе къ тѣмъ ученымъ, которые полагались на разумъ человѣческой; если о такихъ людяхъ говорили, что они учатъ несогласно съ христіанскимъ ученіемъ, то аббатъ охотно слушалъ и вѣрилъ подобнымъ обвиненіямъ. Понятно поэтому, какъ долженъ былъ относиться онъ къ Абельяру. Бернарду казались опасными не столько мнѣнія Абельяра о Троицѣ, о субстанціи и сошествіи Св. Духа и т. под., сколько общій духъ его ученія и методъ. Въ своихъ письмахъ по поводу „еретическихъ“ мнѣній знаменитаго философа Клервоскій аббатъ возстаетъ противъ новыхъ притязаній разума; не разъ указываетъ онъ съ негодованіемъ на непростительную дерзость, съ какою Абельяръ хочетъ постигнуть разумомъ непостижимое и таинственное, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и преступая границы, положенныя отцами церкви. И у Абельяра не было болѣе опаснаго врага...

Арнольдъ Брешианскій прибылъ во Францію, когда противъ Абельяра поднялась новая буря. Пылкій Арнольдъ со всею смѣлостью и воодушевленіемъ, свойственными ему, принялъ участіе въ открывшейся борьбѣ. Но на чью-же сторону сталъ онъ?

Мы уже упоминали, какъ открыто указывалъ Бернардъ на недостатки современной ему церкви; ознакомимся теперь съ его воззрѣніями на папство, прежде чѣмъ отвѣтитъ на поставленный выше вопросъ. Вотъ какими словами описываетъ Бернардъ величіе папы въ своемъ сочиненіи: „О размысленіи“, которое посвятилъ онъ своему ученику, Евгенію III: „Кто ты?“ обращается онъ къ папѣ,—„ты великій священникъ, верховный жрецъ, глава епископовъ, наследникъ апостоловъ, ты первенствомъ Авель, правленіемъ Ной, патриаршествомъ Авраамъ, чиномъ Мельхиседекъ, достоинствомъ Ааронъ, авторитетомъ Моисей, судомъ Самуилъ, властью Петръ, помазаніемъ Христосъ. Ты тотъ, кому вручены ключи, кому ввѣрены овцы.... Ты единый пастырь не только овецъ, но и всѣхъ пастырей“.... Но Бернардъ вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ-бы, чтобы папа возвысился надъ міромъ и его заботами; онъ желаетъ видѣть его на недосыгаемой, идеальной высотѣ, и, предостерегая отъ увлеченія богатствомъ и могуществомъ, напоминаетъ

о временахъ апостольскихъ. „Не надо гордиться высокимъ положеніемъ“, говоритъ Бернардь; „для чего оно намъ дано? Не для господства, полагаю.... Знай, что тебѣ нужна лопата, а не скипетръ, чтобы исполнять обязанность пророка. Что получилъ ты отъ св. Апостола?... Не золото и серебро, ибо самъ Апостоль говоритъ: „серебра и золота нѣтъ у меня“. На основаніи словъ Спасителя Бернардь доказываетъ, что апостоламъ запрещено господство. „Осмѣлся только присвоить себѣ или апостольство въ качествѣ властелина, или владычество въ качествѣ преемника Апостола! Отъ того или отъ другаго ты долженъ отказаться; *если - же захочешь имѣть то и другое, то потеряешь все!* Образъ апостольскій такой: владычество запрещается, предписывается служеніе“... О взаимномъ отношеніи духовной и свѣтской власти Бернардь, обращаясь къ папѣ, говоритъ такимъ образомъ: „*Нѣтъ яда, нѣтъ меча болѣе для тебя страшнаго, какъ жажда власти!*... Зачѣмъ пытаешься ты присвоить себѣ мечъ, который тебѣ велѣно вложить въ ножны? Однако, кто отрицаетъ, что этотъ мечъ твой, тотъ не внимаетъ слову Господа, сказавшаго: „вложи мечъ свой въ ножны“. Слѣдовательно, и этотъ мечъ твой, но онъ долженъ быть вынутъ изъ ноженъ, можетъ быть, съ твоего согласія, но не твоею рукою.... Итакъ, оба меча принадлежать церкви, и духовный, и матеріальный; но одинъ долженъ быть употребляемъ за церковь, другой—церковью, одинъ—рукою священнослужителя, другой—рукою воина, но съ согласія священника и по повелѣнію императора“.

Припомнимъ сѣтованія Бернарда о мірскомъ направленіи церкви, и мы, не смотря на очевидное противорѣчіе, которымъ страдаетъ его теорія, найдемъ нѣкоторое сходство въ его воззрѣніяхъ съ воззрѣніями самого Арнольда. Но тѣмъ не менѣе, знаменитый аббатъ является непримиримымъ врагомъ послѣдняго. При всемъ видимомъ сходствѣ ихъ взглядовъ между ними была громадная разниа: одинъ хотѣлъ возвысить церковь надъ міромъ на идеальную, недосягаемую высоту, какъ власть *господствующую*,—другой думалъ *лишить* ее всякаго свѣтскаго могущетва и *ограничить* ее одною духовною областью. Такимъ образомъ, исходныя точки ихъ воззрѣній были совер-

шенно различны и даже противоположны. Бернардь, по вѣрному замѣчанію Вильгельма Гизебрехта *), исходилъ изъ идей Григорія VII, Арнольдъ-же былъ рѣшительнымъ противникомъ ихъ. Притомъ, Бернардь никакъ не могъ примириться съ тѣмъ радикализмомъ, съ тѣми республиканскими и демократическими стремленіями, которыми отличался Арнольдъ. Между ними, такимъ образомъ, немогло быть союза, а должна была быть вражда.

Иное дѣло Абеляръ. Арнольдъ былъ близокъ съ нимъ и прежде; теперь-же между ними установились еще болѣе тѣсныя отношенія. Мы слишкомъ мало знакомы съ философскими воззрѣніями Арнольда, чтобы судить о сходствѣ ихъ съ идеями Абеяра. Да Арнольдъ по своимъ наклонностямъ и не былъ настоящимъ философъ; онъ былъ политическій дѣятель и реформаторъ; онъ жаждалъ практической дѣятельности. Но его и Абеяра сближала извѣстная доля раціонализма, свободное отношеніе къ авторитету и традиціи. Это были натуры, сходныя по духу, по направленію дѣятельности, и немудрено, если реформаторъ политическій и церковный сошелся съ реформаторомъ средневѣковой науки и философіи. При томъ и у того, и у другаго былъ общій врагъ—тогдашнее католическое духовенство. И вотъ, въ открывшейся борьбѣ Арнольдъ мужественно поддерживаетъ своего наставника и друга, Бернардь въ своихъ письмахъ сравниваетъ Абеяра съ Голіафомъ, а Арнольда съ его оруженосцемъ: „выступаетъ Голіафъ“, говоритъ онъ, „предшествуемый своимъ оруженосцемъ. Арнольдомъ Брешианскимъ; они соединились противъ Господа и Помазанника Его“ и т. д.

Споръ между Абеяромъ и Бернардомъ долженъ былъ рѣшиться на Санскомъ соборѣ въ 1140 г. Арнольдъ былъ также здѣсь. Такъ сошлись три знаменитыхъ дѣятеля XII вѣка. Собраніе въ Санѣ было необыкновенно многочисленно и блестящее; самъ король, Людвигъ VII, присутствовалъ на немъ. Личности борющихся противниковъ возбуждали общее вниманіе, и неудивительно—слава о нихъ была распространена по всей западной Европѣ. Но это была борьба не только двухъ личностей, замѣчаетъ Неандръ **), но и двухъ противополож-

*) Geschichte der deutsch. Kaiserzeit, IV, 319.

**) V, 765.

ныхъ направленій въ теологіи. Враги Абеяра взяли перевѣсъ; знаменитый діалектикъ не могъ даже защищаться *). Онъ апеллировалъ къ папѣ: тамъ, въ Римѣ, гдѣ было столько его учениковъ, онъ надѣялся встрѣтить болѣе безпристрастнаго, справедливаго отношеніе къ себѣ. Но Бернардъ отъ имени епископовъ также обратился къ папѣ, Иннокентію II, съ просьбой о защитѣ церкви и, кромѣ того, написалъ цѣлый трактатъ въ обличеніе Абеяровыхъ заблужденій. Папа прінялъ сторону Клервоскаго аббата. Въ оффиціальномъ письмѣ къ Бернарду и нѣкоторымъ прелатамъ онъ осуждаетъ *всѣ превратныя* ученія Абеяра и „налагаетъ на него молчаніе, какъ на еретика“, всѣхъ-же защитниковъ и послѣдователей его подвергаетъ отлученію. Въ другомъ, секретномъ письмѣ, Иннокентій предписываетъ „заключить порознь въ монастырь Петра Абеяра и Арнольда Брешианскаго, сочинителей превратнаго ученія,—людей, нападающихъ на католическую вѣру,—а книги ихъ, гдѣ только будутъ найдены, предать сожженію“ **).

Но предписаніе папы не было въ точности исполнено. Утомленный борьбою, сраженный несчастіями, шестидесятилѣтній Абеяръ удалился добровольно въ Клюньи, гдѣ и кончилъ жизнь свою въ 1142 г. Арнольдъ-же попрежнему оставался во Франціи и смѣло продолжалъ борьбу съ тогдашними церковными порядками и порочнымъ духовенствомъ. Въ Парижѣ, на горѣ св. Женеьевы, объяснялъ онъ слушателямъ Св. Писаніе. Но здѣсь реформа церкви не была такою настоятель-

*) Такъ въ письмахъ Бернарда. Совѣзмъ иначе представляетъ дѣло Беренгарій, ученикъ Абеяра. По его словамъ, засѣданіе началось послѣ сятнаго обѣда. Въ то самое время, какъ прелаты занимались попойкой, читалось сочиненіе Абеяра. Вскорѣ сошъ сталъ одолаживать пировавшихъ: кто дремалъ, опершись на гоже, а кто — склонивъ голову на колѣни. Наконецъ, когда къ членамъ собора обратились съ вопросомъ: „*damnatis?*“ (осуждаете?), то одни съвозъ сошъ вяло отвѣчали: „*damnatus*“ (осуждаемъ), а другіе даже, пропуская первый слогъ, произносили: „*namus*“ (что значитъ „плаваемъ“). „Такъ, заключаетъ Беренгарій свой рассказъ (очевидно преувеличенный),—тотъ человекъ, который бѣгалъ дню и ночью въ законъ Божию, теперь былъ осужденъ жрецами Бахуса“.

**) Папа говоритъ: „и хъ книги“ (*libri eorum*): слѣдовательно, надо понимать книги не только Абеяра, но и Арнольда. А между тѣмъ, за исключеніемъ этого выраженія, нѣтъ нигдѣ ни малѣйшаго намека на то, что Арнольдъ что-либо писалъ. В. Гизебрехтъ („*Aronld von Brescia*“, 34) предполагаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о запискахъ Арнольдовыхъ слушателей.

ною потребностью, какъ напр., въ Италиі; положеніе французскаго духовенства было нѣсколько иное; по отношенію къ Франціи папство никогда не заходило такъ далеко въ своихъ притязаніяхъ, какъ напр., по отношенію къ Германіи; французская церковь отличалась до извѣстной степени національнымъ характеромъ. Притомъ, самое ученіе Арнольда, по выраженію одного современника, хотя „согласовалось какъ нельзя больше съ Евангеліемъ, однако стояло въ рѣзкомъ противорѣчій съ жизнью“. Отсюда понятно, почему Арнольдовыми учениками были лишь бѣдняки, открыто просившіе милостыню и этимъ питавшіеся вмѣстѣ съ своимъ наставникомъ. Но Арнольдъ не унывалъ. Въ своихъ горячихъ обличительныхъ проповѣдяхъ онъ не щадилъ епископовъ. Онъ нападалъ на нихъ за скупость, гнусное корыстолюбіе и въ особенности за порочную жизнь; онъ упрекалъ ихъ въ томъ, что они кровью обогрѣваютъ церковь Божию. Арнольдъ не останавливался предъ нападеніями на самого Бернарда Клервоскаго; онъ изобличалъ его въ погонѣ за суетною славой и въ зависти ко всѣмъ тѣмъ, кто, не бывши его ученикомъ, пріобрѣталъ себѣ громкое имя въ наукахъ или въ дѣлахъ вѣры.

Но уличать всесильнаго аббата было небезопасно. Бернардъ добился, наконецъ, того, что король Людовикъ изгналъ Арнольда изъ предѣловъ Франціи. Изгнанникъ нашелъ себѣ убожище въ Цюрихѣ и здѣсь, по своему обыкновенію, принялся проповѣдывать и учить. Но Бернардъ и тутъ не упустилъ изъ виду своего врага. Онъ обратился съ письмомъ къ епископу Констанцкому, къ округу котораго принадлежалъ Цюрихъ. Въ этомъ письмѣ Бернардъ говоритъ: „Если-бы зналъ хозяинъ, когда прійдетъ воръ, то бодрствовалъ-бы и не допустилъ-бы подкопать домъ свой. Знаете-ли вы, что воръ ночью вторгнулся въ домъ, — не въ вашъ, а въ домъ Господа, *вамъ* однако ввѣренный? Но не можетъ быть сомнѣнія, — вы знаете, что происходитъ у васъ, если слухъ объ этомъ дошелъ даже до насъ... Вы, быть можетъ, еще недоумѣваете и удивляетесь, о комъ я говорю? Я говорю объ Арнольдѣ Брешіанскомъ. О, если-бы его ученіе было такъ правильно, какъ строга жизнь его! Человѣкъ этотъ ни ѣсть, ни пьетъ; подобно дьяволу, ал-

четь и жаждетъ онъ лишь крови душевной... Гдѣ только до сихъ поръ онъ ни жилъ, всюду оставлялъ по себѣ столь отвратительные слѣды, что гдѣ лишь разъ ступилъ онъ ногой, туда ужъ не посмѣетъ возвратиться. Онъ взволновалъ и привелъ въ смятеніе ту страну, гдѣ родился. Обвиненный поэтому предъ папой въ самой вредной схизмѣ, онъ былъ изгнанъ изъ родной земли и принужденъ дать клятву, что не возвратится безъ разрѣшенія папы. По подобному-же поводу этотъ замѣчательный схизматикъ выгнанъ и изъ Французскаго королевства. Ибо, преданный проклятію Петромъ апостоломъ, онъ примкнулъ къ Петру Абеляру, всѣ заблужденія котораго, уже изобличенныя и осужденныя церковью, онъ вмѣстѣ съ нимъ и за него пытался мужественно и упорно защищать... И теперь, какъ мы слышали, онъ у васъ работаетъ надъ несправедливымъ дѣломъ и пожираетъ пародь вашу, какъ пищу хлѣбную... Это врагъ креста Христова, сѣятель раздора, творецъ схизмъ, нарушитель мира, раздѣлитель единства... Лъстивыми рѣчами и наружнымъ видомъ добродѣтели онъ обыкновенно привлекаетъ къ себѣ богатыхъ и могущественныхъ лицъ, а потомъ, когда онъ убѣдится въ ихъ дружбѣ и благосклонности, вы увидите, какъ этотъ человѣкъ открыто возстанетъ противъ духовенства, съ помощью военной тираніи возстанетъ противъ самихъ епископовъ и будетъ неистово преслѣдовать все вообще духовное сословіе". Въ заключеніе Бернадъ совѣтуетъ не изгонять Арнольда, чтобы этимъ не увеличить еще болѣе зла, а заключить его въ оковы и подвергнуть заточенію. Онъ замѣчаетъ, что самъ папа предписывалъ такъ поступить съ Арнольдомъ, когда тотъ былъ еще во Франціи, но никого не нашлось, кто-бы совершилъ это „благое дѣло“.

Но, вѣроятно, письмо Бернарда не особенно подѣйствовало. По крайней мѣрѣ, послѣ этого мы видимъ Арнольда подъ покровительствомъ самого папскаго легата Гвидо. *) Последній обращался съ изгнанникомъ, какъ съ другомъ, — новое

*) По общепринятому мнѣнію, тотъ самый, который впоследствии былъ папой подъ именемъ Целестина II; по словамъ-же В. Гизебрехта („*Ann. von Brescia*“, 16; „*Gesch. der deutsch. Kaiserzeit*“), этотъ Гвидо посланъ былъ въ качествѣ легата въ Моравію и Богемію папой Иннокентіемъ II (См. Рајаску, *Gesch. von Böhmen*, I, 422) и лишь въ 1145 г. возвратился въ Италію.

подтвержденіе того, что Арнольдъ въ сущности не былъ еретикомъ, иначе папскій легатъ едва-ли-бы рѣшился принять въ немъ такое участіе. Тогда Бернардъ обращается съ письмомъ къ Гвидо: „Арнольдъ Брешианскій, рѣчь котораго медъ, а ученье ядъ, — у котораго голова голубя, а хвостъ скорпіона, — котораго Брешиа извергла, Римъ съ ужасомъ отвергъ, Франція изгнала, Германія ненавидитъ, Италія не хочетъ принять опять, — этотъ Арнольдъ, говорятъ, у васъ. Если римскій легатъ даетъ убѣжище изгнаннику Брешианцу, то Бернардъ можетъ объяснить себѣ это только двумя причинами: или Гвидо не знаетъ, что за человѣкъ Арнольдъ, или-же хочетъ исправить его“. Изъ послѣднемъ случаѣ Бернардъ совѣтуетъ помнить слова апостола: „еретика послѣ перваго и втораго вразумленія отвращайся“, и указываетъ на тотъ вредъ и соблазнъ, который можетъ произойти отъ того, что человѣкъ, подобный Арнольду, находитъ себѣ пріютъ и защиту у самого легата апостольскаго престола: это лишь внушить народу излишнее довѣріе къ схизматику. Бернардъ напоминаетъ о папскомъ приговорѣ относительно Арнольда и въ заключеніе говоритъ, что „покровительство этому человѣку значитъ противиться папѣ и даже самому Богу“.

Затѣмъ на нѣкоторое время мы теряемъ Арнольда изъ виду; но потомъ мы снова встрѣчаемъ его въ Италіи: въ 1145 г. Арнольдъ явился къ папѣ Евгенію III, находившемуся въ то время въ Витербо, и получилъ отъ него прощенье, давъ клятву повиноваться римской церкви и совершить покаяніе; послѣднее должно было состоять въ постѣ, бдѣніи и молитвѣ по святымъ мѣстамъ города Рима. Съ этого времени дѣятельность Арнольда тѣсно связана съ Римомъ, главнымъ центромъ тогдашняго западно-европейскаго міра, и этимъ самымъ пріобрѣтаетъ всемірно-историческое значеніе. Въ теченіе 10 лѣтъ всѣ важнѣйшія событія, происходящія въ „вѣчномъ городѣ“, сосредоточиваются вокругъ личности Арнольда.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРОТЕСТАНТСКАЯ МЫСЛЬ

0

СВОБОДНОМЪ И НЕЗАВИСИМОМЪ ПОНИМАНИИ СЛОВА БОЖІЯ.

(Продолженіе *).

II.

Другая опасность, угрожающая свободному излѣдователю Слова Божія, уклоняющемуся отъ руководства Церкви, есть утрата содержанія Божественной истины, ограниченіе ея нѣсколькими произвольно принимаемыми догматическими положеніями и даже сведеніе содержанія истины, которая необходима для него во всей своей полнотѣ, къ одному лишь темному и безсодержательному религіозному чувству. Конечно, и православный христіанинъ овладѣваетъ болѣе или менѣе полнымъ содержаніемъ Богооткровенной истины не вдругъ, а послѣдовательно и постепенно. Говоря словами одного православнаго писателя, сначала наше знаніе вѣры бываетъ очень мало, подобно сѣмени; но потому надобно давать свободу произрастанію этого сѣмени. Надобно постепенно умножать свою вѣру. При этомъ происходитъ тоже, что происходитъ въ живописи, когда съ начала дѣлаютъ одинъ только очеркъ всей картины, а потомъ начинаютъ разрисовывать каждую часть картины отдѣльно. Апостолы, когда проповѣдывали, то въ первомъ оглашеніи дѣлали какъ-бы этотъ очеркъ, а при дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ церквей, доканчивали всю картину вѣры, или это въ избранныхъ совершалъ уже Божественный Духъ. Это не то значить, что мы призываемся разгадывать тайны вѣры;

---

*) См. ж. Вѣра и Разумъ. 1884 г. № 5.

нѣтъ, тайны навсегда останутся тайнами, сколько-бы мы ни старались разгадать ихъ. Это значить, что мы при посредствѣ разумныхъ изслѣдованій постоянно должны уяснять для себя ученіе вѣры во всемъ его объемѣ въ духѣ вселенской Церкви. Поэтому отечественные писатели и различаютъ вѣру *уясненную* и *не уясненную*. Последняя говоритъ: *все содержу*, что содержитъ св. Церковь, хотя *не все еще успѣла узнать*, а первая: *все содержу и знаю ясно*. Силу спасающую при христіанской дѣятельности имѣетъ и первая; но многого лишается тотъ, кто сознательно не доходитъ до послѣдней. *) Только такимъ образомъ единство вѣры и духовное единеніе вѣрующихъ охраняется въ нѣдрахъ православной Церкви; только такимъ образомъ всѣ чада ея сохраняютъ единомысліе и прославляютъ Отца Небеснаго едиными устами и единымъ сердцемъ.

Совершенно иное происходитъ въ обществѣ протестантовъ, этихъ свободныхъ толкователей и изслѣдователей Слова Божія. У нихъ нѣтъ и не можетъ быть единства. — Они дѣлятся прежде всего на два несогласные лагеря: на лютеранъ и реформатовъ, а эти послѣдніе подраздѣляются на многія секты, общества, партіи, школы и т. д. Это раздѣленіе тяжелымъ гнетомъ лежало и лежитъ на сознаніи всѣхъ протестантовъ, искренно преданныхъ дѣлу своей религіи. Въ 1817 году приближался трехъ-сотлѣтній юбилей реформации и многіе съ мучительнымъ и болѣзненнымъ чувствомъ встрѣчали трехъ-сотлѣтнюю годовщину дѣла своихъ великихъ учителей; при видѣ безконечнаго раздѣленія въ своей средѣ и при видѣ, хотя искусственнаго, но все-же строгаго единства въ церкви римской. Въ это-то время созрѣла, развилась и стала осуществляться мысль о протестантской уніи. Политическія обстоятельства тоже способствовали введенію этой уніи. Прусскій царствующій домъ принадлежалъ къ реформатскому вѣроисповѣданію, между тѣмъ какъ большинство подданныхъ этого дома исповѣдывало лютеранство. Надобно было уничтожить это различіе между царствующимъ домомъ и его подданными, надобно бы-

*) „Письма о христіанской жизни“. С.-Петербургъ. 1860 г. Вы. IV. стр. 25-29.

ло ввести унію для двухъ вѣроисповѣданій, лютеранскаго и реформатскаго, съ ихъ сектами. Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ III принявъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе. Такъ возникла въ протестантскомъ мірѣ унія, или внѣшній церковный союзъ между различными протестантскими вѣроисповѣданіями.

Унія не была основана на рационалистическихъ началахъ; въ основу ея были положены скорѣе идеи Шлейермахера и его школы богослововъ. *) Но она могла быть введена только при посредствѣ исключенія въ обоихъ вѣроисповѣданіяхъ многихъ и основныхъ христіанскихъ истинъ, дошедшихъ къ протестантамъ по преданію или отъ римскаго ученія, или отъ первыхъ реформаторовъ. Избѣгая раздѣленія и стремясь къ единству, протестантскія вѣроисповѣданія пришли къ убѣжденію, что не всѣ

*) Шлейермахеръ (1768 — 1834), знаменитый профессоръ богословія и философіи, пасторъ - проповѣдникъ и членъ Берлинской академіи наукъ, имѣлъ и имѣетъ огромное вліяніе на весь протестантскій міръ. Онъ оживилъ религиозное движеніе въ этомъ мірѣ и занялъ въ немъ руководящее положеніе. Въ концѣ прошедшаго столѣтія среди протестантовъ велась бесплодная борьба, съ одной стороны, между рационалистами, пренебрегшими откровенныя истины лишь въ требованія сухой морали, а съ другой — супранатуралистами, понявшими эти истины тоже въ формѣ сухихъ и безжизненныхъ положеній. Шлейермахеръ, вопреки этой сухости и безжизненности, показалъ важное значеніе религиозныхъ истинъ для человѣческаго сердца, для чувства; поэтому его богословскія воззрѣнія, говорившія прежде всего чувству и плѣнявшія чувство, и извѣстны у протестантовъ подъ именемъ богословія чувства (*Gefühls-theologie*). Если въ своихъ рѣчахъ о религіи (*Reden über die Religion*, Берлинъ, 1-е изданіе въ 1799 г., 3-е изданіе въ 1821 г.) онъ указываетъ въ религіи преимущественно эстетическую сторону и этимъ равно очаровываетъ и рационалистовъ и супранатуралистовъ, то въ своемъ краткомъ изложеніи богословскаго ученія (*Kurze Darstellung des theologischen Studiums*, Берлинъ, 1814), онъ уже переходитъ къ положительному содержанію откровенной религіи, и такимъ образомъ, отъ эстетическаго воззрѣнія на религію возвышается къ телеологическому. Въ сочиненіи же своемъ: „Христіанское евангелическое вѣроученіе, понимаемое въ своей связи“ (*Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der evangelischen Kirche im Zusammenhange dargestellt*, Берлинъ, 2 Bde 1821 — 22 г., 2-е изданіе въ 1830 г.) онъ изображаетъ своимъ современникамъ Лицо Спасителя въ новомъ и неожиданномъ для нихъ свѣтѣ. Во всѣхъ своихъ богословскихъ сочиненіяхъ Шлейермахеръ хочетъ примирить рационалистовъ и супранатуралистовъ, а потому указываетъ такія точки зрѣнія, которыя равно могутъ быть принимаемы и тѣми и другими. Но именно вслѣдствіе этого онъ не удовлетворяетъ ни тѣхъ, ни другихъ. Онъ выводитъ религію изъ чувства *зависимости* отъ Высочайшаго существа; но эта зависимость не есть зависимость отъ премірнаго, личнаго и живаго Бога, а только гадательное указаніе

протестантскіе пункты вѣроученія одинаково необходимы въ дѣлѣ спасенія. Съ одной стороны конфессіоналисты допустили качественное различіе своихъ догматовъ; они признали одни изъ нихъ спасительными (seligmachende), а другіе только основными (fundamentale). Съ другой стороны прогрессисты весьма логически превратили эти догматы въ спасительные и неспасительные, или основные и не основные (fundamentale und nichtfundamentale). Это-то раздѣленіе догматовъ на спасительные и фундаментальные съ одной стороны и на фундаментальные и не фундаментальные съ другой—послужило основными началами для двухъ различныхъ уній. Можно быть, думали они, согласнымъ въ признаніи спасительныхъ догматовъ и различать только въ

на Него. Изъ субъективной области религіознаго чувства онъ не нашелъ выхода въ объективную область откровенія. Все историческое въ откровеніи имъ признавалось и принималось на столько, на сколько оно могло мыслиться идеальнымъ и при томъ лишь согласно съ требованіемъ его субъективнаго религіознаго чувства. Его Христосъ не есть Сынъ Божій, а только идеально безгрѣшный человекъ, и если Онъ является съ чертами божественности, то благодаря лишь логической неослѣдовательности Шлейермахера и усвоенной Шлейермахеромъ папистической точкѣ зрѣнія. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Шлейермахеръ касается истинъ премірныхъ, откровенныхъ, какова, напримѣръ, истина о Троицности Лицъ Божества, о твореніи міра изъ ничего, о грѣхонаденіи человечества, о добрыхъ и злыхъ ангелахъ, о премірномъ бытіи Спасителя, о сверхъестественномъ рожденіи Его, воскресеніи, вознесеніи на небѣ, о будущемъ пришествіи Его и вообще о послѣднихъ событіяхъ міра и даже о самомъ безсмертіи души, во всѣхъ этихъ случаяхъ, говоримъ, Шлейермахеръ выражается или скептически, или даже отрицательно. Все это, разумѣется, не могло не имѣть разрушительнаго вліянія и на основныя богословскія воззрѣнія Шлейермахера. Его ученіе о грѣхѣ и благодати, о Спасителѣ (Erlöser) и даруемомъ Имъ спасеніи, объ обществѣ спасаемыхъ или Церкви—носитъ на себѣ отпечатокъ полурационализма или полупантеизма. Эти-то воззрѣнія, по волѣ прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, легли въ основу прусской уній между реформатами и лютеранами, съ ихъ сектами. Само собою разумѣется, что воззрѣнія эти мало удовлетворили и удовлетворяютъ какъ строгихъ лютеранъ и реформатовъ, такъ и самихъ уніонистовъ; потому что этими воззрѣніями исключались и исключаются не только вѣроисповѣдныя отличія различныхъ протестантскихъ церквей, но и многіе догматы, общепризнаваемые во всемъ христіанскомъ мірѣ. Какъ-бы то ни было, только этими идеями Шлейермахеръ оживилъ протестантскую религіозную мысль и вообще протестантскій міръ, хотя въ своихъ „Интимныхъ письмахъ о Люциндѣ“, изданныхъ Гупковымъ послѣ его смерти (Vertraute Briefe über die Lucinde, Гамбургъ, 1835 года), онъ является уже совершенно въ иномъ, столь не желательномъ для богослововъ свѣтѣ.

ученіи о фундаментальныхъ, что однако-же можетъ не мѣшать церковному единенію. На этихъ именно началахъ прежде всего основана была въ Пруссіи, такъ называемая, жизненная унія (Lebensunion), допустившая церковное единеніе различныхъ вѣроисповѣданій и въ тоже самое время вполне признававшая самостоятельныя права реформатской и лютеранской церкви. Эта форма уніи есть самая низшая; ее едва признаютъ даже сами уніонисты, такъ какъ основаніе ея лежитъ въ нелогическомъ раздѣленіи догматовъ на спасительные и фундаментальные. Но когда допустили болѣе логическое раздѣленіе ихъ на спасительные и неспасительные, или на фундаментальные и нефундаментальные, тогда возникъ новый видъ уніи, известной подъ именемъ научной или учительной (Lehrunion). Въ опытѣ, впрочемъ, обѣ уніи весьма часто сливаются и переплетаются, расходясь или сходясь въ рѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ: кто долженъ основывать унію? какъ основывать ее? и въ чемъ должна состоять сущность уніонистическаго вѣроученія? Отсюда являются уніи отрицательныя и положительныя (negative oder absorptive und positive), независимо существующія (factische) и введенныя высшею властію (rechtliche), имѣющія свое общее для всѣхъ богословіе (Unions-Theologie) или не имѣющія его, а потому или исключаютія спорныя догматы или дающія имъ равносильное значеніе (Consensus-Theologie) и проч. и проч. Вообще всѣ эти уніи сходятся между собою въ томъ, что стараются найти хоть что-нибудь общее, „minimum“ въ дѣлѣ вѣроученія, чтобы на немъ основать свое церковное единеніе; всѣ онѣ сходятся въ томъ, что опредѣлить это „minimum“ предоставляютъ въ концѣ концовъ школѣ, которая, при посредствѣ наукъ и научнаго пониманія Библии, должна рѣшать всѣ ихъ споры, и всѣ онѣ расходятся въ рѣшеніи вопроса, по какому масштабу, т. е. въ какихъ размѣрахъ должно признавать это „minimum“? Всѣ онѣ различаются большимъ или меньшимъ служиваніемъ и сокращеніемъ содержанія своего вѣроученія.

Но когда отвергаютъ или сокращаютъ свое вѣроисповѣдное ученіе, когда признаютъ нѣкоторыя догматическія истины, по-

видимому, заимствованныя изъ Св. Писанія, не спасительными, не фундаментальными и какъ-бы второстепенными; то какъ-же смотреть при этомъ на Слово Божіе? Признаютъ-ли его нормою своихъ вѣрованій? Да признаютъ. „Въ то время, говорятъ уніонисты, когда одни безпечно сняты, а другіе преданы лицемѣрію, только большая часть уніонистовъ сохранили вѣрность дѣлу религіи. Св. Писаніе—вотъ наше вѣроисповѣданіе и потому-же самому праву, по которому Лютеръ требовалъ изложенія этого ученія на основаніи одной только Библии, а не на основаніи преданія, по этому-же самому праву и мы считаемъ себя уполномоченными признать Библию нормою нашей вѣры, единственнымъ нашимъ вѣроисповѣданіемъ и считаемъ себя вправе требовать свободнаго изслѣдованія Св. Писанія* *). Все это, разумѣется, совершенно согласно съ ученіемъ древнихъ протестантовъ и даже, на первый разъ, представляется болѣе согласнымъ съ этимъ ученіемъ, нежели конфессіональныя стремленія старыхъ и новыхъ лютеранъ. По крайней мѣрѣ уніонисты приписываютъ авторитетъ въ дѣлѣ вѣры исключительно Св. Писанію, этимъ самымъ вполне утверждая древнее протестантское ученіе о совершенной ясности и достаточности одного его для cadaго вѣрующаго, что болѣе или менѣе скрытно отвергается ученіемъ конфессіоналистовъ. Но эта ясность и достаточность Св. Писанія чисто субъективнаго, а не объективнаго характера. Она существуетъ для меня, для васъ, для cadaго въ отдѣльности; но ея нѣтъ для всѣхъ вмѣстѣ, для всей униі. „Надобно надѣяться, говорятъ они, что скоро прійдетъ то время, когда перестанутъ толковать о разнонимаемости Св. Писанія, какъ о какомъ-то ужасномъ призракѣ, чтобы только этимъ сохранить церковныя опредѣленія и возлѣ авторитета Св. Писанія поставить новый авторитетъ, — авторитетъ символовъ. Слава Богу, Св. Писаніе въ своемъ главномъ ученіи столь ясно, что кромѣ его мы не имѣемъ надобности въ какомъ-либо другомъ судѣ. Гдѣ оно насъ оставляетъ и

*) *Widerlegung der Gelcerschen Vorwürfe. Berliner Protestant. K—z* von 29 April. 1854. Jörg's, *ibid.* S. 116.

гдѣ становится разнозначительнымъ, — тамъ само-же оно снова является единственнымъ судьей. Его голосъ раздается громко и при многозначительности или многосмысленности *), и гдѣ оно говоритъ, должны-ли тамъ *символъ и человѣческія власти* говорить иначе? Истинная церковь и истинные органы ея должны узнаваться въ такомъ случаѣ только по своему миролюбивому характеру. Самъ Господь Церкви желаетъ разнообразія (?); Онъ даже узаконилъ это посредствомъ Своего Слова; если-бы Онъ не желалъ этого, то Онъ вѣщалъ-бы намъ однозначнольнѣе (**). Итакъ ни символъ, ни человѣческія власти, или по нашему Отцы Церкви, устанавливающіе нормальное пониманіе Слова Божія, ни самое согласіе въ ученіи вѣры, уніонистамъ не нужны; имъ нуженъ одинъ лишь миролюбивый характеръ. Такъ большая часть уніонистовъ хочетъ согласить свободу изслѣдованія Св. Писанія съ его авторитетомъ. „Люди, преданные какимъ-нибудь исключительнымъ конфессіямъ, говорятъ они, тоже допускаютъ свободу въ изслѣдованіи Св. Писанія; но мы не хотимъ имѣть съ ними никакого дѣла. Мы вполне отвергаемъ папство, поэтому отвергаемъ и всякое бумажное папство“.

Но если ученіе уніонистовъ объ авторитетѣ Св. Писанія на первый разъ представляется вполне сходнымъ съ протестантскими религіозными воззрѣніями, то съ другой стороны оно нисколько не спасаетъ ихъ отъ отрицанія и самаго Св. Писанія. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ представляется каждому полная свобода пониманія Св. Писанія, гдѣ нѣтъ и двухъ религіозныхъ положеній, о которыхъ люди думали-бы тождественно, гдѣ каждый понимаетъ смыслъ Св. Писанія своеобразно, тамъ авторитетъ священныхъ книгъ немислимы, тамъ частный авторитетъ становится выше авторитета Слова Божія, тамъ нѣтъ гарантіи отъ отрицанія и произвола. И какъ прежніе реформаторы пользовались авторитетомъ Св. Писанія для отверженія католическихъ воззрѣній; такъ

*) Т. е. гдѣ слова Св. Писанія могутъ быть понимаемы въ разныхъ смыслахъ и значеніяхъ.

**) Darmst. K—z vom 21 Mai. 1854. Jörg's, ibid. S. 126.

теперь уніонисты пользуются имъ для опроверженія своихъ-же конфессіоналистовъ. Но какъ только они сознаютъ себя защищенными и безопасными, они бросаютъ свой щитъ. Они отвергаютъ и полную ясность, и совершенную полноту Св. Писанія; они допускаютъ совершенный произволъ въ его пониманіи, который извѣстенъ на ихъ языкѣ подъ именемъ свободы изслѣдованія и который немислимъ при понятіи о совершенной ясности и совершенной полнотѣ его. Они идутъ, такимъ образомъ, противъ тѣхъ-же протестантскихъ началъ, которыя, повидимому, хотятъ защитить въ началѣ своей дѣятельности. Послѣдовательно развивая свои воззрѣнія, нѣкоторые изъ уніонистовъ приходятъ, наконецъ, къ совершенному отверженію нормальнаго пониманія Библіи. „Если-бы Библія была, говорятъ они, книгою законовъ и нормальнаго ученія, то она нуждалась-бы въ такомъ случаѣ въ подлинномъ (адекватномъ) изложеніи, если только не желаютъ, чтобы вся цѣль ея не была достигнута; но подобное нормальное изложеніе по закону логики требуетъ всего церковнаго учрежденія съ неизмѣннымъ символомъ, богослуженіемъ и управленіемъ *). Если-же этого протестантъ не можетъ желать, то онъ долженъ отбросить и послѣднюю позицію римской церковной системы; онъ долженъ отвергнуть нормальное значеніе Библіи, этотъ корень, изъ котораго необходимо вырастаютъ все римскія положенія“ **). Но если нормальное пониманіе Слова Божія не нужно и должно быть отброшено; если заповѣдь Апостола о единомысліи въ вѣрѣ и любви оказывается невыполнимой; если надобно заставить только миролюбіемъ при всеобщемъ разномысліи въ вѣрѣ, то какой-же смыслъ и значеніе имѣетъ и самая унія? Въ чемъ ея задача? Нужна-ли эта унія? И вотъ одни усвоили уніямъ значеніе не всеобщаго единенія вѣрующихъ, а частныхъ миролюбивыхъ сдѣлокъ, и стали говорить, что унія, или, на ихъ языкѣ, церковь можетъ устанавливать символы, но только надобно помнить, что эти символы суть не заключительное слово вѣры, а

*) Berliner protestant. K—z vom 29 März. 1856. Jörg's, ibid. S. 129.

**) Именно это по закону логики мы, православные, и имѣемъ.

временное или частное выраженіе содержанія Св. Писанія. „Конфессиональное, говоритъ Ауберленъ, не есть зенитъ и завершеніе христіанскаго, свангелическаго, какимъ оно такъ часто въ наше время выдаетъ себя: оно есть одно только изъ явленій историко-человѣческихъ формъ. Признаваемое въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, оно имѣетъ право на свое существованіе, но оно носитъ на себѣ человѣческой слабости и односторонности“ *). Уніонистскимъ конфессіямъ усвоили, такимъ образомъ, значеніе сдѣлокъ и договоровъ, дали имъ юридическое право на существованіе, но это значеніе они должны сохранять лишь до тѣхъ поръ, пока уніонистскія партіи не потребуютъ пересмотра и исправленія этихъ договоровъ. Въ этомъ отношеніи многіе изъ уніонистовъ нѣсколько сходятся съ новыми лютеранами. И тѣ и другіе усваиваютъ если не Божественный, то это крайней мѣрѣ высшій авторитетъ церкви; и тѣ и другіе допускаютъ пересмотръ своего ученія; и тѣ и другіе ищутъ гарантіи въ дѣлѣ вѣры въ дѣйствительной (dinglich) и ошнтой (thatsächlich) церкви, хотя и расходятся въ дальнѣйшихъ своихъ цѣляхъ. Оба эти направленія протестантскаго богословія примыкаютъ къ партіи пересмотра символа, или партіи церковной не въ строгомъ смыслѣ. Такъ думаютъ одни изъ уніонистовъ.

Что-же касается другихъ, то они не даютъ никакого значенія своей уніи, или своей церкви. Видимая церковь, говорятъ они, ни въ одинъ моментъ своего временнаго существованія не можетъ быть признаваема тождественнымъ (адекватнымъ) осуществленіемъ идеи церкви; она только носитъ въ себѣ начало безконечнаго совершенствованія посредствомъ христіанскаго духа, дѣйствующаго въ обществѣ вѣрующихъ. Поэтому отношеніе частныхъ лицъ къ церкви совершенно не одно и тоже по ученію конфессіоналистовъ и этихъ уніонистовъ. Послѣдніе говорятъ, что каждый спасается не вслѣдствіе своего отношенія къ церкви, но вслѣдствіе своего отношенія къ Христу и къ царству Небесному: не церковь дѣлаетъ насъ христіанами, но христіане

*) Göttl. Offenbar. C. A. Auberlen. B. I. S. 356.

составляютъ (дѣлаютъ) церковь. Церковь, говорятъ еще они, не есть учрежденіе съ неба сошедшее, готовое, стоящее превыше частныхъ лицъ и обществъ; она всегда *опновъ возникаетъ* изъ частныхъ лицъ. Да и исторически извѣстно, что прежде явилась вѣра и вѣрующіе индивидуумы, и потомъ уже, посредствомъ единенія вѣрующихъ, возникла церковь. Но откуда-же можетъ возникать это единеніе вѣрующихъ при отсутствіи единенія въ вѣроученіи? Чѣмъ оно условливается? Однимъ лишь единствомъ предмета вѣры. Если нѣтъ тождества или единства вѣроученія объ этомъ предметѣ, какая въ этомъ нужда? Тѣмъ не менѣе предметъ этотъ для всѣхъ остается самъ по себѣ единымъ. Съ унионистической точки зрѣнія даже нѣтъ никакой надобности въ единствѣ ученія объ этомъ предметѣ; потому что одна лишь вѣра спасаетъ людей, а не ученіе; и потому, что среди величайшаго разногласія въ ученіи, и вѣра и любовь ко Христу могутъ оставаться во всей силѣ *). Къ несчастію нашему, стали говорить теперь эти унионисты, ип сами реформаторы, ни теперешнія евангелическія церкви не признавали *во всей чистотѣ этого основнаго начала нашей вѣры*; всегда впадали и впадаютъ въ католическое воззрѣніе, всегда смѣшиваютъ вѣру съ содержаніемъ вѣроученія, излагаемаго церковію. Но это ошибка. Каждый, кто вполне принимаетъ протестантское понятіе о вѣрѣ, имѣетъ полное право высказать слѣдующее положеніе, столь непріятное конфессіоналистамъ: можно быть истинно вѣрующимъ, не будучи въ состояніи подписать ни одного церковнаго догмата... (?)

Итакъ, на протестантскомъ опытѣ оказалось яснымъ для всего міра, что древнее ученіе реформаторовъ о *scriptura sacra sufficiens atque perspicua* (Св. Писаніе вполне ясно и достаточно) ошибочно и несостоятельно. Принимая его, протестанты, роковымъ процессомъ логики, пришли къ потерѣ большей части, или даже и всего догматическаго и нравственнаго содержанія откровенія. Что-же оставалось дѣлать? Какъ помочь горю? Если ученіе о *scriptura sacra sufficiens atque perspicua* оказывается несостоятель-

*) Berliner protestant. K—z. vom 29 Sept. 1855. Jörg's, ibid. S. 136—137.

нымъ въ дѣлѣ гарантіи протестантской вѣроисповѣдной свободы, если оно необходимо предастъ вѣрующихъ протестантовъ во власть протестантскихъ церквей, если въ послѣднемъ случаѣ понятіе о церкви болѣе или менѣе можетъ *католизироваться*: то надобно возвратиться къ древне-протестантскому ученію о *Sola fide*, т. е. ученію о томъ, что мы спасаемся одною вѣрою, а не содержаніемъ вѣроученія; надобно здѣсь поискать убѣжища отъ опасныхъ вѣроисповѣдныхъ ученій, чтобы спасти свою индивидуальную свободу. Ученіе о *Sola fide* снова вошло въ честь и преимущественно среди партій, которыя, повидимому, всего менѣе должны были заботиться о возстановленіи этого догматическаго изобрѣтенія древнихъ реформаторовъ. Древніе протестанты пользовались этимъ ученіемъ, какъ пригоднымъ оружіемъ для пораженія римской теоріи о добрыхъ дѣлахъ, какъ юридическомъ оправданіи человѣка предъ Богомъ, а также для пораженія римскихъ теорій о сверхъ-должныхъ дѣлахъ и разныхъ индульгенцій. Разумѣется, новыя протестанты, возобновившіе это древнее ученіе, имѣли въ виду не эти римскія крайности; оно пригодилося имъ для другихъ цѣлей. Ученіе о *Sola fide* было въ ихъ рукахъ лишь хорошимъ оружіемъ противъ своихъ-же собратій, противъ протестантскихъ стремленій къ вышней нормѣ въ дѣлѣ вѣры и къ дѣйствительной (*dinglichen*) церкви. Партіи неизмѣняемости символа утверждали, что надобно признавать и сохранять свою конфессію неизмѣнно, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока церковь не подвергаетъ ее пересмотру, — и надобно сохранять ее потому, что этого требуетъ церковь; партіи-же прогресса возражали имъ, что по ученію протестантовъ спасеніе зависитъ не отъ всей вѣры, т. е. не отъ признанія всего содержанія ихъ конфессіи, но отъ одной только вѣры въ то, что ради заслугъ Іисуса Христа намъ прощены грѣхи. Христиане спасаются, говорили они, однимъ только этимъ признаніемъ, однимъ только этимъ актомъ души, а не знаніемъ или признаніемъ катихизиса римскаго-ли то, или протестантскаго. *Fides qua creditur*, а не *fides quae creditur* *)—вотъ что оправдываетъ и спасаетъ протестантовъ, по ихъ понятіямъ.

*) Т. е. насъ спасаетъ „вѣра, которою вѣруется, а не вѣра, съ которую вѣруется.“

Читатель видитъ, что уніонисты изъ *Sola fide* хотятъ сдѣлать якорь спасенія при своемъ догматическомъ крушеніи. Потерявши содержаніе откровенной истины, разбивши его на подробности и противорѣчія личнаго пониманія, и только такимъ образомъ сохранивши свою индивидуальную свободу, они ограничили свою вѣру только *силою* вѣры (*Fides, qua creditur*), а не содержаніемъ вѣры (*Fides, quae creditur*). Эту *силу* вѣры они выставили знаменемъ своимъ; не придавая почти никакого значенія утраченному ими, среди многочисленныхъ споровъ и индивидуальныхъ воззрѣній, содержанію вѣры, и вокругъ этого знамени они хотѣли бы собрать всѣхъ свободныхъ христіанъ. Что-же, въ самомъ-ли дѣлѣ это знамя пригодно для пухъ цѣлей? Въ самомъ-ли дѣлѣ одна субъективная и голая увѣренность въ своемъ спасеніи, въ непремѣнномъ прощеніи нашихъ грѣховъ ради заслугъ Иисуса Христа можетъ вознаграждать насъ за утрату содержанія откровенія и дѣлать для насъ ненужными просвѣтительныя и освятительныя дѣйствія св. Церкви? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно лишь спросить: о какой силѣ вѣры, говорятъ уніонисты: о той-ли, которая предшествуетъ крещенію вѣрующаго и вообще покаянію кающагося, или о той, которая послѣдуетъ за принятіемъ крещенія и покаянія, которая есть цвѣтъ, плодъ и завершеніе этихъ Таинствъ? Ни та, ни другая сила вѣры, безъ усвоенія себѣ всей совокупности откровенныхъ истинъ, безъ просвѣтительныхъ и освятительныхъ дѣйствій Церкви невозможна и недостижима; безъ этихъ условій вѣра въ свое непремѣнное спасеніе есть не что иное, какъ губельное самообольщеніе.

Конечно, появленіе въ душѣ вѣры не возможно безъ нѣкотораго предварительнаго *познанія* Господа новообращающихся въ христіанство или *возобновленія* этого знанія кающимся христіаниномъ.—Это познаніе, или возобновленіе знанія есть необходимое условіе къ рожденію вѣры, разумѣется, при дѣйствіи благодати Св. Духа,—есть точка, съ которой начинается сознательное вѣрованіе, ибо какъ вѣровать, не зная предмета вѣры. (Рим. X, 14, 15)? Но не въ этомъ состоитъ сущность спасающей вѣры. Она имен-

но состоитъ въ сердечномъ убѣжденіи и въ *сердечномъ усвоеніи* *евангельскихъ истинъ* подъ вліяніемъ благодатныхъ силъ, дѣйствующихъ въ Церкви и при посредствѣ Церкви. Какъ-же пріобрѣтается христіанствомъ эта вѣра? Прекрасно сравниваютъ наши отечественные писатели образованіе этой вѣры въ христіанинѣ благодатію съ дѣйствіемъ электрической искры при образованіи воды. „Какъ капля воды, говорятъ они, составляется изъ частей кислорода и водорода, переходомъ съвозъ нихъ искры электрической, такъ и вѣра въ первый разъ рождается таинственнымъ нѣкоторымъ прикосновеніемъ Господа къ сердцу, приготовленному къ вѣрѣ этой *чрезъ познаніе себя и Господа*, какъ это Онъ даетъ разумѣть словами: *толку, вниду и вечеряю* (Апокал. III. 20). *Познаніемъ себя и Господа* отверзается сердце; затѣмъ входитъ Господь самъ и вечеряетъ, т. е. насыщаетъ душу своими благами, почему обращающійся и изрекаетъ въ глубинѣ своего духа, какъ апостольскій Ѳома по осязаніи Господа: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. XX, 28). Это первый голосъ вѣры и вѣрный ея символъ“ *). Что значитъ это познаніе себя и Господа? — Тоже, что на евангельскомъ языкѣ означаетъ выраженіе: *покайтесь и вступите во Евангеліе*, т. е. узнайте весь ужасъ вашего грѣховнаго состоянія и усвойте себѣ всю совокупность евангельскихъ истинъ. Если это познаніе было у грѣшника прежде и только впоследствии затемнено грѣхомъ, то въ дѣйствіе благодатнаго возбужденія оно внезапно получаетъ ясность и убѣдительность. Сила этой ясности и убѣдительности пропорціональна усвоаемому нами содержанію евангельскихъ истинъ, разумѣется, при посредствѣ просвѣтительной и освятительной дѣятельности св. Церкви, которая одна есть столпъ и утвержденіе истины. Если-же это познаніе было искажено невѣріемъ и сомнѣніемъ, то для возвращенія силы вѣры, должно освободиться отъ этихъ недуговъ, губящихъ всякую духовную силу, губящихъ также и силу вѣры. Это — состояніе тяжелаго пересмотра своихъ убѣжденій, которое должно разрѣшиться полнымъ убѣжденіемъ во всѣхъ св. истинахъ. Впро-

*) „Письма о христіанской жизни“. С.-Петербургъ 1860. Выпускъ VI стр. 83.

чемъ, благодать не оставляетъ человѣка безъ своей помощи въ эти трудныя минуты его жизни. „Въ человѣкѣ, выявшемъ дѣйствию благодати, призывающей и просвѣщающей его тьму, говоритъ тотъ-же, уже приведенный нами отечественный писатель, открывается особенная способность живо воспринимать откровенныя истины, какъ-бы нѣкоторый особенный слухъ и внятіе: *открываются они* (Дѣян. XXVI, 18). Истины откровенныя могутъ изучаться и безъ содѣйствія благодати; но тогда онѣ, слагаясь въ умѣ, обыкновенно не проникаютъ глубоко въ сердце. Подъ дѣйствіемъ-же благодати сердце именно и питается ими, принимаетъ ихъ внутрь себя, совершенно усваяя и удерживая ихъ въ себѣ,—становится какъ-бы ненасытимою губкою“ *). И только на этой высотѣ „вѣра становится спасающей вѣрой, отличительный характеръ которой состоитъ въ живѣйшемъ личномъ убѣжденіи, что Господь какъ всѣхъ, такъ и меня спасъ, и наконецъ въ действительномъ ощущеніи спасенія въ Господѣ“ **). Само собою разумѣется, что подобная вѣра возможна только въ нѣдрахъ св. Церкви, исполненной благодатныхъ силъ; возможна только при живомъ и неразрывномъ союзѣ съ этою Церковью, вѣчно текущимъ источникомъ благодати. Само собою разумѣется, что только въ нѣдрахъ такой Церкви *личная увѣренность спасенія и действительное ощущение спасенія* могутъ основываться не на одной субъективной увѣренности, всегда подверженной опасности быть обманчивою и ошибочною, но на удостовѣреніи тѣхъ, которымъ вручено *строеніе тайнъ Божіихъ* (I Кор. IV, 1) и въ частности—*дана власть вязать и рѣшать* (Іоан. XX, 22, 23). Только въ законно совершенномъ Таинствѣ крещенія или покаянія, а равно и въ прочихъ Таинствахъ, совершаемыхъ законно поставленными лицами, субъективная увѣренность помилованія Богомъ, возрожденія и спасенія получаетъ свое оправданіе, освященіе и укрѣпленіе. Безъ этого-же условія субъективная вѣра наша, повторяемъ, всегда подвергается опасности быть безсодержательною, немощною и обманчивою.

(Продолженіе будетъ).

*) „Письма о христіанской жизни“. Выпускъ III, стр. 354 и дал.

**) Ibid. стр. 362 и дал.

ВОСПОМИНАНІЯ

ИЗЪ

СВЯЩЕННИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ ВО ВРЕМЯ ХОЛЕРЫ,

БЫВШЕЙ ВЪ 1848 ГОДУ.

Приходъ слободы Городища. Харьковской губерніи, Старобѣльскаго уѣзда, въ 1848 г. былъ пораженъ двумя страшными бѣдствіями,—неурожаемъ хлѣба и холерою. Сначала весны не было ни одного дождя; всходы хлѣбовъ и травъ, появившіеся на увлажненной снѣгомъ землѣ, скоро зажелтѣли, но въ одинъ день, къ концу мая мѣсяца, начали показываться какъ-бы дождевыя облачка и на южной сторонѣ небосклона образовалась темная туча, охватившая весь горизонтъ,—народъ ожидалъ благодатнаго дождя. Когда туча приблизилась, то днемъ сдѣлалось темно какъ ночью, и туча разразилась не дождемъ, а страшнымъ ураганомъ: снесены были крыши, опрокинуты вѣтряныя мельницы и тонкою пылью наполнился воздухъ на улицахъ и въ домахъ до того, что съ трудомъ можно было дышать. Ураганъ чрезъ нѣсколько дней еще повторился и затѣмъ снова небо „стало медяно, и земля желѣзна“. Настали невыносимые жары, на поляхъ и въ огородахъ окончательно все сгорѣло; въ это-же время начали распространяться слухи, что въ станицахъ Войска Донскаго и хуторахъ появилась холера. Народъ пришелъ въ уныніе. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней, послѣ литургіи, пришла ко мнѣ женщина, изъ хорошаго семейства, пожилая вдова, отличавшаяся христіанскою жизнію и усердіемъ къ Церкви, и стала рассказывать видѣнное ею въ ночь подъ пятницу такое сновидѣніе:

будто двѣ женщины необыкновенно высокаго роста, худыя, смуглыя до того, что трудно было отчетливо различить лица ихъ, съ распущенными длинными волосами, въ бѣлыхъ одеждахъ, вошли въ слободу съ южной стороны отъ границы Войска Донскаго; поровнявшись съ церковью передъ западными дверьми остановились и начали молиться, класть земные поклоны, потомъ, обратившись одна къ другой, вели такую рѣчь:— „Куда-же теперь?“—спросила одна изъ нихъ.— „Ты иди на востокъ по улицѣ къ мосту и потомъ по Волковской улицѣ *), отвѣчала другая,—а я пойду на западъ, на Кочеванъ“, **) и затѣмъ разошлись. Моя прихожанка, съ видимымъ смущеніемъ, спрашивала меня, что значить видѣнный ею сонъ?—Сонъ не объяснимый, какой-то знаменательный, сказалъ я, но что онъ значить—Богъ вѣсть. Спустя недѣлю, въ послѣобѣденные часы, когда я по обыкновенію занимался въ школѣ съ учениками, въ училище вошелъ одинъ крестьянинъ, крайне разстроенный, и просилъ поспѣшить напутствовать внезапно заболѣвшую женщину. Епитрахиль и требникъ я имѣлъ въ училищѣ, чтобы не тратить времени, когда прихожане приглашали меня для исполненія экстренной требы, а потому сейчасъ-же пошелъ въ домъ больной и нашелъ ее страшно почернѣвшею, съ потеряннымъ голосомъ и въ конвульсіяхъ; когда больная съ трудомъ исповѣдалась, я поспѣшилъ въ церковь взять св. Дары и едва успѣлъ приобщить ее, какъ она скончалась. Сторожъ церковный, по имени Иванъ, отпиравшій церковь и сопровождавшій меня къ больной, въ ту-же ночь заболѣлъ и умеръ. Эти два мертвеца отъ холеры,—первая на восточной сторонѣ, а вторая на западной,—привели мнѣ на память сонъ, рассказанный выше, и по дальнѣйшимъ моимъ наблюденіямъ смертность распространялась именно въ томъ направленіи и по тѣмъ улицамъ, на какія указывали видѣнныя во снѣ женщины. Внезапная смерть этихъ двухъ лицъ, какъ громомъ, поразила всѣхъ; всѣ пришли въ ужасъ, началось ежедневное служеніе, народъ началъ говѣть. Въ ско-

*) Названіе улицы, расположенной между горою и рѣкою Деркуломъ.

**) Скущенное населеніе прихода, отдѣляющееся отъ центра слободы большок пустошью и называемою Кочеваномъ.

рости болѣзнь появилась въ хуторѣ Богдановомъ *), состоявшемъ въ Городищенскомъ приходѣ, въ слободѣ Поповкѣ и хуторѣ Гнидовкѣ. Въ Поповкѣ, гдѣ была церковь, не было священника, и мнѣ предписано было завѣдывать и этимъ приходомъ. Мои труды по исполненію требъ распредѣлялись такъ:— послѣ литургіи я сей-часъ-же отправлялся по домамъ напутствовать больныхъ и пока исполнялъ это, гробы умершихъ сносили къ церкви; сопроводивъ ихъ на кладбище, послѣ погребенія, прямо ѣхалъ въ хуторъ, находящійся отъ слободы въ 15 верстахъ, тамъ напутствовалъ больныхъ и погребалъ умершихъ; изъ хутора ѣхалъ въ слободу Поповку и, состоящій въ томъ-же приходѣ, хуторъ Гнидовку, затѣмъ къ вечеру возвращался въ свой приходъ; иногда очень поздно ночью и всегда заставалъ полную церковь и ограду прихожанъ, ожидающихъ моего возвращенія, а потому, не заходя домой, направлялся прямо въ церковь; благословивъ читать вечерню и утреню, начиналъ исповѣдывать,—всѣхъ успѣвшихъ исповѣдываться, въ теченіи короткой лѣтпей ночи, утромъ на литургіи сообщалъ св. Таинъ. Послѣ литургіи опять въ такомъ-же порядкѣ исполнялись всѣ требы. Страшная и поразительная картина ежедневно представлялась глазамъ:—выходишь изъ церкви и видишь—нѣсколько гробовъ стоитъ на проулкѣ и нѣсколько телегъ у воротъ моего дома; родственники умершихъ, изъ опасенія, чтобы я не уѣхалъ изъ селенія, спѣшили заблаговременно приносить тѣла къ церкви, а посланцы отъ заболѣвшихъ умоляли какъ можно скорѣе ѣхать напутствовать. Случалось иногда разомъ относить къ могиламъ болѣе десяти гробовъ и, несмотря на громадное стеченіе народа, не слышно было ни говора, ни воплей, не видно даже слезъ, лица были покрыты смертною блѣдностію; всѣ находились въ какомъ-то оцѣпененіи. При напутствованіи больныхъ приходилось видѣть такія сораданія и муки, что и теперь нельзя объ нихъ вспомнить безъ содроганія. Хуторъ Богдановъ расположенъ по низменности, въѣздъ въ него съ высокой горы и при въѣздѣ кладбище; чуть только покажется

*) Въ этомъ хуторѣ вскорѣ послѣ холеры выстроилась церковь и образованъ самостоятельный приходъ.

экипажъ мой на горѣ, какъ во всѣхъ концахъ начинается движеніе; одни несутъ гробы на кладбище, другіе бѣгутъ на встрѣчу съ просьбою напутствовать и, разставаясь со мною, со слезами умоляютъ пріѣзжать къ нимъ пораньше на другой день. Въ это-то время и пришлось наблюдать драгоцѣнную простоту вѣры народа и всецѣлую преданность его волѣ Божіей.

Будучи свидѣтелемъ послѣднихъ вздоховъ этихъ простыхъ, добрыхъ душъ, я убѣдился, до какой степени они внимательно слѣдили не только за дѣлами, но и за чистотою своихъ помысловъ; приходилось слышать на исповѣди раскаяніе въ такихъ грѣхахъ, на которые люди, считающіе себя по развитію выше простаго народа, не обращаютъ и вниманія, и даже издѣваются надъ ними и приписываютъ ихъ неразвитости человѣка. Такъ: „мысленно выругалъ кого-нибудь; бывши на ярмаркѣ, посмотрѣлъ на комедію; человѣкъ упалъ съ лошади, а я засмѣялся, былъ въ церкви и задремалъ во время служенія.“ А между тѣмъ эта чуждая умствованія и легкомыслія простая вѣра, вѣдренная въ сердца ихъ отцами и духовными пастырями, спасала ихъ отъ преступленій, нынѣ почитаемыхъ обыкновенными, и возмущенія страстями; они жили въ возможной невинности и умирали въ мирѣ; смерть для нихъ не была страшна, а боялись они одного, чтобы не умереть безъ напутствованія и пріобщенія св. Таинъ. Многие-ли теперь заботятся о томъ, чтобы дурныя дѣла погашать въ самомъ зародышѣ ихъ—въ мысляхъ, отвращать очи свои отъ соблазновъ и не только не глумиться надъ несчастіемъ ближняго, а спѣшить ему на помощь? Замѣчательный примѣръ христіанской любви къ ближнему явилъ собою въ это время одинъ глубокой почтенный старецъ Антонъ Терентьевичъ Бондаренко. Въ предсмертныя минуты, послѣ напутствованія его св. Таинными, начали совершать надъ нимъ Таинство Елеосвященія и, когда уже прошла большая половина служенія, пришелъ туда сынъ бѣднаго крестьянина заявить, что отецъ его сильно заболѣлъ. Старикъ, услыхавъ объ этомъ, со слезами началъ упрашивать меня: „Батюшка, оставьте служеніе и поспѣшите къ больному; я, слава Богу, исповѣдывался и пріобщился, а

не дай Богъ, тотъ умретъ безъ покаянія, моей душѣ будетъ грѣхъ, если вы черезъ меня замедлите“. Какое умиленное чувство любви къ ближнему! Черезъ нѣсколько минутъ я окончилъ служеніе и едва вышелъ изъ дому, старикъ скончался.

Что сказать о себѣ? Шестнадцать дней и ночей при ежедневномъ служеніи и почти ежеминутныхъ трудахъ я чувствовалъ себя въ какомъ-то полузабытѣи и полусознательномъ состояніи. Пищи употреблялъ весьма мало; настоевъ, эликсировъ и никакихъ лекарствъ не принималъ, спалъ только во время переѣздовъ, такимъ образомъ, что сядешь въ экипажъ въ одномъ селеніи и откроешь глаза въ другомъ—совершенно безъ сознанія, когда и какъ проѣхалъ пространство въ 15 верстъ. Особеннаго упадка силъ не чувствовалъ, только сильно томила жажда и я нѣсколько разъ въ значительномъ количествѣ пилъ чай, а подъ конецъ стали представляться какія-то видѣнія. Такъ, одинъ разъ сопровождалъ я особенно много гробовъ, погребалъ ихъ въ 4-хъ общихъ могилахъ. Отпѣвши погребеніе при первой, надъ тремя гробами, я предалъ землѣ два гроба, а третій, по тѣснотѣ могилы, былъ вставленъ такъ, что нижняя часть гроба гдѣ ноги опустилась, а верхняя, гдѣ голова покойника, выдавалась надъ поверхностью, могилы, почему я, приказавъ расширить могилу и уставить гробъ, какъ слѣдуетъ, пошелъ погребать остальныхъ. Въ гробѣ этомъ было тѣло прихожанина Тимоѣя Смашки, кроткаго, добраго и всегда улыбавагося. Окончивъ погребеніе въ остальныхъ трехъ могилахъ, я забылъ о первомъ своемъ распоряженіи поставить какъ должно гробъ Смашки и, не воротившись отпѣть его, отправился домой. Войдя въ комнату, я сѣлъ на стулъ; обратившись лицомъ къ дверямъ, смотрю и отчетливо вижу: у порога стоитъ крестьянинъ Тимоѣй Смашко и улыбаясь говоритъ: „Батюшка, а про меня и забыли, вы меня не печатали“ *). Перекрестившись, я взялъ шляпу и палку и пошелъ обратно на кладбище. Когда подходилъ къ могилѣ, могильщики только что оканчивали работу; съ обычными тѣснопѣніями, я предалъ землѣ и добраго Смашко. Могильщиками служили три крестьянина, которые по данному обѣту постоя-

*) Малороссійское выраженіе,—значить не отпѣли.

но жили на кладбищѣ, заготовляли впередъ могилы и устанавливали гробы; никто изъ нихъ не умеръ даже и не болѣлъ. Помню имя одного—Алексѣй, житель Кочевана.

Изъ причта моего умеръ первымъ пономарь, потомъ заболѣлъ дьячекъ и уѣхалъ къ роднымъ въ сосѣднюю деревню, гдѣ оставался до выздоровленія, наконецъ умеръ діаконъ. Этого послѣдняго пришлось мнѣ облачать и погребать при участіи одного крестьянина, любителя церковнаго пѣнія и знатока устава. Имя его Ефимъ, въ народѣ назывался Дѣвиченко; фамилія его, впрочемъ, писалась иначе. Объ этой личности я сообщу ниже не безъинтересныя свѣдѣнія. Діаконъ умеръ на разсвѣтѣ. Ближайшій сосѣдъ его, приходившій извѣстить меня о смерти діакона, умеръ чрезъ нѣсколько часовъ, а къ вечеру обоихъ погребли въ одной могилѣ. Въ одно время пришло испытать и мнѣ первые признаки холеры. Въ слободѣ Поповкѣ я напутствовалъ женщину, по имени Софью, о которой говорили, что она закоренѣлая молоканка. Мнѣ хотѣлось убѣдить ее, открыть, въ чемъ заключаются заблужденія этой секты; долго я склонялъ ее воспользоваться послѣдними минутами и раскаяться; но, несмотря на то, что ее терзали страшныя корчи и конвульсіи, такъ что волосы у нея на головѣ подымались какъ наэлектризованныя, чего не случалось мнѣ видѣть ни прежде, ни послѣ,—я однако-жъ не успѣлъ достигнуть цѣли: она умерла, не давъ отвѣта на мои вопросы, только повторяла: „грѣшная, а ничего не знаю“. Продолжительная бесѣда съ нею имѣла для меня такія послѣдствія: возвратившись въ свою временную квартиру въ домъ крестьянина, я началъ пить чай и при этомъ почувствовалъ страшную жажду, а потомъ вдругъ такъ сильно зажгло у меня внутри, что какъ будто вся внутренность моя вспыхнула и пламя хлынуло у меня изо рта. Я схватилъ чашку горячаго чаю, сразу выпилъ, — сдѣлалось легче. Затѣмъ чрезъ двѣ, три минуты тоже ощущеніе снова повторилось; я безпрестанно наливалъ кипящую воду прямо изъ самовара и пилъ ее какъ холодную, не ощущая жгучести; я выпилъ не менѣе 20-ти чашекъ, такъ что потъ полилъ съ меня струями. Затѣмъ, не помню, какъ я упалъ на скамью, гдѣ сидѣлъ, и уснулъ. Ночью

приходили крестьяне просить напутствовать, будили меня самымъ усиленнымъ образомъ, подымали, говорятъ, на рукахъ, долго держали въ сидячемъ положеніи и прислушивались, живъ-ли я, или уже умеръ; но я ничего этого не помню и не слыхалъ, а на зарѣ самъ открылъ глаза и увидѣлъ передъ собою стоявшаго хозяина дома. Вставши, чувствовала слабость и вмѣстѣ съ тѣмъ такую легкость тѣла, что казалось могъ-бы подняться на воздухъ. Немедленно поѣхалъ въ свой Городищенскій приходъ, по пути исповѣдывалъ одного больнаго. Дорогою приходила мнѣ лукавая мысль—пріѣхать домой и сказать больнымъ, но когда подѣхалъ къ церкви, то народъ, ожидавшій меня всю ночь, встрѣтилъ меня съ такою радостію и съ такими нѣжными привѣтствіями, что я, устыдившись своего намѣренія, пошелъ прямо въ церковь, благословилъ чтеніе утрени, началъ исповѣдывать и въ тотъ же день, совершивъ Божественную Литургію, сообщилъ говѣвшихъ св. Тайнами. Въ то время и во всю мою жизнь въ душѣ моей было и есть глубокое убѣжденіе, что Господь даровалъ мнѣ жизнь ради вѣркой вѣры простаго народа.

Въ приходахъ, Городищенскомъ и Поповскомъ, умерло отъ холеры болѣе 400 душъ. Памятникомъ значительныхъ пожертвованій на церковь во время холеры служатъ серебрянныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери; постигли онѣ отъ слѣдующихъ лицъ: недалеко отъ церкви, подъ плетнемъ, пришлось мнѣ напутствовать одного больнаго холерою нищаго. По приобщеніи св. Тайнъ, нищій сказалъ мнѣ, что у него есть въ заплатахъ рублица деньги и просилъ взять ихъ на церковь; я сказалъ ему, что пришлю церковнаго старосту, человекъ честнаго и богобоязненнаго. Старостою въ это время былъ крестьянинъ Евдокимъ Жукъ. Потерявъ жену и сына и оставшись одинокимъ, онъ съ особеннымъ усердіемъ служилъ церкви. Староста приотилъ нищаго въ ближайшей хижинѣ, одѣлъ его въ чистое бѣлье и похоронилъ, а рублице хранилъ въ церковной кладовой и впоследствии вынулъ изъ заплатъ его болѣе 300 рублей, въ числѣ коихъ оказались двѣ синихъ бумажки по 5 рублей, изъятыя уже изъ употребленія. Почти одновременно съ нищимъ заболѣлъ

также холерою сосѣдній донской помѣщикъ Вас. Ив. Фроловъ. Пригласивъ меня напутствовать, больной послѣ приобщенія, просилъ взять нѣсколько свертковъ серебра на церковь, при чемъ разсказалъ, что серебро это хранится у него еще съ отечественной войны и досталось ему такимъ образомъ. Служилъ онъ хорунжимъ въ казачьемъ полку; послѣ сраженія въ Малоярославцѣ, при отступленіи французовъ, посланъ онъ былъ съ частью казаковъ въ разъѣздъ. „Въ одномъ дѣсу, разсказывалъ онъ, мы открыли избу, которая занята была французскими кавалеристами, и такъ удачно заперли ее и зажгли, что ни одинъ человѣкъ не вышелъ оттуда; верховыхъ лошадей забрали, одна-же изъ лошадей была запряжена въ малепькія саяки. Такъ какъ я отъ природы имѣлъ искривленную ногу, то верховая ѣзда была для меня крайне утомительна; казаки предложили мнѣ ѣхать въ салазкахъ, а мою верховую лошадь повели въ поводу. Дорогою я замѣтилъ, что мѣстами лошадь слишкомъ усиленно везетъ салазки; я оцупалъ дно и нашелъ какой-то ящикъ. Приѣхавши въ штабъ полка, я сдалъ ящикъ въ пейхгаузъ и взялъ квитанцію на свое имя, а по приходѣ на Донъ получилъ его какъ собственность. Возвратившись въ имѣніе, я разбилъ ящикъ и въ немъ оказались свертки серебрянныхъ ризъ съ иконъ, ограбленныхъ французами. Часть изъ этого серебра употребилъ я на серебрянную ризу для иконы трехъ Святителей — моего ангела, часть передѣлалъ на посуду, а остальное цѣло и доселѣ, которое и прошу принять въ церковь.“ Я сказалъ, что за полученіемъ этого дара пришло старосту и высказалъ при этомъ свое мнѣніе, что серебро это приличнѣе всего употребить на ризы для иконъ, какъ оно и было прежде украшеніемъ именно этой святыни. Фроловъ согласился и обѣщалъ заплатить за работу, но когда ризы привезены были изъ Москвы, Фроловъ уже нездоровѣлъ и не исполнилъ своего обѣщанія; далъ только одинъ полумперіаль, уплатили-же за работу ризъ деньгами ницанго, найденными въ заплатахъ. Какая сила страстей! — подумали мы съ церковнымъ старостою, получивъ отказъ заплатить за ризы: возвратился къ жизни, возвратилась и страсть сребролюбія, а между тѣмъ для чего и для кого хранить че-

ловѣкъ свои стяжанія? Человѣкъ онъ былъ холостой, уже очень пожилыхъ лѣтъ. И дѣйствительно, въ скорости послѣ того онъ умеръ. Какіе-то далекіе наслѣдники раздѣлили имѣніе, домъ былъ проданъ на свозъ, а рѣка, надъ которою красовалась усадьба Фролова, во время половодья, взявъ другое направленіе, на всемъ томъ пространствѣ, гдѣ стоялъ домъ его и другія постройки, образовала обрывы и песчанья кручи. поросшія по времени камышемъ; такъ погибла и память его. Появленіе серебрянныхъ ризъ въ той мѣстности было такою рѣдкостью, что многіе изъ окрестныхъ селъ нарочно пріѣзжали посмотрѣть на это богатство, любовались, удивлялись и возревновали сами. Въ скорости потомъ появились ризы серебрянныя на иконахъ Бѣловодскихъ церквей въ слободахъ: Бараниковкѣ, Литвиновкѣ и Стрѣльцовкѣ; въ этой послѣдней усердіемъ бывшаго старосты В. И. Калмыкова и сыновей его украшены серебрянными ризами всѣ иконы въ двухъ ярусахъ иконостаса.

Крестыанинъ Дѣвиченко, о которомъ я упоминалъ выше, исправлявшій при мнѣ обязанности причетника послѣ смерти діакона, назывался въ народѣ такъ потому, что родился отъ дѣвицы, которая дала обѣтъ не выходить замужъ и, выучившись грамотѣ, жила въ особенной отъ семейства комнатѣ. занималась чтеніемъ псалтыря и болѣе чистою работою. Она носила черное платье. Такія дѣвицы есть почти въ каждомъ селеніи по Малороссіи и носятъ названіе черницъ, поэтому и Юфимъ назывался иногда Дѣвиченко, а иногда—Черниченко. О рожденіи его передавали такой разсказъ: въ Бѣловодской волости былъ волостной писарь, Гнида, семейный, имѣлъ хорошее состояніе и занимался собою; всегда чисто одѣвался, припомаживалъ голову и имѣлъ всѣ писарскіе приемы,—не прочь былъ воспользоваться и наживою при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ одно время сдѣлался съ нимъ такой переворотъ: велѣлъ запретъ своихъ воловъ, насыпалъ возъ пшеницы; доѣхавши до рѣки Деркула, высыпалъ пшеницу въ рѣку, а воловъ кому-то подарилъ; самъ-же остригъ себѣ голову, выпачкалъ навозомъ и, одѣвшись въ рубище, пошелъ бродить по селеніямъ. Всѣ объясняли такія странныя его дѣйствія тѣмъ, что

онъ сошелъ съ ума, и жалѣли объ его несчастіи. На вопросъ: на что онъ высыпалъ пшеницу въ рѣку и выпачкалъ голову навозомъ — отвѣчалъ такъ: „я прежде бросалъ въ рѣку отраву рыбѣ, а теперь далъ ей возъ пшеницы, голову мазалъ помадою и думалъ, что она пахнетъ, она же пахнетъ только сверху, а внутри смердитъ; пусть-же она сверху смердитъ, а въ срединѣ пахнетъ“. Однажды тородивый писарь этотъ пришелъ въ Городище, когда въ церкви шло Богослуженіе. На порогѣ церковномъ стояла черница, красивая по наружности и почитаемая крестьянами за ея добрую жизнь и кроткій нравъ; писарь подкрался къ ней и такъ ударилъ дѣвицу по уху, что она упала на землю, а самъ побѣжалъ по проулку. Крестьяне, бывшіе при этомъ, бросились за нимъ и, догнавши, спрашивали: за что онъ ударилъ невинную дѣвушку, что она ему сдѣлала? Писарь отвѣчалъ: „я ударилъ не ее, а бѣса, онъ сидѣлъ у нея на плечѣ, и на ухо шепталъ: „полюби того маляра, что хорошо поетъ на клиросѣ“. Въ это время устраивали иконостасъ и одинъ изъ живописцевъ, молодой человекъ, отлично пѣлъ на клиросѣ. Крестьяне, сдѣлавъ расправу съ писаремъ по своему, т. е. побивши, пустили его, и, поговоривши о событіи, стали забывать. Между тѣмъ прошелъ годъ и послѣдствіемъ вражескаго нашептыванія явился у дѣвушки сынъ Ефимъ. Это, впрочемъ, было единственное ея паденіе; она всю жизнь потомъ оплакивала свой проступокъ, воспитала сына въ страхѣ Божиемъ, дожила при немъ до глубокой старости и кромѣ своей хижины и церкви не знала другаго мѣста. Ефимъ былъ кроткій, молчаливый, съ дѣвственной наружностью, постоянно посѣщалъ церковь и, владѣя прекраснымъ голосомъ, читалъ и пѣлъ на клиросѣ, за что пользовался любовью жителей. Послѣ тородиваго писаря Гниды остался сынъ его. Митрофанъ, и тоже, какъ полуумный, бродилъ по селамъ и монастырямъ. Всѣ считали его за дурачка, но его не связными словами и странностями прикрывалось что-то неразгаданное. Изъ многихъ рассказовъ о немъ я приведу два, хорошо мнѣ извѣстные. Былъ приглашенъ я въ домъ прихожанина моего, купца Масленикова, для благословенія просватанной съ женихомъ дочери; выходя оттуда, замѣтилъ я Митрофана въ

числѣ собравшихся посмотрѣть на торжество, и сказалъ ему: „ты зачѣмъ сюда пришелъ, иди-ка ты, да Богу молись“! — „Я только что былъ въ соборѣ, отвѣчалъ онъ; сказали мнѣ, что тамъ попы свадьбу вѣнчаютъ, я и пошелъ, а тамъ стоитъ гробъ, въ гробу лежитъ дѣвушка, убрана цвѣтами, и три попа въ черныхъ ризахъ служатъ похороны.“ Въ скорости послѣ сватанія дѣвушка Масленикова умерла, была убрана цвѣтами какъ невѣста и я съ двумя товарищами погребалъ ее въ Бѣловодскомъ соборѣ. Слова Митрофана были для меня неразгаданными, потому что въ соборѣ онъ въ то время быть не могъ; это было поздно вечеромъ, да никакого погребенія въ то время и раньше не было; но все объяснилось съ кончиною невѣсты. Другой случай о Митрофанѣ рассказывалъ мнѣ о. архимандритъ Святогорской пустыни, Арсеній. „Въ одно время, говорилъ онъ, пріѣхали въ Св. Горы двѣ помѣщицы изъ Войска Донскаго, благодѣтельница монастыря; въ этотъ день я читалъ акаѣистъ, и послѣ акаѣиста пригласилъ ихъ посмотрѣть монастырь и мѣсто, на которомъ предполагалось строить соборъ. Когда ходили по монастырю, мною сталъ овладѣвать духъ гордости и надменія, въ головѣ носились мысли: какой высокій постъ занимаю я, какъ меня всѣ уважаютъ и какими громадными дѣлами распоряжаюсь. А когда барыни начали благодарить меня за отчетливое и умиленное чтеніе акаѣиста, я подумалъ: дѣйствительно, я неподражаемо читаю и при этомъ какъ-то величаво подымаю голову и какъ будто измѣнилъ поступь. Вдругъ подходитъ ко мнѣ Митрофанъ и, взявши благословеніе, говоритъ: „Я до вашей милости, о. архимандритъ, посвятите меня въ іеромонаха“. Барыни улыбнулись, такъ какъ онъ былъ въ рубищѣ съ разными украшеніями изъ тряпокъ, и всклокоченными волосами. Я тоже принялъ шутливый тонъ и говорю: „зачѣмъ, Митрофанушка, быть тебѣ іеромонахомъ, здѣсь будетъ тебѣ трудно, а ты ступай въ деревню, тамъ будешь священникомъ“. — „Нѣтъ, о. архимандритъ, у священниковъ много писанья, тамъ я не гожусь, а здѣсь и дуракъ какой-нибудь можетъ быть, лишь-бы умѣлъ хорошо акаѣистъ читать“. — Какъ целена спала съ моихъ душевныхъ глазъ:—мгновенно охватили меня стыдъ и

раскаяніе и я, простившись съ барынями, перекрестился и произнесъ: Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. Митрофанъ часто проживалъ въ Городищѣ и жители радушно принимали его; онъ никому ничего оскорбительнаго не дѣлалъ, ходилъ въ церковь и постоянно присутствовалъ при чтеніи житій святыхъ въ церковной сторожкѣ.

Въ приходѣ Городищенскомъ издавна заведено было на утреннемъ Богослуженіи, послѣ прочтенія каѳизмы, читать житіе дневнаго святаго, или-же другаго, по усмотрѣнію священника. Товарищемъ по церкви былъ отецъ Елисей, изъ діаконовъ; онъ имѣлъ сильный и пріятный голосъ и отчетливо читалъ съ амвона вмѣсто проповѣди житія святыхъ. Народъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ и, не довольствуясь этимъ чтеніемъ въ церкви, въ большомъ количествѣ собирався по воскреснымъ днямъ въ церковную сторожку, часа за два до вечерняго и предъ утреннимъ Богослуженіемъ, и просилъ читать кого-либо изъ причта, или грамотнаго крестьянина; чаще всѣхъ занимался этимъ чтеніемъ въ сторожкѣ выше-упомянутый Ефимъ Дѣвиченко. Чтеніе это имѣло громадное вліяніе на нравственность жителей; большая часть изъ нихъ, неграмотные, усваивали примѣры благочестія, отчетливо передавали другимъ и удачно прилагали къ разнымъ случаямъ жизни. Съ другой стороны, нравственность жителей поддерживалась нѣкоторыми мѣстными, иногда и странными обычаями, которыми безпощадно преслѣдовались пороки. Нарушеніе цѣломудрія считалось страннымъ преступленіемъ; въ теченіе болѣе десятилѣтняго моего служенія въ этомъ приходѣ не было ни одного такого преступнаго случая, но живо было преданіе изъ прошедшаго. Указывали на одно семейство, въ которомъ отца и мать подвергали позору за безчестное поведеніе дочери: на отца надѣли хомуть съ лошади, а на мать мужское платье, и въ такомъ видѣ представили цировавшей на свадьбѣ компаніи. Воровство тоже преслѣдовалось и наказывалось по народному обычаю. На ярмаркѣ одна женщина украла коробку, торговецъ догналъ ее, отнялъ коробку, толкнулъ женщину и тѣмъ дѣло кончилось; но послѣ ярмарки собрались старики, призвали воровку и присудили, на страхъ

другимъ, поводить ее, съ нарочито отыскающею для этого коробкою, по улицамъ; привязали коробку къ спинѣ, десятскій за руку велъ женщину, а толпа мальчишекъ палочками барабанили въ коробку, и это дѣйствительно производило на крестьянъ потрясающее впечатлѣніе. Сквернословіе считалось ненавистнымъ порокомъ. По случаю избранія должностныхъ лицъ, я приглашенъ былъ въ волостное правленіе служить молебень, а по окончаніи служенія указали кандидата на должность за-сѣдателя. Почтенные старики дали такой отзывъ о немъ: онъ человекъ хорошій и достойный довѣрія, но невоздерженъ на языкъ, неприлично ругается; онъ выучить и дѣтей нашихъ ругаться, а потому не годится. И его не избрали. Женщинѣ зайти въ кабакъ считалось большимъ позоромъ. Патріархальная жизнь Городищенскаго прихода и правила нравственности всегда вызывали въ душѣ моей самыя отрадныя воспоминанія. Уваженіе къ старшимъ, повиновеніе родителямъ и властямъ и благоговѣйная преданность Государю были отличительными чертами этого простаго народа. При первой вѣсти о смерти Императора Николая Павловича, въ 1855 г., послѣ общей панихиды, въ теченіе сорока дней ежедневно приносили хлѣбъ и свѣчи изъ частныхъ домовъ и просили служить за „Батюшку“ - Царя вселенскую панихиду: такъ называютъ они служеніе панихиды, положенное по уставу Церкви въ поминальныя субботы, когда читается весь канонъ и поются ирмосы, а по окончаніи панихиды дѣлается погребальный переборъ колоколовъ, въ другое-же время по усопшимъ служилась большею частію краткая литія. Вотъ чѣмъ былъ силенъ нашъ русскій народъ и чѣмъ приобрѣлъ на свое государство Божіе благословеніе.

Прошло уже около тридцати лѣтъ, какъ я выбылъ изъ этого прихода. Произошли-ли какія перемѣны и какія именно—не знаю, но надо полагать, что благочестіе тамъ не оскудѣваетъ, такъ какъ въ селеніи этомъ вмѣсто деревянной церкви построена великолѣпная каменная съ новымъ иконостасомъ.

Протоіерей Семеонъ Члларіоновъ.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЫЧНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ И СУЖДЕНІЙ О РАЗЛИЧНЫХЪ ВИДАХЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И НАЧАЛАХЪ ОБЩЕСТВЕННОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА *)

VII.

Воля коллективная и единоличная.—Народная воля.—Важность нравственныхъ идей и стремленій въ жизни общественной.—Нравственное чувство или совѣсть, какъ начало отличное отъ эгоизма и чувства справедливости, а равно и отъ благожелательныхъ чувствъ, развиваемыхъ общежитіемъ.—Нравственность не состоитъ также въ дѣятельности общепользной.—Нравственное чувство и чувство эстетическое; нравственно доброе въ сравненіи съ прекраснымъ.—Основаніе нравственности въ религіозной вѣрѣ.—Въ чемъ состоитъ добро какъ предметъ и цѣль нравственнаго чувства?—О любви къ Богу и ближнему съ точки зрѣнія исторической.

Мы видѣли, что если за основаніе изъясненія общества и жизни общественной принимается отдѣльное лицо, индивидуумъ съ натуральными его свойствами и потребностями, и потому важнѣйшимъ интересомъ общественной жизни признается обезпеченіе свободы индивидуальнаго развитія, то неминуемо возникнетъ при этомъ такой взглядъ на общество, который въ корнѣ подрываетъ жизнь общественную. Коль скоро общество не болѣе какъ средство къ обезпеченію и удовлетворенію индивидуальныхъ потребностей, т. е. потребностей каждаго его члена въ отдѣльности, тогда оно и не можетъ быть инымъ чѣмъ-либо, какъ только ареною безысходной борьбы частныхъ интересовъ. Наоборотъ: если исходить изъ идеи общества, какъ безусловной цѣли, которой все частное должно быть подчинено, то всякое самостоятельное значеніе личности должно быть отринуто. Между тѣмъ вѣдь и само общество есть не что иное, какъ собраніе отдѣльныхъ лицъ. Различаютъ, правда, волю лич-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 5.

ную отъ воли коллективной: послѣдняя, говорятъ, всегда должна преобладать надъ волею отдѣльныхъ лицъ. Но въ какихъ размѣрахъ коллективная воля должна обпаружиться, дабы преобладаніе ея было справедливымъ? Этотъ вопросъ рѣшаютъ различно, такъ какъ онъ и не допускаетъ согласнаго рѣшенія. Если два или три человѣка согласились между собою въ чемъ-либо, то выраженная ими воля противъ воли одного лица есть уже коллективная. Значитъ, одинъ человѣкъ не можетъ рѣшить вопросъ, касающійся общаго интереса, въ духѣ справедливости, а два и три человѣка не только могутъ, но и необходимо должны рѣшить вопросъ правильнѣе сравнительно съ единоличнымъ его рѣшеніемъ (говорится вѣдь: умъ—хорошо, а два—лучше). Явная несообразность. Возьмемъ другую крайность, вытекающую изъ той-же идеи о рѣшающемъ значеніи коллективной воли. Говорятъ: не нѣсколько лицъ, даже не отдѣльный общественный классъ, а только весь народъ можно признать вполне достаточнымъ и правомѣрнымъ выразителемъ той коллективной воли, которой по справедливости должно принадлежать господство. Полагаютъ при этомъ, что возможны и такія учрежденія, посредствомъ которыхъ народъ съ періодическою правильностію заявлялъ-бы свою волю. Но какъ извѣстно, нѣтъ такихъ учрежденій, которыя исключали-бы возможность злоупотребленій, и ничѣмъ не можетъ быть обеспечено вполне свободное отъ искаженій и поддѣлокъ заявленіе народной воли. Впрочемъ, допуская даже возможность вполне правильнаго выраженія желаній народныхъ, не искаженнаго никакими чуждыми вліяніями, нельзя однако-же признать безспорнымъ авторитетъ народной воли, даже выраженной такимъ образомъ. Дѣло въ томъ, что въ исторіи дѣйствуетъ, какъ зидительная творческая сила—лишь бессознательная, болѣе или менѣе инстинктивная воля народа, что называется духомъ народнымъ,—и только такая воля можетъ быть признана въ извѣстномъ смыслѣ непогрѣшительною. Искусственно-же созданные формальные способы выраженія народной воли могутъ быть органами только для воли сознательной, которую уже никакъ нельзя признать непогрѣшительною, хотя-бы то была воля цѣлаго народа: вѣдь и народный духъ не въ каждомъ дѣйствуетъ съ

равною силою, а высшей степени своего проявленія, т. е. въ видѣ сознательнаго и твердо проведеннаго рѣшенія извѣстныхъ задачъ, поставляемыхъ исторіею, она достигаетъ лишь въ рѣдкихъ, иногда нарочито выдвигаемыхъ промысломъ личностяхъ *). Такимъ образомъ, иногда то, что исходитъ отъ отдѣльнаго лица, можетъ быть безконечно цѣннѣе того, что рѣшаетъ и чего требуетъ общество. Ясно, что количественныя опредѣленія далеко не выражаютъ всей полноты проявленій общественной жизни. Дѣло не въ томъ, выражается-ли нѣчто однимъ лицомъ или цѣлымъ обществомъ, а въ томъ, каково по своему достоинству то, что выражается однимъ лицомъ, или цѣлымъ обществомъ. Не въ томъ вопросъ, слѣдуетъ-ли индивидуальныя потребности считать основою общественной жизни и заключается-ли задача ея въ удовлетвореніи этихъ потребностей, или-же общественныя интересы должны преобладать всегда надъ личными, а въ томъ, какія именно потребности—все равно, принадлежатъ-ли онѣ отдѣльнымъ лицамъ, или множеству лицъ—имѣютъ важнѣйшее значеніе въ созданіи общественной жизни? Никто не станетъ отрицать, что нравственныя идеи и стремленія, проявляются-ли онѣ въ отдѣльныхъ личностяхъ, или въ цѣломъ обществѣ, наиболѣе благопріятствуютъ укрѣпленію, возвышенію и очищенію общественнаго духа. А потому необходимо знать, дабы вывести правильный взглядъ на общество и общественную жизнь, на чемъ основываются потребности и идеи нравственныя.

Какъ для индивидуальныхъ потребностей и интересовъ послѣднимъ основаніемъ служить, свойственное нашей природѣ, побужденіе къ самосохраненію, или *эгоизмъ*, и какъ основаніемъ общественныхъ обязанностей служить естественное *чувство справедливости*,—такъ равнымъ образомъ должно быть основаніе въ природѣ человѣка и для нравственныхъ идей и стрем-

*) Въ угоду модной идеѣ о всеобщемъ равенствѣ, какъ подлежащемъ осуществленію принципъ соціальнаго и политическаго устройства, продумано цѣльное и безсмысленное ученіе, выдаваемое однако какъ результатъ научныхъ изысканій,—ученіе о томъ, что всѣ гениальныя великіе люди въ сущности люди невормальные, у которыхъ будто-бы душевныя способности достигали въ извѣстномъ направленіи чрезмѣрнаго напряженія только по причинѣ какого-либо органическаго недостатка, или: проще говоря, то были люди сумасшедшіе.

леній въ собственномъ смыслѣ. Такимъ основаніемъ нравственности, даннымъ въ самой природѣ человѣка, признается *нравственное чувство* или *совѣсть*. Эгоизмъ, какъ принципъ частной дѣятельности, ограниченный настолько, чтобы не противорѣчилъ ни требованіямъ справедливости, ни требованіямъ нравственнаго закона, можетъ быть выраженъ такъ: *не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобы другіе тебѣ дѣлали*, или въ положительной формѣ: *поступай съ другими такъ, какъ-бы ты желалъ, чтобы и другіе съ тобою поступали*. Въ этихъ формулахъ указывается лучшій, т. е. благоразумнѣйшій способъ къ достиженію личнаго счастья. Но только въ частныхъ дѣлахъ возможно руководство подобными правилами. Такъ напр. судья не исполнилъ-бы своей обязанности, если-бы виновнаго оставилъ безъ наказанія, по естественному желанію и самому также остаться безнаказаннымъ, въ случаѣ если-бы пришлось ему впасть въ преступленіе, хотя поступивъ такимъ образомъ, онъ лишь послѣдовалъ-бы правилу не дѣлать другому того, чего себѣ не желаешь. Поэтому умѣренный или благоразумный эгоизмъ не можетъ и не долженъ быть принципомъ общественной дѣятельности. Такой принципъ заключается въ справедливости. *Справедливость* же, какъ принципъ общественной дѣятельности, состоитъ вообще въ исполненіи обязанностей своего званія и состоянія, т. е. обязанностей, опредѣляемыхъ общественнымъ нашимъ положеніемъ. Такъ, для властвующихъ справедливость состоитъ въ соглашеніи между собою общественныхъ потребностей и интересовъ, вообще въ управленіи обществомъ согласно съ существующими законами, причемъ, конечно, справедливость требуетъ также, чтобы и самые законы были приводимы въ соглашеніе съ вновь возникающими потребностями и условіями жизни; для подвластныхъ-же справедливость состоитъ въ исполненіи требованій власти, выраженныхъ посредствомъ правильно установленныхъ органовъ общественнаго управленія. Спрашивается теперь, чѣмъ различается человѣкъ добродѣтельный отъ практически благоразумнаго, а также отъ справедливаго? Отъ перваго онъ различается тѣмъ, что ничего для себя не желаетъ и не домогается; отъ втораго тѣмъ, что стоитъ не подъ закономъ, а выше закона, ибо всегда дѣлаетъ больше, чѣмъ

сколько требуетъ законъ. Цѣль, преслѣдуемая благоразумнымъ эгоизмомъ, есть собственное благополучіе. Справедливостимѣетъ цѣлю общественное благо. Добродѣтель-же, или нравственность вообще состоитъ *въ самоотверженной дѣятельной любви къ добру*. Но здѣсь, скажутъ, различіе только въ словахъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто заботится о себѣ или о другихъ, не потому-ли такъ поступаетъ, что желаетъ добра себѣ и другимъ? И развѣ возможно еще иное какое-либо добро кромѣ того, что выгодно, полезно либо для одного лица, или-же для всего общества? Доброе не есть-ли поэтому тоже, что выгодное, полезное? Замѣтимъ прежде всего, что нравственно доброе, — какъ это можно видѣть уже изъ предъидущаго, — не исключаетъ совершенно выгоднаго, понимаемаго и въ узкомъ, и въ широкимъ смыслѣ. Потому-то легко можно смѣшать одно съ другимъ, и всегда были, какъ и всегда будутъ, попытки подмѣнить одно другимъ, по причинѣ столь простаго и понятнаго желанія ослабить строгость нравственныхъ требованій; цѣль эта и дѣйствительно достигается, когда нравственно доброе отождествляется съ выгоднымъ, хотя-бы послѣднее при этомъ было понимаемо въ наиболѣе благопріятномъ для нравственности смыслѣ, именно въ смыслѣ общепользнаго. Эгоизмъ съ большею силою проявляется въ природѣ человѣка, чѣмъ чувство справедливости и чувство нравственное. — Чувство справедливости также по природѣ сильнѣе нравственнаго чувства. А что нравственно доброе слѣдуетъ строго различать отъ полезнаго, какъ-бы послѣднее ни было понимаемо широко, — въ этомъ не трудно убѣдиться. О томъ, что нравственно доброе ничего общаго не имѣетъ съ полезнымъ или выгоднымъ въ смыслѣ эгоистическомъ, — имѣть нужды и говорить. Выше уже замѣчено, что человѣкъ добродѣтельный ничего для себя не ищетъ и не желаетъ. Онъ желаетъ имѣть только то, что необходимо ему для дѣланія добра. Нравственное чувство требуетъ самоотверженія, т. е. совершеннаго забвенія себя. Поэтому человѣкъ, одушевленный нравственнымъ чувствомъ, забывая себя, заботится только о другихъ? Нѣтъ, и это нельзя признать отличительною чертою строгой нравственности. Конечно, дѣланіе добра другимъ есть одно изъ важнѣйшихъ нравственныхъ требованій, но не въ этомъ со-

стоитъ сущность нравственности. Не рѣдко мы видимъ примѣры того, какъ, не щадя своихъ силъ, не жалѣя себя, иные дѣлаютъ для другихъ такъ много услугъ и окружаютъ ихъ такими попеченіями, что, повидимому, тутъ всякая мысль о себѣ, о своемъ благополучіи, не можетъ имѣть мѣста, и даже бываетъ, что, оскорбленные въ своихъ чувствахъ привязанности къ другимъ близкимъ и дорогимъ для нихъ людямъ, ради ихъ жертвуютъ своею жизнью. Не смотря на то, было-бы совершеннымъ извращеніемъ истины, если-бы мы признали таковыхъ подвижниками въ строго-нравственномъ смыслѣ, героями добродѣтели. Кого природа одарила способностію глубоко и сильно чувствовать, кто легко воспаляется и увлекается аффективными состояніями, доходящими, отъ частаго повторенія, до непреодолимой страсти, тотъ легко наживаетъ привязанности, склонности, вкусы такого рода, которые, можно сказать, сильнѣе его самого, такъ что по необходимости такой человѣкъ дѣлается рабомъ своихъ желаній, склонностей, чувствъ: для такого человѣка не только благополучіе, но и самая жизнь иначе не возможна, какъ только при болѣе или менѣе свободномъ проявленіи и удовлетвореніи нажитыхъ привязанностей. Не таковъ человѣкъ добродѣтельный. Нравственно добрый человѣкъ обладаетъ столь могучею и крѣпкою волею, что нѣтъ такихъ лишеній, нельзя представить такихъ бѣдствій и страданій, которыхъ онъ не могъ-бы снести не колеблясь (примѣръ—многострадальный Іовъ). Паденіе возможно, конечно, и для него, но только оно никакъ не можетъ быть послѣдствіемъ *малодушія*, а бываетъ лишь вслѣдствіе соблазна, т. е. по причинѣ слабости вообще, свойственной человѣку, — между тѣмъ какъ малодушіе состоитъ въ томъ, что человѣкъ считаетъ для себя жизнь возможною только пока имѣются въ наличности извѣстныя внѣшнія условія; коль скоро-же условія эти измѣняются къ худшему и положеніе дѣлается тягостнымъ, то и самая жизнь для него становится уже ненавистною. Такимъ образомъ, даже невинныя и благородныя сами по себѣ чувства привязанности, любви, дружбы къ людямъ близкимъ и вытекающія изъ этихъ чувствъ заботы объ ихъ благополучіи нельзя принять за выраженіе истинно нравственнаго характера.

Невозможно, наконецъ, признать нравственно доброе тождественнымъ и съ дѣятельностію, направленною къ осуществленію общаго блага, съ дѣятельностію общественною. Конечно, и здѣсь не должно терять изъ виду, что какъ вообще выгодное не исключается совершенно нравственно добрымъ, такъ и въ особенности общепользная общественная дѣятельность не только совмѣстима съ нравственно добрымъ, но можетъ и проистекать, главнымъ образомъ, изъ побужденій нравственныхъ; но не слѣдуетъ отсюда выводить, что въ заботахъ объ общемъ благѣ именно и состоитъ нравственность. Ревностное исполненіе общественныхъ обязанностей нисколько не исключаетъ того, что нравственный характеръ самого дѣятеля при этомъ во многихъ отношеніяхъ подлежитъ осужденію. Возможно, что человѣкъ запыталъ себя пороками, подверженъ страстямъ, но въ исполненіи своихъ общественныхъ обязанностей является безупречнымъ и, даже болѣе, заслуживающимъ похвалы. Случается, что своими талантами и общепользными дѣлами иные достигаютъ извѣстности, почета, славы, не смотря на то, что въ характерѣ и жизни такихъ людей, быть можетъ, много оказалось бы такого, съ чѣмъ совѣсть не можетъ примириться. Можно сказать на это, что въ жизни вообще добро смѣшивается со зломъ и совершенной добродѣтели также, какъ совершеннаго зла или порока, не бываетъ, что поэтому, при оцѣнкѣ общественной дѣятельности, нѣтъ надобности принимать въ расчетъ личныя свойства, характеръ самого дѣятеля, который, быть можетъ, и самъ тщательно скрывалъ отъ другихъ свои недостатки; достаточно знать, что общественная дѣятельность извѣстнаго лица дѣйствительно была полезна для общества, дабы съ полнымъ правомъ признать такую дѣятельность имѣющею нравственное достоинство и характеръ. Но кто станетъ оспаривать, что и самая общепользная дѣятельность можетъ проистекать изъ такихъ побужденій и воодушевляться такими цѣлями, которыя наша совѣсть всецѣло отвергаетъ, какъ не сообразныя съ требованіями нравственными; таковы напр. побужденія и цѣли: самолюбіе, гордость, стремленіе къ власти, почестямъ, желаніе обогатиться и под. Нравственное чувство или совѣсть находятъ для себя удовлетворе-

ніе только при видѣ такихъ дѣлъ, которыя оказываются вполнѣ безупречными не только по своимъ общепольнымъ слѣдствіямъ, но и по тѣмъ побужденіямъ и цѣлямъ, съ какими они были совершены; говоря иначе, для нравственнаго достоинства дѣйствія недостаточно, чтобы оно было общепольнымъ, необходимо еще, чтобы оно было чистымъ вполнѣ; а только тогда дѣла могутъ быть чистыми, когда исходятъ изъ чистаго источника, если т. е. основаніемъ ихъ служить и въ нихъ проявляется безупречный въ нравственномъ отношеніи характеръ самого дѣятеля. Нельзя, слѣдовательно, раздѣлять дѣятельность человѣка отъ его характера. Отличительный признакъ человѣка, дѣйствующаго по нравственнымъ побужденіямъ, тотъ, что такой человѣкъ никогда ни на что не рассчитываетъ и ничего не дѣлаетъ по расчету. Расчетъ можетъ быть невѣрнымъ, и то, отъ чего мы ожидали много пользы для себя или другихъ, можетъ оказаться не соответствующимъ нашимъ ожиданіямъ; но если мы дѣйствовали по совѣсти, т. е. съ чистыми намѣреніями и побужденіями, тогда, не смотря на всякія неудачи нашихъ предпріятій, совѣсть остается спокойною, хотя-бы неуспѣхъ и былъ для насъ огорчительнымъ. Приэтомъ должно замѣтить, что кто дѣйствуетъ исключительно по расчету, тотъ, видя неуспѣхъ своихъ дѣйствій, легко падаетъ духомъ и утрачиваетъ охоту къ новымъ предпріятіямъ, между тѣмъ какъ никакія неудачи не умаляютъ силы духа того, кто поступаетъ по нравственнымъ побужденіямъ, ибо святость и обязательность нравственнаго долга чрезъ то не ослабляется, что ожидаемыя отъ исполненія его послѣдствія не оказываются на дѣлѣ.

Такъ какъ нравственно доброе въ нашихъ намѣреніяхъ и дѣлахъ не есть дѣло расчета, то нравственное достоинство намѣреній и дѣйствій, а равно и самыхъ характеровъ, лежащихъ въ ихъ основаніи, не можетъ быть съ точностію разобрано и представлено съ такою убѣдительностію, которая имѣла-бы силу, равную для всѣхъ. Нравственное достоинство характеровъ и дѣлъ опредѣляется для насъ чрезъ собственное наше нравственное чувство, воспріимчивое къ добру. Необходимо имѣть чуткость къ нравственно доброму, для того чтобы при видѣ характеровъ и дѣйствій исполненныхъ доб-

ра, мы могли почувствовать это добро и, такимъ образомъ, убѣдиться въ ихъ нравственномъ превосходствѣ. Не то-же-ли самое происходитъ съ нами, когда мы созерцаемъ прекрасное и наслаждаемся имъ? Не такъ-ли безотчетно, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ непреодолимо, дѣйствуетъ въ насъ эстетическое чувство при видѣ прекраснаго? Нельзя указать признаковъ прекраснаго такъ, чтобы по нимъ безошибочно можно было различать прекрасное отъ безобразнаго. Необходимо прежде почувствовать прекрасное, дабы его оцѣнить; такъ точно и нравственно доброе мы въ состояніи оцѣнить лишь тогда, когда въ насъ живо и дѣйственно чувство добра, когда наша совѣсть восприимчива къ возвышающимъ и очищающимъ впечатлѣніямъ, производимымъ примѣрами нравственнаго совершенства. Не сужденіемъ опредѣляется въ томъ и другомъ случаѣ наше чувство, а наоборотъ. Когда внезапно представляется намъ восхитительный видъ въ природѣ, или прекрасный образъ, созданный искусствомъ, то мы нѣмѣемъ отъ изумленія, либо совершенно безотчетно погружаемся въ состояніе очарованія, словомъ отдаемся во власть охватившаго насъ чувства, и затѣмъ самое сужденіе о прекрасномъ въ значительной степени уже зависитъ отъ того, что мы испытали, почувствовали при видѣ прекраснаго. И тоже должно сказать объ отношеніи нашего нравственнаго чувства, нашей совѣсти ко всему нравственно чистому и высокому. Не есть-ли поэтому нравственное чувство или совѣсть тоже, что и чувство эстетическое? Прекраснымъ мы наслаждаемся не только тогда, когда видимъ его въ дѣйствительности, но даже еще болѣе, когда оно вымышлено, когда оно есть созданіе творческой фантазіи. Въ нѣкоторой мѣрѣ тоже самое можно сказать и о нравственно добромъ. Созерцаніе добраго само по себѣ благотворно дѣйствуетъ на душу, безъ отношенія къ тому, существуетъ-ли въ дѣйствительности это представляемое нами доброе, чего никакъ нельзя сказать относительно полезнаго: одно лишь представленіе полезнаго нимало насъ не прельщаетъ, если мы этого полезнаго не находимъ въ дѣйствительности и не рассчитываемъ видѣть его на дѣлѣ.

Но какъ-бы ни было близко сходство, во многихъ отношеніяхъ, нравственнаго чувства съ эстетическимъ, одного и раз-

лиціе между ними также очевидно. Есть важныя основанія, не позволяющія смѣшивать, а тѣмъ болѣе отождествлять одно чувство съ другимъ. Если прекрасное не то же, что доброе, то понятно, и чувство прекраснаго, какъ органъ сужденій о прекрасномъ, не должно отождествлять съ чувствомъ нравственнымъ. Но не трудно убѣдиться въ томъ, что прекрасное и доброе далеко не одно и то же. Произведеніе прекрасныхъ образовъ въ различныхъ областяхъ искусства есть дѣло таланта, особыхъ природныхъ дарованій, которыя, конечно, требуютъ образованія и развитія. Нравственно добрыя дѣянія, подвиги добродѣтели, напротивъ, требуютъ къ ихъ совершенію лишь доброй воли, которая можетъ быть какъ у людей просвѣщенныхъ, такъ и у людей, лишенныхъ образованія. Правда, добрыя дѣла могутъ быть сравниваемы съ произведеніями искусства въ томъ отношеніи, что какъ художникъ воплощаетъ свои идеи въ чувственныхъ образахъ, такъ человѣкъ добродѣтельный осуществляетъ свои идеи въ поступкахъ и дѣлахъ. Но художникъ, при осуществленіи своихъ идей, вполне свободно распоряжается необходимымъ для того матеріаломъ, напротивъ воздѣйствіе на натуральныя свойства и нажитыя привычки и склонности какъ собственной природы, такъ и природы другихъ людей, служащія матеріаломъ для нравственной дѣятельности, далеко уже съ меньшею свободою совершается и достигаетъ своей цѣли съ большимъ несравненно трудомъ. Вотъ почему осуществленіе нравственныхъ идей и стремленій въ жизни требуетъ непрерывнаго и неослабнаго труда, съ меньшею притомъ надеждою на успѣхъ сравнительно съ дѣятельностію художника. Добродѣтельный человѣкъ обязанъ вести непрерывную борьбу и съ самимъ собою, и съ другими. Осуществленіе добра достигается лишь побѣдою надъ зломъ, которое проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, непрерывно ихъ измѣняя, и котораго власть такъ велика, что никто не можетъ себя считать отъ нея свободнымъ. Дѣятельность художественная имѣетъ по преимуществу характеръ теоретическій, созерцательный; нравственная-же дѣятельность есть по преимуществу практическая. Созерцаніе художественныхъ произведеній даетъ намъ чистое духовное наслажденіе, и это наслажденіе такъ полно и закон-

ченно, что хотя послѣдствіемъ такого наслажденія и можно считать стремленіе къ произведенію прекраснаго въ самой жизни,—къ совершенію прекрасныхъ поступковъ и дѣлъ, однако такое стремленіе, какъ плодъ эстетическаго наслажденія, обязательнаго и необходимаго значенія не имѣетъ. Мы охотно ищемъ эстетическаго наслажденія не по чему-либо иному, а просто потому, что оно пріятно, слѣдовательно ищемъ эстетическихъ впечатлѣній ради ихъ самихъ, не имѣя вовсе въ виду могущихъ произойти отъ того послѣдствій въ дѣлѣ нашего нравственнаго усовершенія. Нельзя сказать, чтобы мы не испытывали также нѣкотораго духовнаго удовольствія при видѣ подвиговъ добродѣтели, при созерцаніи примѣровъ нравственнаго совершенства, такъ какъ подобныя примѣры поддерживаютъ и укрѣпляютъ въ насъ вѣру въ добро, нерѣдко ослабѣвающую въ жизненной борьбѣ, однако далеко нельзя сравнивать этого внутренняго ободренія, чувствуемаго нами при видѣ подвиговъ добра, съ эстетическимъ наслажденіемъ. Впечатлѣнія, испытываемыя нами при созерцаніи нравственно добраго, самостоятельнаго значенія не имѣютъ, ибо служатъ только исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго процесса, состоящаго въ возбужденіи и подкрѣпленіи въ насъ сознанія долга, сознанія своихъ нравственныхъ обязанностей, которое въ свою очередь должно служить руководствомъ и поддержкою для нашей воли въ совершеніи добра и преодолѣніи соблазновъ зла. Такимъ образомъ, примѣры нравственно добраго имѣютъ для насъ обязательное значеніе, какъ-бы призываютъ насъ къ исполненію нашихъ обязанностей, между тѣмъ какъ образцы прекраснаго даютъ намъ одно лишь наслажденіе, ни къ чему насъ не обязывая. Потому-то люди охотно ищутъ эстетическаго наслажденія, но далеко не съ такою охотою они готовы быть признательными свидѣтелями нравственной доблести, являемой въ борьбѣ со зломъ и въ осуществленіи добра. Не только произведенія искусства служатъ источниками чистыхъ удовольствій, но и самый процессъ творчества виновникамъ этихъ произведеній даетъ еще большее наслажденіе, которымъ вообще сопровождается художественная дѣятельность. Напротивъ, подвижникамъ добра должно быть совершенно чуждо подобное наслажденіе.

Говорятъ, что подвижникъ, стремящійся къ осуществленію добра въ жизни, имѣетъ великое утѣшеніе за свои труды въ спокойствіи совѣсти, въ мирѣ душевномъ, который есть достойный плодъ добродѣтели и вмѣстѣ побужденіе къ дальнѣйшимъ подвигамъ. Но что такое этотъ миръ душевный и это спокойствіе совѣсти? Извѣстно, что человѣкъ, имѣющій совѣсть болѣе или менѣе впечатлительную, всякій разъ чувствуетъ безпокойство, когда погрѣшитъ въ чемъ-либо противъ непреложныхъ требованій долга. Отсюда заключаютъ, что, наоборотъ, всегда и неизмѣнно исполняющій свои обязанности долженъ наслаждаться спокойствіемъ и миромъ душевнымъ. Но чѣмъ глубже и сильнѣе въ человѣкѣ нравственное чувство, тѣмъ больше оно имѣетъ чуткости въ отношеніи къ малѣйшимъ отступленіямъ отъ идеальныхъ возвышенныхъ требованій нравственнаго закона, а потому такой человѣкъ никогда не можетъ признать себя *исполнившимъ законъ*; слѣдовательно, и спокойствіе духа для него едва-ли возможно. Чѣмъ впечатлительнѣе совѣсть, чѣмъ тоньше и глубже нравственное чувство въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе его вниманіе устремлено не на то, что имъ сдѣлано, а на то, чего онъ не сдѣлалъ, не на заслуги и добрыя дѣла, а на погрѣшности и опущенія, хотя-бы невольныя. Поэтому для такого человѣка спокойствіе прочное, продолжительное даже невозможно. Притомъ-же нравственность состоитъ въ любви къ добру. А любящій добро, конечно, ничего такъ не желаетъ, какъ чтобы повсюду въ жизни господствовало добро и торжествовало надъ зломъ. Между тѣмъ жизнь, разсматриваемая при свѣтѣ нравственныхъ требованій, представляетъ мало утѣшительнаго. Идея справедливости заключаетъ въ себѣ, можно сказать, *минимумъ* нравственныхъ требованій, ибо касается не столько внутренняго состоянія людей, скрытыхъ въ душѣ побужденій и намѣреній, сколько внѣшняго образа ихъ дѣйствованія, опредѣляетъ взаимныя отношенія между людьми. Но и справедливость на каждомъ шагѣ нарушается и вообще практикуется въ жизни самымъ несовершеннымъ образомъ. А что сказать о внутреннемъ состояніи людей, объ ихъ чувствахъ, желаніяхъ, стремленіяхъ? Сколько гнѣздится зла въ тайныхъ помысленіяхъ и намѣреніяхъ, сколько

есть страстей, омрачающихъ и погубляющихъ въ самомъ корнѣ нравственное чувство? Между тѣмъ внутреннее зло тѣмъ менѣе уязвимо, что оно скрывается въ глубинѣ души, а когда проявляется въ соотвѣтственныхъ дѣйствіяхъ, то всегда есть при этомъ возможность придать своимъ поступкамъ благовидную наружность, что однако не служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы они принесли свой плодъ. Можетъ-ли человѣкъ, любящій добро, оставаться спокойнымъ и не скорбѣть душою при видѣ того, какъ зло разливается въ мірѣ широкимъ потокомъ, иногда даже явно торжествуя побѣду и обращая на служеніе себѣ лучшія силы, предназначенныя къ добру?

Что-же служить объективнымъ основаніемъ нравственной любви къ добру, на чемъ держится эта любовь, въ комъ она есть, и въ чемъ она состоитъ? Для любви къ добру, очевидно, нужна крѣпкая опора, коль скоро такъ мало пици ей представляется въ дѣйствительной жизни.

Чтобы отыскать рѣшеніе поставленныхъ вопросовъ, продолжимъ сравненіе нравственнаго чувства съ чувствомъ эстетическимъ.

Чувство прекраснаго измѣнчиво: оно способно къ развитію, усовершенію, но можетъ также приходить въ упадокъ. Оно усовершеняется и развивается посредствомъ изученія образцовъ прекраснаго, созданныхъ великими художниками. А для самихъ художниковъ первообразами созданныхъ ими образцовъ красоты служили и служатъ тѣ безчисленныя проявленія красоты, которыя повсюду разсѣяны въ природѣ, равно и въ жизни человѣческой. На этомъ основаніи еще Аристотель полагать сущность художественнаго творчества въ подражаніи природѣ. причемъ подражаніе онъ разумѣлъ не въ смыслѣ бездушнаго копированія всякаго рода случайностей, но въ значеніи осмысленнаго воспроизведенія общаго и существеннаго, т. е. типическаго, во всякой данной области явленій. И въ томъ именно, что первообразомъ прекраснаго въ искусствѣ служитъ прекрасное въ природѣ вообще и въ особенности въ природѣ человѣческой, заключается причина, почему и самое творчество художника въ значительной степени есть дѣло природы, не только въ томъ смыслѣ, что оно зависитъ отъ *природнаго* дарова-

нія, но также и въ томъ, что оно есть процессъ, происходящій болѣе или менѣе бессознательно: художникъ какъ-бы отдается во власть своей собственной природы, конечно, просвѣщенной и усовершенной образованіемъ, и безотчетно слѣдуетъ ея внушеніямъ (что называется вдохновеніемъ).

И нравственное чувство также нуждается въ воспитательномъ вліяніи на него образцовъ нравственнаго совершенства, ибо совѣсть можетъ и погрѣшать, она можетъ усовершенствоваться, можетъ и извращаться, приходитъ въ упадокъ, разстраивается. Необходимо, слѣдовательно, для нея руководство; такимъ руководствомъ совѣсти должны служить тѣ примѣры нравственнаго совершенства, которые мы имѣемъ въ лицѣ мужей, прославленныхъ чистою и святою жизнію.

А для самихъ этихъ подвижниковъ добра, что иное могло имѣть руководящее въ ихъ жизни значеніе, какъ не религіозная вѣра, постоянно указывавшая имъ въ Богѣ верховный источникъ и первообразъ всякаго добра, всякаго нравственнаго совершенства. (Сказано: будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть; этими словами прямо указывается въ Богѣ первообразъ нравственнаго совершенства). Въ самомъ дѣлѣ, прекрасное, по крайней мѣрѣ въ разсѣянныхъ чертахъ, мы видимъ повсюду въ природѣ и въ жизни человѣчества, разсматриваемой во всю ширь настоящаго ея состоянія и на всемъ протяженіи вѣковъ прошлыхъ ея судебъ. Но нравственно доброе далеко менѣе (сравнительно съ прекраснымъ), какъ мы видѣли, представляется въ жизни, и притомъ всего рѣже въ такомъ видѣ, чтобы оно для ищущаго добра и любящаго его могло имѣть значеніе первообразное, а развѣ лишь въ видѣ отображенія, нѣкотораго отблеска истиннаго, всесовершеннаго добра. Въ природѣ-же и совершенно нѣтъ мѣста для добра въ нравственномъ смыслѣ. Нравственно доброе потому-то и не можетъ быть, подобно прекрасному, плодомъ природнаго дарованія; оно производится лишь *свободною волею*. А какъ въ природѣ нѣтъ свободной воли, ибо природа есть царство необходимости, а не свободы, то поэтому и верховное начало, источникъ добра слѣдуетъ полагать *внѣ и превыше природы*. Этому нимало не противорѣчитъ то, что были и есть религіи натуральныя, въ ко-

торыхъ божествами признаются натуральныя силы, ибо и въ натуральныхъ религіяхъ, хотя божествами и представляются натуральныя силы, но эти силы разсматриваются не просто какъ натуральныя, а въ нѣкоторомъ смыслѣ и какъ сверхнатуральныя, потому что представляются онѣ обыкновенно въ видѣ существъ живыхъ, свободно дѣйствующихъ, человѣкоподобныхъ, или-же, по крайней мѣрѣ, обладающихъ человѣческими свойствами, и сверхъ того имѣющихъ силу къ совершенію дѣйствій необычайныхъ, даже сверхестественныхъ. Натурализмъ въ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси вносится въ нравственную область, въ область свободы, чрезъ что подрывается въ самомъ корнѣ нравственная жизнь,—только вмѣстѣ съ отрицаніемъ *всякой религіи*, слѣдовательно съ уничтоженіемъ самаго чувства религіознаго.

Когда человѣкъ отрицаетъ религіозное чувство, тогда онъ остается при однихъ натуралистическихъ началахъ, каковы съ одной стороны *эгоизмъ*, а съ другой—*чувство справедливости*, безъ котораго никакое общежитіе невозможно. Но мы уже видѣли, что однихъ этихъ началъ въ жизни человѣческой недостаточно. Если исключить религіозное чувство, съ которымъ неразрывно связывается, стоитъ и падаетъ чувство нравственное, то выспимъ началомъ остается идея справедливости; но самая эта идея, такъ сказать, предоставленная самой себѣ, можетъ быть тогда понимаема лишь въ смыслѣ натуралистическомъ, т. е. въ смыслѣ равенства правъ всѣхъ и каждаго на свободу индивидуальнаго развитія и наслажденія всѣми благами жизни (иныхъ жизненныхъ цѣлей съ точки зрѣнія натуралистической быть не можетъ), а такое пониманіе справедливости превращаетъ это чувство въ начало революціонное и анархическое, ибо очевидно, за невозможностію въ дѣйствительной жизни совершеннаго равенства и полнаго довольства, счастія всѣхъ, всякій порядокъ жизни неминуемо долженъ представляться несправедливымъ, заслуживающимъ ниспроверженія въ видахъ лучшаго будущаго, которое должно оказаться столь-же обманчивымъ. А отринувъ вмѣстѣ съ религіею и нравственностію также свободную волю, которая есть необходимое условіе нравственной жизни, человѣкъ, собственными руками разрушая свою жизнь, въ тоже время

станеть смотрѣть на дѣло рукъ своихъ, какъ на нѣчто роковое и неизбѣжное, и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе будетъ въ силахъ предотвратить разрушительныя послѣдствія своего, лишеннаго религіознаго духа, натуралистическаго міросозерцанія.

Въ соединеніи-же съ религіознымъ чувствомъ, эгоизмъ и чувство справедливости очищаются и просвѣтляются, ибо нравственное начало, — любовь къ добру, которое религіознымъ чувствомъ вносится въ жизнь, не оставляетъ безъ своего смягчающаго и возвышающаго вліянія и самыя низпія побужденія и влеченія человѣческой природы.

Итакъ мы видимъ теперь, что корень нравственности заключается въ религіозномъ чувствѣ, въ вѣрѣ религіозной. Какъ безъ натурального чувства справедливости невозможно человѣческое общежитіе, такъ нравственная жизнь невозможна безъ вѣры въ Бога. Глубоко правдиво извѣстное изрѣченіе о человѣкѣ, не имѣющемъ совѣсти, что въ немъ Бога нѣтъ, и всегда поэтому совѣсть признавалась голосомъ Божиимъ въ душѣ человѣка. Теперь самъ собою рѣшается и поставленный выше вопросъ: въ чемъ состоитъ добро, какъ предметъ и цѣль нравственнаго чувства? Выше было показано, что добро не есть полезное ни въ смыслѣ частнаго благополучія, ни въ смыслѣ общественнаго благосостоянія. Сказанное прежде теперь мы можемъ дополнить тѣмъ, что добро есть не что иное, какъ воля Божія и все требуемое этою волею, о чемъ учитъ религія, а потому любовь къ добру, въ которой заключается сущность нравственной жизни, есть прежде всего любовь къ Богу. Выше было также замѣчено, что добро, которое есть предметъ нравственнаго чувства, не будучи тождественно съ благомъ общественнымъ и частнымъ въ смыслѣ полезнаго, выгоднаго, — однако же и не исключаетъ собою послѣдняго. И точно, любовь къ Богу, въ которой заключается корень нравственной жизни, не только не исключаетъ, напротивъ обосновываетъ, т. е. утверждаетъ и усовершенствуетъ и любовь къ ближнему; собственно говоря, истинная любовь къ ближнему возможна только въ связи съ любовью къ Богу, какъ необходимое послѣдствіе и даже выраженіе послѣдней. Въ чемъ состоитъ любовь къ ближнему, какъ не въ дѣятельномъ желаніи добра людямъ? Но нужно

знать, что есть истинное добро, дабы вмѣсто хлѣба не подать камня ближнему; истинное-же добро несомнѣнно есть все то, чего хочетъ и чего требуетъ святѣйшая воля Божія. Итакъ, въ любви къ Богу заключается залогъ истинной любви къ ближнему. Спаситель училъ, что въ любви къ Богу и любви къ ближнему заключается весь законъ. Поэтому та и другая должны быть въ неразрывной связи между собою. Что такое въ самомъ дѣлѣ любовь къ ближнему безъ любви къ Богу? Отрѣшенная отъ своей необходимой основы, отъ своего корня, любовь къ ближнему утрачиваетъ свой нравственный характеръ. Такою именно представляется она въ обычномъ теперь видѣ, именуемомъ *гуманностью*. Если угодно, можно даже исторически оправдать необходимую, неразрывную связь между собою указанныхъ двухъ заповѣдей о любви къ Богу и ближнему. Въ средніе вѣка, преимущественно на Западѣ, религіозность проявлялась, можно сказать, исключительно въ Богопознаніи и Богопочитаніи, т. е. жизнь религіозная вполне сосредоточивалась на томъ, что составляетъ содержаніе первой важнѣйшей заповѣди — о любви къ Богу, но зато въ пренебреженіи была вторая заповѣдь, требующая любви къ ближнему. Богъ — существо всеблагое и всесовершенное, а будучи совершеннымъ, Онъ не только не можетъ быть виновникомъ зла, въ особенности нравственнаго, но и ненавидитъ грѣхъ. Отсюда не трудно было придти къ мысли, что для угожденія Богу и для прославленія Его необходимо преслѣдовать и даже истреблять грѣшниковъ, какъ слугъ діавола, всегда враждующаго противъ Бога и сѣющаго ту-же вражду противъ Бога и въ сердцахъ нечестивыхъ людей, сдѣлавшихся его орудіями. Приэтомъ самое понятіе о грѣхѣ было не столько нравственно практическое, сколько богословско-теоретическое, соотвѣтственно общему направленію религіозной жизни въ то время; грѣхъ понимали преимущественно въ смыслѣ ереси, неправаго ученія, въ смыслѣ отступленія отъ правой вѣры, т. е. отъ истиннаго ученія о Богѣ. — Такимъ образомъ, можно сказать, что любовь къ ближнему, во имя односторонне и ложно понятой любви къ Богу, была поправа, предана забвенію, извращена. Теперь господствуетъ противоположная край-

ность. Сущность религіи и нравственности теперь видятъ въ любви къ ближнему, забывая о самомъ корнѣ этой любви, заключающемся въ любви къ Богу. Поэтому и неудивительно, что теперь не менѣе ложно трактуется и оттого извращается заповѣдуемая религіею любовь къ ближнему, какъ прежде ложно, поелику односторонне, была понимаема любовь къ Богу. Постоянно теперь слышатся толки объ обезпеченіи и расширеніи правъ, и, напротивъ, слишкомъ мало думаютъ объ обязанностяхъ; незначительныя, даже вызываемыя необходимостію, ограниченія и стѣсненія именуется деспотизмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе и болѣе притупляется чувство нравственной отвѣтственности предъ Богомъ и своею совѣстію за грѣхъ и преступленіе, чувство негодованія противъ явныхъ пороковъ, заражающихъ общественныя нравы; напротивъ, считается обязательною всяческая снисходительность въ этомъ отношеніи: постоянно мы видимъ попытки оправдывать самыя гнусныя преступленія и пороки вѣщными обстоятельствами и условіями жизни... Все это отголоски и послѣдствія тѣхъ идей, которыя въ прошломъ столѣтіи были высказываемы, особенно во Франціи, въ самой рѣшительной и рѣзкой формѣ, въ видахъ сильнѣйшаго воздѣйствія на умы и наибольшаго распространенія ихъ въ общественныхъ кругахъ. Тогда-то именно французскіе писатели-публицисты, именовавшіе себя философами, стали проповѣдывать, что настало время положить конецъ заботамъ о небѣ и обратить взоры на землю, съ тѣмъ чтобы возможно лучше устроить свое пребываніе здѣсь на землѣ. На мѣсто любви къ Богу была поставлена любовь къ ближнему, какъ единственный, внушаемый самимъ разумомъ, принципъ дѣятельности общественной и частной. Итакъ, въ средніе вѣка господствовало стремленіе утвердить въ жизни *религіозность*, но *безъ челоѣчности*, т. е. религіозность, понятую въ одностороннемъ и узкомъ духѣ школы (схоластицизмъ). Теперь же хотятъ утвердить въ нравахъ и понятіяхъ *челоѣчность* *безъ религіозности*. Но какъ первое было извращеніемъ истинной религіи (кто, по словамъ Апостола, говоритъ, что любитъ Бога, а брата ненавидитъ, тотъ говоритъ ложь), такъ послѣднее является на дѣлѣ извращеніемъ истинной челоѣчности,

сообразной съ нравственнымъ достоинствомъ и назначеніемъ человѣка; понятіе-же истинной человѣчности можетъ быть дано только при свѣтѣ истиннаго религіознаго ученія о Богѣ. Какъ любовь къ Богу, отрѣшенная отъ необходимой своей связи съ любовью къ ближнему, выражается въ *фанатизмъ*, въ неразумную и слѣпую ревность о дѣлѣ Божіемъ, унижающую самое это дѣло, такъ, наоборотъ, любовь къ ближнему, отъятая отъ своей необходимой основы въ любви къ Богу, порождаетъ *индифферентизмъ*, полное равнодушіе къ высшимъ святѣйшимъ интересамъ жизни.

Въ чемъ-же именно состоитъ религіозная вѣра и каково ея истинное значеніе?

П. Линицкій.

(Окончаніе будетъ).

УЗКІЙ И ШИРОКІЙ ВЗГЛЯДЪ.

Каждый человекъ, поставленный въ міръ, оказывается въ немъ въ двойномъ положеніи: во первыхъ, въ положеніи зрителя, предъ которымъ лежитъ задача распознать и изучить въ мірѣ то, что онъ находитъ готовымъ, существующимъ въ немъ независимо отъ себя самого; и во вторыхъ, въ положеніи лица дѣйствующаго, признаннаго къ улучшенію и усовершенствованію того, что уже существуетъ,—къ постепенному осуществленію въ мірѣ началъ своей разумно-нравственной природы и, такимъ образомъ, къ большому и большому расширенію въ немъ господства разумности. Само собою очевидно, что обѣ эти задачи, которыя человекъ призванъ выполнить, стоятъ въ очень тѣсной связи одна съ другой. Правильная и разумная дѣятельность, законосообразное и цѣлесообразное воздѣйствіе на міръ, безъ сомнѣнія, возможны только подъ тѣмъ условіемъ, если человекъ прежде всего овладѣетъ фактами и законами, которые открываются ему въ различныхъ сферахъ бытія, если онъ силою своего разумнаго мышленія возвысится надъ ними, изъ наблюдений надъ ними разовьетъ въ себѣ идеи, выработаетъ понятія, вообще образуетъ разумное воззрѣніе. Всякая практическая дѣятельность, если она хотя въ малѣйшей степени носитъ свойство разумности, непременно предполагаетъ въ своей основѣ эту теоретическую сторону, т. е. такіе или иные выработанные взгляды на вещи; и тотъ или другой духъ, то или другое направленіе человѣческой дѣятельности—въ какой угодно сферѣ жизни—всецѣло зависятъ отъ тѣхъ взглядовъ, которыми человекъ будетъ руководиться. Дѣятельность, не опредѣляемая никакими разумными воззрѣніями.

есть дѣятельность бессознательная, механическая, слѣпая и, по своимъ результатамъ, всегда только случайная. Такимъ образомъ, въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни находился, онъ неизбежно всегда становится предъ этою двойственной задачей: онъ долженъ обратиться къ изученію дѣйствительности, чтобы выработать въ себѣ правильное воззрѣніе на міръ; онъ долженъ выработать это воззрѣніе, чтобы имѣть опору и разумную основу въ своей дѣятельности.

Но въ виду этой двойственной задачи, открывающейся передъ человѣкомъ, онъ всегда находится и въ двойной опасности и часто справедливо вызываетъ двойной упрекъ. Въ своемъ стремленіи объять разнообразіе отдѣльныхъ фактовъ и явленій дѣйствительности, собрать это разнообразіе въ единство цѣлостнаго воззрѣнія, умъ человѣческій, съ одной стороны, можетъ быть, такъ сказать, подавленъ ими, приниженъ; съ другой стороны, человѣкъ можетъ дойти до слишкомъ уже преувеличеннаго представленія о силѣ и власти своей мысли и, опустивши безъ вниманія многія неотстранимыя условія реальнаго міра, слишкомъ уже смѣло и широко можетъ распространять власть своихъ идей надъ самыми фактами дѣйствительности. Въ первомъ случаѣ умъ человѣческій, обазываясь неспособнымъ овладѣть представляющимся разнообразіемъ фактовъ, останавливается только на извѣстной, всегда ограниченной и, по большей части, ближайшей сферѣ ихъ и, придавая преувеличенное значеніе этой сферѣ фактовъ, въ тоже время какъ-бы не подозрѣваетъ или даже просто игнорируетъ, что за предѣлами этой сферы есть, или могутъ быть другіе факты, до которыхъ, можетъ быть, и трудно дойти, еще труднѣе ихъ понять, но которые тѣмъ не менѣе суть факты и, слѣдовательно, обязываютъ человѣка признать ихъ и познать ихъ. Во второмъ случаѣ умъ человѣческій—*вообще* не придаетъ надлежащаго значенія фактамъ, не оцѣнивая ихъ надлежащимъ образомъ, въ своей самонадѣянности устремляется стать *выше* ихъ, часто игнорируя въ фактахъ такія стороны, которыя по своей важности необходимо должны бы заслуживать серьезнаго вниманія. Такъ получаютъ два противоположные недостатка, которые дѣйствительно мы часто можемъ встрѣчать въ су-

существующихъ воззрѣнiяхъ на вещи у различныхъ людей. Будемъ-ли обращать вниманiе на всю систему воззрѣнiй, — на цѣлое мiросозерцанiе, свойственное тѣмъ или другимъ людямъ, или только на ихъ отдѣльные взгляды, какiе вырабатываются относительно тѣхъ или другихъ частныхъ и отдѣльныхъ сторонъ существующаго; будутъ-ли, далѣе, эти взгляды относиться къ самымъ важнымъ вещамъ, или къ самымъ незначительнымъ, — все равно: мы найдемъ, что во взглядахъ людскихъ на вещи очень часто замѣчается: или, съ одной стороны, какая-то мелочность, *узость*, подавленность мысли; или, наоборотъ, какая-то неразборчивость, отвага, неуправляемая въ правильныхъ границахъ *широта* ея полета. Всмотриваясь теперь въ дѣло съ одной только чисто формальной стороны, мы не можемъ не увидѣть, что и то и другое направленiе ума одинаково дѣлаютъ его неспособнымъ дойти до истиннаго понятiя относительно существующаго, одинаково ведутъ его къ воззрѣнiямъ на вещи — ложнымъ, несостоятельнымъ, слѣдовательно, къ такимъ, которыя не могутъ дать человѣку надлежащей, твердой и вѣрной опоры въ его практической дѣятельности и, такимъ образомъ, внести въ эту послѣднюю правильность и разумность. Поэтому лучшимъ, достойнѣйшимъ силамъ человѣческаго общества всегда приходится бороться съ этими двумя препятствiями, какiя открываются въ двухъ указанныхъ направленiяхъ человѣческихъ воззрѣнiй. Крайности этихъ направленiй дѣлаются тѣмъ опаснѣе, что онѣ многими умами, даже чуждыми ихъ, но неотличающимися особенною дальновидностiю, легко принимаются не за то, что онѣ есть, — не за недостатокъ въ существующихъ воззрѣнiяхъ, но за положительное достоинство ихъ. Такъ, что касается того характера въ воззрѣнiяхъ, который мы назвали узкостiю ихъ, то хотя по большей части онѣ бываетъ явнымъ признакомъ и недостатка силы мысли и ограниченности умственнаго кругозора, но этотъ характеръ воззрѣнiя нерѣдко встрѣчается и у умовъ научно образованныхъ и, прикрываясь у нихъ фальшивою вывѣскою, напр., точнаго и положительнаго метода мышленiя и познанiя, людей неопытныхъ въ строгомъ логическомъ мышленiи нерѣдко вводитъ въ обольщенiе и заблужденiе. Напримѣръ, то,

что въ различныхъ существующихъ взглядахъ, претендующихъ на научное достоинство, въ сущности и дѣйствительности является только ограниченностію мысли, подъ эту фальшивую маску нерѣдко ошибочно принимается за дѣйствительное и высокое достоинство истинно научнаго воззрѣнія. Еще легче и чаще такъ называемая *широта* воззрѣнія, — тонъ, который стѣснить принять большинство образованныхъ людей нашего времени, — ошибочно принимается многими за *дѣйствительную* широту умственнаго кругозора, за признакъ дѣйствительно высокаго умственнаго развитія и высокой образованности. Такова путаница понятій, которую нельзя не признать особенно замѣтною въ наше время. Содѣйствовать по возможности разясненію этой путаницы — вотъ задача настоящей замѣтки.

Поставленный въ мірѣ среди множества и безкончнаго разнообразія предметовъ, явленій и отношеній, человѣкъ, какъ сказано, прежде всего имѣетъ своею задачею мысленно овладѣть всею этою множественностію и этимъ открывающимся разнообразіемъ; поэтому умъ человѣческій, обращающійся къ познанію, не останавливается на однихъ только частныхъ и отдѣльныхъ *представленіяхъ*, какія онъ образуетъ изъ отдѣльныхъ наблюденій надъ окружающимъ міромъ; по самому неизбежному требованію и естественному ходу своего мышленія онъ стремится уразумѣть самую сущность и общій смыслъ всего того, что открывается ему здѣсь, и для этого всѣ отдѣльныя и частныя представленія стремится объединить въ логическую форму *понятія*. Въ понятіи умъ человѣческій всегда ищетъ высшаго мыслимаго единства, какое только можно усмотрѣть среди разнообразія и непрерывнаго потока измѣненій, представляющихся въ явленіяхъ дѣйствительности, — довести до сознанія въ цѣлостномъ единствѣ всѣ существенныя принадлежности того, что заключается въ отдѣльныхъ и частныхъ представленіяхъ. Такимъ, именно, единствомъ всего существеннаго, усматриваемаго въ извѣстной группѣ представленій, соотвѣтствующихъ извѣстному классу реальныхъ объектовъ, должно быть каждое правильно образованное понятіе. Оно должно включать въ себя все то, что по своимъ *существеннымъ* принадлежностямъ имѣетъ *сходство* и что, слѣдовательно,

безъ натяжки можетъ быть сведено въ искомому мыслимому единству, и, само собою разумѣется, въ тоже время не должно заключать въ себѣ ничего такого, что по своимъ существеннымъ свойствамъ представляетъ какое-либо различіе. Словомъ, всякое правильно составленное понятіе должно быть опредѣленною величиною; его объемъ, т. е. количество объединяемыхъ въ немъ предметовъ или представлений,—долженъ всегда имѣть опредѣленныя границы. Понятія могутъ быть различными по своему объему,—одни выше и шире, другія ниже и уже,—но при всякомъ своемъ объемѣ понятіе непременно должно обладать указаннымъ свойствомъ. И если тѣ или другія понятія будутъ образованы при надлежащемъ соблюденіи указаннаго условія, то, кому бы они ни принадлежали, они всегда должны быть согласными, тождественными. Если-же, обращаясь къ дѣйствительности, мы, наоборотъ, встрѣчаемъ большое разногласіе въ понятіяхъ людей, если мы встрѣчаемъ именно, что очень часто подъ однимъ и тѣмъ-же люди разумѣютъ не одно и тоже, и тоже не подъ однимъ и тѣмъ-же,—то это явный признакъ, что или *всѣ* высказываемыя различными людьми понятія, или *одни какія-нибудь изъ нихъ* суть понятія неправильныя, составленныя несоотвѣтственно требованіямъ здоровой логики. Эта неправильность понятій со стороны объема, какъ это видно изъ сказаннаго, можетъ быть двоякаго рода: или понятіе не обхватываетъ всего того, что по своему сходству въ существенныхъ сторонахъ должно входить въ него, или, наоборотъ, понятіе обнимаетъ то, что по своимъ признакамъ не должно заключаться въ немъ. Въ первомъ случаѣ понятіе становится неправильнымъ потому, что въ немъ несущественныя принадлежности вещей легко принимаются за существенныя, и по этимъ несущественнымъ признакамъ изъ понятія устраняются такіе предметы, которые должны заключаться въ немъ; во второмъ случаѣ—потому, что въ немъ существеннымъ различіямъ въ вещахъ не придается надлежащаго значенія и потому въ составъ понятія вводятся предметы, ему не принадлежащіе. Эти-то двѣ погрѣшности противъ требованій здоровой логики, несомнѣнно, и ведутъ къ указаннымъ нами двумъ недостаткамъ во взглядахъ на вещи.

Человѣкъ образуетъ свое умственное воззрѣніе на вещи при условіяхъ, аналогичныхъ съ тѣми, при какихъ онъ образуетъ и чувственное воззрѣніе на нихъ—при внѣшнемъ наблюденіи, и въ первомъ случаѣ встрѣчаетъ тѣ-же опасности, какъ и во второмъ. Когда наблюдатель бываетъ поставленъ среди той или другой внѣшней обстановки и ставитъ себѣ задачею точно опредѣлить условія ея и свое положеніе среди нея, то прежде всего, безъ сомнѣнія, онъ долженъ озаботиться занять наиболѣе удобный и выгодный для своей цѣли пунктъ зрѣнія. Такимъ пунктомъ можетъ быть только тотъ, который-бы открывалъ наблюдателю достаточно широкое поле зрѣнія. Неблагоприятнымъ условіемъ для наблюденія нужно признать то, когда наблюдатель занялъ-бы такой пунктъ, съ котораго, кромѣ непосредственно окружающихъ предметовъ, ничего другаго невозможно было-бы видѣть; это условіе представлялось-бы въ томъ случаѣ, когда наблюдатель занялъ-бы очень низкій пунктъ, всегда открывающій только очень узкое поле зрѣнія. Но, съ другой стороны, одинаково неблагоприятнымъ условіемъ для наблюденія нужно признать и то, когда наблюдатель занялъ-бы слишкомъ высокій пунктъ; въ этомъ случаѣ, хотя открывающаяся предъ наблюдателемъ область зрѣнія была-бы и очень широка, хотя для наблюденія представлялось-бы и очень много предметовъ, но эти предметы могли-бы быть восприняты только въ самыхъ неясныхъ очертаніяхъ; многое изъ того, что они представляли-бы въ себѣ, по отдаленности ихъ, сглаживалось-бы, оставалось незамѣченнымъ и, слѣдовательно, наблюдатель также не могъ-бы составить яснаго представленія о той обстановкѣ, среди которой онъ находился-бы. При подобныхъ-же условіяхъ находится человѣкъ и въ своихъ чисто умственныхъ процессахъ. Образуемая мышленіемъ понятія о тѣхъ или другихъ фактахъ и отношеніяхъ реального міра могутъ быть вѣрны, т. е. соотвѣтственны дѣйствительности тогда только, когда они будутъ выводимы изъ возможно полнаго круга представленій, относящихся до нихъ, и когда эти факты и отношенія будутъ принимаемы не въ томъ только видѣ, какъ они сами по себѣ непосредственно открываются нашему взору, но когда они будутъ разсматриваемы въ живомъ со-

поставленіи съ другими фактами, съ которыми они находятся въ какомъ-либо отношеніи. Въ дѣлѣ мышленія также возможны и слишкомъ узкая, и слишкомъ широкая точки зрѣнія. Слишкомъ узкая точка зрѣнія получается тогда, когда вниманіе ума обращается только на одну какую-нибудь ограниченную сферу фактовъ и когда факты эти разсматриваются безъ надлежащаго сопоставленія съ другими фактами, имѣющими съ ними связь; такая точка зрѣнія, естественно, всегда должна вести къ неправильному, *узкому* взгляду, потому что при ней многomu изъ того, что будутъ представлять въ себѣ факты, легко можетъ быть придано неправильное значеніе. Но также очевидно, и слишкомъ широкая, отвлеченная точка зрѣнія не можетъ благопріятствовать образованію правильнаго взгляда на тѣ или другія стороны дѣйствительности, потому что при ней многія очень важныя условія, представляющіяся здѣсь, скрывались-бы, ступшеывались предъ умственнымъ взоромъ; слѣдовательно, при этомъ условіи хотя образуемый взглядъ на вещи былъ-бы и *широкимъ*, но также неправильнымъ.

Все, что мы наблюдаемъ реального въ природѣ и духѣ, представляетъ тѣсно и крѣпко связанную цѣль отдѣльных фактовъ и отношеній, въ своемъ соединеніи образующихъ одну цѣльную и стройную систему міроваго порядка. Все, въ отдѣльности взятое въ этой живой системѣ, имѣетъ всегда только относительное значеніе, само по себѣ не представляетъ полной истины, существуетъ только подъ извѣстными условіями и ограниченіями. Каждый порядокъ вещей и отношеній въ мірѣ, выражая и самъ по себѣ извѣстный смыслъ существованія, полный свой смыслъ можетъ открыть для насъ тогда только, когда мы станемъ разсматривать его въ живомъ сопоставленіи съ другими, смежными съ ними, порядками реального міра. Извѣстный классъ вещей и отношеній, оторванный отъ своей живой связи съ другими вещами и отношеніями, всегда будетъ понятъ неправильно. Но также, если-бы нашъ умственный кругозоръ обнималъ и многочисленныя, самыя разнообразныя порядки вещей, но внѣ того живаго соотношенія, какое существуетъ между ними, одинаково у насъ получилось-

бы неправильное пониманіе вещей. Неправильность пониманія въ первомъ случаѣ будетъ заключаться въ томъ, что значеніе вещей слишкомъ преувеличивалось-бы, во второмъ случаѣ это значеніе умялялось-бы. Въ первомъ случаѣ, когда вниманіе поглощается только извѣстною одною какою-нибудь группою объектовъ, когда эти объекты разсматриваются безъ сопоставленія съ другими сродными, или смежными съ ними, то тотъ только относительный смыслъ ихъ и относительное значеніе, какіе они *сами по себѣ* представляютъ, легко принимается за полное выраженіе ихъ смысла; значеніе предметовъ въ этомъ случаѣ вырастаетъ въ глазахъ человѣка: незначительное становится важнымъ и значительнымъ. Во второмъ случаѣ, когда человѣкъ становится на слишкомъ высокую, отвлеченную точку зрѣнія, когда вслѣдствіе этого онъ лишается возможности въ надлежащей отчетливости и опредѣленности уловить все дѣйствительное соотношеніе между вещами, тогда многія важныя разности, существующія между ними, легко опускаются изъ вниманія, сглаживаются въ одно общее безразличіе, и такимъ образомъ то значеніе, какое принадлежитъ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ вещамъ самимъ по себѣ, необходимо умяляется. Первый недостатокъ въ оцѣнкѣ свойственъ тому взгляду, который мы назвали *узкимъ*, второй принадлежитъ такъ называемому *широкому* взгляду. Нетрудно видѣть, что съ *узкимъ* взглядомъ всегда соединяется недостатокъ обобщающей дѣятельности ума, — вслѣдствіе котораго умъ видитъ непримиримое различіе въ вещахъ тамъ, гдѣ это различіе естественно *примиряется въ единствѣ высшаго понятія*; съ *мнимо-широкимъ* взглядомъ, наоборотъ, всегда соединяется *преобладаніе обобщеній надъ вниманіемъ къ существующимъ разностямъ между вещами*, — умъ не замѣчаетъ даже важныхъ различій между ними тамъ, гдѣ, при надлежащемъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу, не замѣтить ихъ нельзя. И то, и другое направленіе ума, очевидно, одинаково отдаляетъ его отъ *отрнаго* взгляда, отъ истиннаго пониманія вещей, и неизбежно увлекаетъ его въ міръ *призраковъ*.

Если-бы кто взялъ на себя трудъ внимательно прислушаться къ тому, что теперь съ разныхъ сторонъ процоувѣдывается, —

къ тѣмъ мнѣніямъ, взглядамъ, понятіямъ, какія высказываются теперь различными людьми даже относительно однихъ и техъ-же вещей, то, безъ сомнѣнія, не могъ-бы не поразиться тою рознью, — рознью, можно сказать, атомистическою, какая существуетъ между ними и которая часто раздѣляетъ людей на самые различные, самые враждебные лагеря. Бѣда въ этомъ была-бы еще невелика, если-бы эта рознь ограничивалась только областію однихъ теоретическихъ интересовъ человѣка, но она отражается и на практической жизни людей, вызываетъ рознь въ стремленіяхъ, въ направленіяхъ ихъ дѣятельности и причиняетъ опасныя столкновенія и вредный разладъ въ общественной жизни. Кажется, въ большей степени нельзя и представить запутанности понятій, смѣшенія жи и истины, правды и обмана, чѣмъ тѣ, какія мы можемъ наблюдать въ современной жизни. Откуда вся эта рознь? Истина, разсматриваемая объективно, безъ сомнѣнія, всегда должна быть одна. Если однако подъ истинной понимаются людьми самыя различныя вещи, если сплошь и рядомъ бываетъ такъ, что принимаемое одними за чистую истину другими въ тоже время отвергается, какъ явная ложь, то это, очевидно, показываетъ, что хотя часто люди и считаютъ себя обладателями истины, но настоящая истина имъ неизвѣстна, что на мѣсто дѣйствительной истины, или истинной дѣйствительности человѣкъ часто создаетъ себѣ только призраки. И замѣчательный фактъ: образованіе человѣческое, можно сказать, съ каждымъ днемъ все идетъ впередъ, число образованныхъ людей, мыслящихъ, развитыхъ все увеличивается; но призраки, самыя разнообразныя и многочисленныя, какъ неотступная тѣнь, не покидаютъ человѣка. Вся причина этого прискорбнаго явленія, очевидно, заключается не въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что, не смотря на увеличивающійся запасъ знаній, человѣкъ все-таки и теперь часто оказывается еще неспособнымъ найти правильный путь къ истинѣ, дойти до правильнаго употребленія своихъ познавательныхъ средствъ, — что, именно, въ своемъ стремленіи познать истину дѣйствительности онъ или недостаточно внимательно прислушивается къ естественнымъ и формальнымъ требованіямъ законовъ сво-

его разума, или не достигаетъ до умѣнья управлять своимъ разумомъ въ надлежащемъ соотвѣтствіи съ требованіями самой дѣйствительности.

Основной законъ разума, устанавливающій общее требованіе для всякой разумной мысли, главный направляющій принципъ всякаго знанія, безъ сомнѣнія, есть стремленіе къ единству и разыскиваніе его. Разнообразіе, множественность, измѣняемость, наоборотъ, суть основныя свойства всякаго реального существованія въ природѣ. Найти правильное примиреніе между этимъ стремленіемъ разума и этими свойствами дѣйствительности — вотъ въ чемъ должна заключаться основная формальная задача всякаго человѣческаго знанія. И очевидно, правильный путь къ примиренію между тѣмъ и другимъ долженъ всегда представлять и вѣрную дорогу къ истинному познанію. Стремленіе разума къ единству—это какъ-бы крылья, которыя поднимаютъ человѣческую мысль надъ непосредственною дѣйствительностію. Но чтобы сила размаха этихъ крыльевъ не уносила мысль слишкомъ далеко отъ міра дѣйствительности, для этого къ нимъ необходимо долженъ быть приданъ, по мѣткому выраженію Бэкона, *солнцовый грузъ*; такимъ балластомъ, умѣряющимъ слишкомъ высокій полетъ мысли, можетъ быть только точное и строгое вниманіе ума къ самымъ фактамъ дѣйствительности, т. е. къ тѣмъ различіямъ и разнообразіямъ, которыя здѣсь представляются. Правильное равновѣсіе между силою полета мысли и тяжестью этого балласта, безъ сомнѣнія, и будетъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, которое должно вести къ истинному знанію. Но, обращаясь къ дѣйствительному состоянію человѣческихъ возрѣній, этого-то необходимаго равновѣсія мы очень часто и не находимъ. Въ дѣйствительности, при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, мы не можемъ не найти, что или факты слишкомъ тяготѣютъ надъ человѣческою мыслию и подавляютъ ея свободное проявленіе и движеніе, или, наоборотъ, мысль принимаетъ слишкомъ смѣлый полетъ, уносящій ее далеко отъ міра дѣйствительности. Тѣ крайности въ существующихъ возрѣніяхъ, которыя выше мы назвали слишкомъ узкимъ и мнимо широкимъ направленіемъ ихъ, именно и представляютъ

собою или тотъ, или другой изъ этихъ указанныхъ двухъ случаевъ нарушенія правильного равновѣсія между мыслию и дѣйствительностію. И, безъ сомнѣнія, въ этихъ двухъ направленіяхъ человѣческихъ воззрѣній и нужно искать главную причину всей той розни, какая существуетъ во взглядахъ различныхъ людей на вещи. Такимъ образомъ, оба эти направленія нельзя не признать одинаково вредными для здороваго и правильного развитія и проявленія человѣческой жизни, — такими, которыми не можетъ не оскорбляться здравый человѣческій смыслъ.

То свойство въ существующихъ воззрѣніяхъ людей, которое мы назвали узкостію ихъ, которое состоитъ въ томъ, что все движеніе мысли человѣка задерживается какъ-бы въ одной какой-то узкой и тѣсной колеѣ, — всегда производитъ тяжелое впечатлѣніе какого-то неестественнаго приниженія человѣческаго ума, утрачивающаго самое лучшее свое достоинство — всѣ высшія идеальныя стремленія, а вмѣстѣ съ этимъ и свою свободу. Обыкновенно такое направленіе въ воззрѣніяхъ свойственно, какъ это выше было сказано, умамъ неразвитымъ, ограниченнымъ; но нерѣдко оно является принадлежностію и умовъ научно-образованныхъ и, прикрываясь какою-нибудь благовидною фирмою, — напр. точности, строгости, положительности жизненнаго или научнаго принципа, — получаетъ иногда господство и широкое распространеніе въ разнообразныхъ сферахъ человѣческой жизни. Прежде всего подъ вліяніемъ взглядовъ, отличающихся этимъ узкимъ направленіемъ мысли, сплошь и рядомъ слагается обыденная житейская практика. Обращаясь къ практикѣ жизни, часто, напр., мы можемъ встрѣтить такихъ людей, — даже образованныхъ, повидимому, мыслящихъ, — которые относительно цѣли и смысла человѣческой жизни дальше не восходятъ узкаго и грубаго понятія: польза, или удовольствіе, — которые смотрятъ на человѣка только какъ на болѣе смѣтливое и болѣе изворотливое животное, которые поэтому всю задачу жизни поставляютъ только въ томъ, чтобы наиболѣе выгодно примѣняться къ различнымъ встрѣчающимся условіямъ и обстоятельствамъ и, такимъ образомъ, извлекать отсюда возможно большую сумму или полезнаго, или пріятнаго. Тѣ факты

жизни, которые показываютъ, какъ дѣйствительно велика бываетъ у человѣка сила естественнаго самолюбія, какъ непреодолимы у него стремленіе къ счастью и жажда наслажденія, — такіе факты въ глазахъ этихъ людей принимаютъ слишкомъ преувеличенное значеніе и съ этими фактами имъ представляется никакъ непримиримыми всѣ идеальныя стремленія, беспокоющія и волнующія иныхъ людей. Увлечаться такими стремленіями кажется имъ „дѣломъ непрактичнымъ“, „безразсуднымъ“. Что это, какъ не крайне узкій, крайне ограниченный взглядъ? Такимъ, именпо, нельзя не признать этотъ взглядъ потому, что весь онъ, очевидно, основывается только на преувеличенномъ значеніи *одного* рода фактовъ, которые, хотя далеко не исчерпываютъ всего содержанія человѣческой жизни, но потому, что они ближе представляются взору и больше бросаются въ глаза, принимаются прямо за полное выраженіе всего смысла человѣческой жизни. То, чтобы человѣкъ, кромѣ побужденій своего естественнаго самолюбія, въ своей природѣ носилъ еще другія, высшія стремленія, это отвергается, потому только, что умъ этого рода людей не можетъ примирить ихъ съ требованіями человѣческаго себялюбія. Въ дѣйствительности — же требовалось-бы только немного труда со стороны ума отвлечься отъ однихъ фактовъ и побольше присмотрѣться къ другимъ, — и искомое здѣсь примиреніе нашлось-бы; но этой силы, необходимой для того, чтобы выбраться изъ той узкой колеи мысли, въ которую умъ самъ себя заключаетъ, у нѣкоторыхъ людей мы и не видимъ.

Господство и широкое распространеніе подобныхъ узкихъ взглядовъ мы встрѣчаемъ даже въ такихъ сферахъ человѣческой жизни, въ которыхъ, повидимому, всего менѣе можно бы ожидать ихъ, которыя по самому существу своему должны-бы всегда просвѣтлять, возвышать и расширять сознаніе человѣка и животворно поддерживать въ немъ всѣ высшія стремленія его разума. Такова прежде всего область религіозной жизни человѣка. Какъ это ни странно, и въ этой области очень часто находятъ себѣ пріютъ крайняя узкость воззрѣнія, — та напр. узкость, при которой перѣдко весь смыслъ религіозной жизни человѣкъ видитъ всецѣло исчерпывающимъ

ся только въ одной какъ-нибудь извѣстной ограниченной сферѣ явленій и въ выполненіи извѣстныхъ только формъ, и въ этихъ явленіяхъ и формахъ отказывается признать присутствіе какой-либо религіозной истины. Для нѣкоторыхъ, напр., отступленіе отъ извѣстной формы религіозной жизни прямо представляется уже рѣшительной измѣной самой истинѣ религіи, хотя-бы религіозная истина никакой существенной связи и не имѣла съ этой формой. Сознаніе таковыхъ не возвышается до истиннаго различенія въ области религіозной жизни существеннаго и несущественнаго и часто, изъ-за особеннаго вниманія къ одного рода явленіямъ — несущественнымъ, вслѣдствіе того преувеличеннаго значенія, какое они при этомъ получаютъ, не усматриваетъ присутствія религіозной истины въ такихъ явленіяхъ, въ которыхъ она находитъ свое собственное выраженіе, и потому только, что эти послѣднія явленія кажутся несогласными, непримиримыми съ первыми. Что это опять, какъ не крайне узкій, крайне ограниченный взглядъ?

Изъ подобныхъ же основаній очень нерѣдко происходятъ крайне узкія воззрѣнія, какія мы можемъ встрѣчать даже со стороны представителей научнаго знанія—относительно вопросовъ научнаго значенія. Не входя въ разсмотрѣніе какихъ-нибудь частныхъ примѣровъ въ подтвержденіе этого, укажемъ только на тотъ взглядъ, какой очень часто высказывается въ наше время на науку вообще. Много въ наше время съ рѣшительностію утверждаютъ, что только то знаніе, которое имѣетъ строго опытную основу, одно и имѣетъ научный характеръ, знаніе же, обращенное ко всякимъ вопросамъ *высшаго* порядка, по самому существу этихъ вопросовъ будто бы уже не можетъ быть научнымъ; словомъ, что только одна опытная наука по праву усволяетъ себѣ это названіе. Происхожденіе такого взгляда, безъ сомнѣнія, нужно объяснять ничѣмъ другимъ; какъ только исключительнымъ вниманіемъ многихъ людей нашего времени къ однимъ фактамъ внѣшняго опыта. Сосредоточивши все свое вниманіе на однихъ только этихъ фактахъ, немудрено, что нѣкоторые изслѣдователи намѣчиваютъ себѣ въ этой области такія грани, дальше кото-

рыхъ ихъ умъ уже не можетъ идти; доходя, вслѣдствіе исключительнаго вниманія къ области этихъ фактовъ, до слишкомъ преувеличеннаго пониманія значенія тѣхъ вопросовъ, которые здѣсь открываются, естественно, они, уже оказываютъ какое-то тупое равнодушіе, предубѣжденіе, или, наконецъ, даже просто вражду ко всѣмъ другимъ вопросамъ высшаго порядка. Изъ этого-то преобладающаго вниманія къ опытному знанію, безъ сомнѣнія, и проистекаетъ указанный взглядъ на науку,—взглядъ, который можно признать господствующимъ въ наше время. Но, очевидно, въ этомъ взглядѣ мы должны видѣть не болѣе, какъ только новый примѣръ существующаго въ наше время узкаго пониманія вещей. Вся крайность его заключается въ томъ, что онъ, признавая только одного рода факты, именно—вѣщнаго опыта, и на этомъ основывая правоспособность и законность только однѣхъ опытныхъ наукъ, неосновательно и несправедливо исключаетъ изъ круга научнаго знанія всѣ высшіе вопросы только потому, что эти вопросы сравнительно съ другими, можетъ быть, болѣе темны и отдаленны, менѣе доступны и измѣримы, и всегда возвышенны; только поэтому они не перестаютъ существовать какъ вопросы. не теряютъ значенія фактовъ, а если они суть факты, то слѣдовательно ихъ нужно признать и изучать и, слѣдовательно, должна существовать и особая наука, посвященная изученію ихъ.

Наконецъ, узкаго направленія мысли не избѣгаетъ даже и область философскаго воззрѣнія. Изъ этого направленія мысли, понятно, можетъ рождаться только слѣпая и ограниченная философія, такая напр., какою является во всѣхъ своихъ видоизмѣненіяхъ метафизическій матеріализмъ послѣдняго времени. Выходя только изъ односторонняго познанія бытія и вслѣдствіе этого давая только одностороннее изъясненіе ему, эта философія оказывается рѣшительно неспособной возвыситься до какого-нибудь цѣлостнаго міровоззрѣнія, которое бы открывало общій планъ, общій смыслъ въ ходѣ вещей; иногда она, можетъ быть, и сильною является въ своемъ отрицаніи, но взаимнѣе отрицаемаго она не въ состояніи установить что-либо положительное, что открывало бы для человѣческаго ума какой-либо общій планъ дѣятельности; она совсѣмъ

не приводитъ къ тому, къ чему собственно должно вести философское умозрѣніе,—къ полному *уразумѣнію* явленій и отношеній дѣйствительности. Твердо держась точки зрѣнія одного опыта и не претендуя даже изъяснить бытіе съ точки зрѣнія разума, матеріализмъ все тщеславіе свое составляетъ въ томъ, что онъ строго держится только предѣловъ доступнаго и естественнаго и освобождаетъ умы людей отъ всѣхъ отвлеченностей, какъ „вещь въ себѣ“, „сущность“, „идея“,—отъ всей этой, какъ говорятъ, „онтологической свиты“, которая въ былыя времена неизбѣжно сопутствовала всякому умозрѣнію,—отъ всѣхъ понятій, которыя кажутся непримиримыми съ понятіями естественнаго, какъ понятія чудеснаго, сверхъестественнаго. Но нетрудно видѣть, что, отвергая всѣ высшія понятія разума, понятіе сверхъестественнаго, матеріализмъ выходитъ въ этомъ случаѣ не изъ какихъ-нибудь ясныхъ логическихъ доказательствъ, а изъ одного простаго *предубѣжденія*, проистекающаго изъ особеннаго вниманія къ непосредственно данной дѣйствительности и преувеличеннаго значенія понятія *естественнаго*, потому что надлежащее отношеніе къ явленіямъ непосредственной дѣйствительности и къ области *всего естественнаго* нимало не приводитъ къ отрицанію всѣхъ высшихъ идей и понятія сверхъестественнаго; совершенно напротивъ, одно необходимо предполагаетъ другое. Не смотря однако на всю свою логическую несостоятельность, матеріализмъ все-таки оказывается самою упрямою философіею.

Упрямство, впрочемъ, вообще составляетъ характеристическую черту всякаго узкаго воззрѣнія, всякаго ограниченнаго образа мыслей. Это и понятно. Когда подъ давленіемъ тѣхъ или другихъ фактовъ все движеніе мысли направляется только по одной какой-нибудь тѣсной колеѣ, когда мысль приковывается только къ одной какой-нибудь узкой точкѣ зрѣнія, то этимъ самымъ она теряетъ свою свободу, а вмѣстѣ и способность понять всякую другую, болѣе широкую точку зрѣнія, присмотрѣться къ другой области знанія, выйти изъ той колеи, въ которую она себя заключила; проявить такую способность значило бы для нея—перестать быть тѣмъ, что она есть. Если возвышенному уму и легко бываетъ низойти до понима-

ніа органиченнаго ума, то нельзя сказать, наоборотъ; понять возвышенный умъ можетъ всегда только соотвѣтственно возвышенный-же умъ. Вотъ почему человѣку съ узкимъ взглядомъ трудно бываетъ подняться на точку болѣе широкаго воззрѣнія; такой человѣкъ всегда склоненъ будетъ оставаться только въ кругу тѣхъ узкихъ понятій, которыя онъ разъ образовалъ въ себѣ. Умъ съ узкимъ направленіемъ мысли представляется какъ-бы безвыходно вращающимся въ какомъ-то заколдованномъ кругу, выходъ изъ котораго дѣлается для него невозможнымъ. Такой умъ всегда оставляетъ впечатлѣніе, что дѣйствительно надъ нимъ какъ-будто тяготѣетъ ужъ слишкомъ тяжелый свинцовый грузъ, который отнимаетъ у него всякую свободу движенія. Отсюда, какъ скоро какое-нибудь узкое воззрѣніе проникаетъ въ жизнь и утверждается въ ней, оно всегда оказывается тормазомъ для свободнаго развитія человѣческой жизни; изъ этого проистекаетъ въ пей всякая косность и всякая неподвижность, въ какой-бы сферѣ жизни узкій взглядъ ни пріобрѣталъ себѣ господство. Великою силою, движущею человѣка впередъ, увлекающею его на путь совершенствованія, несомнѣнно является всегда—присущее человѣку одушевленіе интересомъ мысли; съ мелочностію взгляда, напротивъ, всегда соединяется крайній индефферентизмъ въ дѣлѣ мысли, а слѣдовательно отсутствіе всякой доли того священнаго вдохновенія, которое могло-бы сообщать человѣческой дѣятельности нравственную энергію, влестъ въ нее животворный духъ. Это направленіе мысли для ума мыслящаго и не заглушившаго въ себѣ всѣ высшіе интересы мысли всегда является вообще чѣмъ-то несимпатичнымъ, непривлекательнымъ, отталкивающимъ.

Совсѣмъ другое, повидимому, дѣло представляетъ такъ называемая *широта* воззрѣнія. Она часто въ настоящее время съ гордостію выставляется, а другимъ принимается, какъ самый вѣрный масштабъ—и высокаго умственнаго развитія, и высокой степени образованности, до какихъ достигаетъ человѣкъ. Широта воззрѣнія стала какъ-бы нѣкоторымъ знаменемъ современнаго просвѣщенія; и нельзя не признать, что это знамя дѣйствительно теперь увлекаетъ многихъ. Сказать въ наше время кому-нибудь, считающему себя за мыслящаго чело-

вѣка, что онъ недостаточно *широко* смотритъ на вещи, было бы крайней обидой и принято было-бы за явное оскорбленіе.

Но что такое, въ сущности, представляетъ памъ эта, такъ называемая, широта современныхъ воззрѣній? Присматриваясь внимательно ко всѣмъ тѣмъ *широкимъ* взглядамъ, какіе высказываются въ наше время, нетрудно увидѣть, что сплошь и рядомъ они также являются выраженіемъ самаго ложнаго, фальшиваго направленія ума, но, очевидно, направленія—уже совершенно противоположнаго тому, какое ведетъ къ узкости воззрѣнія. И если, какъ мы видѣли, узкость взгляда должна отражаться самымъ неблагоприятнымъ образомъ на жизни, являясь силой задерживающей правильное движеніе ея и стѣсняющей возможность усовершенствованія ея въ разнообразныхъ ея сферахъ, то едва-ли не большую опасность, не большее препятствіе для этого должно представлять господство въ жизни мнимо-широкихъ взглядовъ. Наибольшей опасности отъ этого нужно ожидать именно потому, что мнимо широкое воззрѣніе несравненно въ большей степени, чѣмъ узкое, отдаляетъ человѣка отъ истины дѣйствительности. При узкомъ взглядѣ изъ составляемаго умомъ понятія устраняются иногда цѣлыя группы такихъ предметовъ, которые существенно должны входить въ него, и понятіе, такимъ образомъ, дѣлается неполнымъ и потому одностороннимъ; а широкій взглядъ, скользя по поверхности явленій, часто соединяетъ въ одно понятіе предметы сходные только по внѣшнимъ и случайнымъ признакамъ и въ сущности разнородные, и такимъ образомъ при широкомъ взглядѣ понятіе дѣлается смутнымъ, неточнымъ, растяжимымъ за предѣлы мысли, соотвѣтствующей истинѣ дѣйствительности. Поэтому узкій взглядъ стѣсняетъ движеніе ума въ примѣненіи познанія къ жизни; а при ложно широкомъ взглядѣ, при которомъ разрушаются законные предѣлы точнаго мышленія, умъ, взявшій произвольное направленіе, легко увлекается на ложные пути въ дѣйствительной жизни. Увлекая умъ на эти пути и отвлекая отъ истины дѣйствительности, широкій взглядъ въ тоже время всегда съ большею легкостію распространяется въ обществѣ, и въ этомъ именно и заключается главная его опасность. Широкій взглядъ

вообще характеризуетъ высшую силу и большую рациональность мысли, въ противоположность пассивности, подавленности ея и порабощенія фактамъ, которыя соединяются съ узкимъ возрѣніемъ; а высшая рациональность мысли всегда производитъ и большее обаяніе на умы людей. Въ силу этого встрѣчающіяся въ области рациональнаго мышленія даже самыя крупныя и великія заблужденія иногда могутъ быть все таки великолѣпнымъ созданіемъ мысли. При этомъ-то обаяніи, какое производитъ всякая рациональная мысль, естественно, что съ надлежащей разборчивостію отнести къ ней является всегда дѣломъ болѣе затруднительнымъ.

Различныя, такъ называемыя, широкія возрѣнія стремятся въ настоящее время завоевать себѣ господство повсюду, всѣмъ вытѣснить изъ жизни многое, что уже давно получило прочность и устойчивость и, заявило въ ней свою плодотворность. Стремительною волною этотъ широкій взглядъ усиливается проникнуть прежде всего въ область практической жизни и подчинить себѣ здѣсь всѣ человѣческія отношенія. Для современнаго широкаго возрѣнія кажутся, напр., узкими, недостаточными всѣ тѣ формы жизни, какія исторически утвердились въ пей; указываютъ, что онѣ не соотвѣтствуютъ человѣку, какъ существу по природѣ своей свободному, что если онѣ прежде и имѣли свое значеніе въ жизни, то при настоящемъ состояніи человѣческаго просвѣщенія онѣ являются только анахронизмомъ; человѣкъ долженъ стать *выше* ихъ,—того требуетъ его призваніе въ мірѣ, какъ существа свободнаго. И вотъ отсюда—форма семейной жизни, различныя порядки государственной жизни и проч. и проч. становятся въ наше время предметомъ самыхъ усиленныхъ нападокъ и отрицаній со стороны, такъ называемаго, широкаго возрѣнія. Изъ этого отрицательнаго отношенія къ нимъ образуется въ жизни какой-то необузданный натискъ всевозможныхъ волнуемыхъ хотѣній и стремленій, не укладывающихся ни въ какую опредѣленную положительную форму. Во имя свободы теперь требуется самое широкое удовлетвореніе человѣческой воли. Но тутъ опускается изъ виду одно,—что не всякое направленіе человѣческой воли бываетъ выраженіемъ ея свобо-

ды, что бываютъ такія проявленія воли, которыя прямо противорѣчатъ свободѣ. Приведите мнимо широкіе взгляды на свободу въ предѣлы точныхъ понятій о природѣ и законахъ жизни человѣческой, и вы увидите, что съ понятіемъ свободы связывается не всякое—*какое угодно* направленіе человѣческаго бытія, но всегда только извѣстное опредѣленное направленіе, и, безъ сомнѣнія, такое, которое было-бы непринужденнымъ раскрытіемъ *того* содержанія и *того* характера дѣятельности, какія предопредѣлены самою природою человѣческаго существа. Этотъ характеръ и это содержаніе дѣятельности, безъ сомнѣнія, и нужно признать за законъ человѣческой свободы, такъ что свободнымъ нужно признать только такое проявленіе воли, какое будетъ стоять въ согласіи съ этимъ закономъ. Отсюда ясно, что не *всякое* направленіе воли можно считать за выраженіе человѣческой свободы. Но съ другой стороны, очевидно также, что и не всякая форма жизни, которая имѣетъ цѣлію указывать направленіе для человѣческой воли, должна считаться противорѣчіемъ ея свободѣ; напротивъ, извѣстныя формы жизни должны прямо предполагаться ею. Но современный широкій взглядъ не обращаетъ вниманія на это; для него все то, что даетъ какое-либо ограниченіе проявленіямъ воли и указываетъ ей извѣстное направленіе, сливается въ одно—что-то прямо и всегда противорѣчащее человѣческой свободѣ и стѣсняющее ее.

Подобный-же широкій взглядъ стремится въ наше время завоевать себѣ мѣсто и въ области религіозной жизни. Въ области христіанства, напр., онъ заявляетъ себя стремленіемъ сгладить въ одно безразличіе всѣ обрядности и формы церковной жизни, какія свойственны различнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Въ настоящее время строго держаться жизненныхъ формъ и обрядностей *своей* церкви, дорожить ими, какъ чѣмъ-то завѣтнымъ и священнымъ,—многими прямо считается признакомъ какой-то отсталости, узкости воззрѣнія, и тотъ, кто на это смотритъ, какъ на вещь безразличную, думаетъ, что смотритъ *широко*, и потому именно, что смотритъ широко, считаетъ себя возвысившимся до истиннаго пониманія религіи. Говорятъ, что служеніе Богу должно быть въ ду-

хѣ и истинѣ, а для такого служенія формально-обрядовая сторона религіозной жизни является дѣломъ безразличнымъ. Но тутъ опять опускается изъ виду одно существенно важное обстоятельство. Всякая форма жизни всегда представляется дѣйствительно чѣмъ-то безразличнымъ, когда она разсматривается сама по себѣ,—помимо того содержанія, какое ее должно наполнять; но разсматриваемая въ живомъ отношеніи къ этому содержанію,—къ тому духу, воплощеніемъ котораго она должна служить, она получаетъ несомнѣнно важное значеніе; значеніе ея состоитъ въ томъ именно, что она служитъ къ поддержанію и *сохраненію* самого духа и внутренняго направленія человѣческой жизни. Въ виду этого всякая форма всегда непремѣнно должна быть строго соотвѣтственной особенностямъ *своего содержанія*, и всякое содержаніе ищетъ воплотиться въ *свою* форму. Отъ этого образуется тѣсная связь между формой и содержаніемъ. Это-же нужно сказать и о формахъ религіозной жизни. Поэтому въ области этой жизни отрѣшеніе отъ формъ ея, несомнѣнно, всегда ведетъ къ опасности утратить и самый духъ этой жизни, самыя внутреннія особенности извѣстной религіи, существенно отличающія ее отъ другихъ.

Въ области научнаго знанія въ наше время, несомнѣнно, проявляется та общая тенденція, чтобы все это знаніе свести къ одной основѣ — къ изученію однихъ положительныхъ фактовъ; отсюда многіе люди науки въ наше время обыкновенно вовсе игнорируютъ метафизическіе вопросы, какъ „тайны“, которыя чужды точному знанію. При такой тенденціи, повидимому, можно было-бы ожидать, что въ современной наукѣ мы встрѣтимъ только духъ точности, обдуманности, осторожности. Но на самомъ дѣлѣ, это оказывается только много обѣщающей, но обманчивой перспективой. Даже заключая себя въ строгія границы того, что даетъ опытъ, умъ человѣческій оказывается склоннымъ переступать эти границы и возвышаться *до воззрѣній*, на которыя положительные факты не даютъ никакого полномочія. Такимъ образомъ, и въ область строгаго точнаго знанія часто проникаютъ *ложно широкіе* взгляды, всегда имѣющіе своимъ источникомъ недостаточное

вниманіе ума къ положительнымъ фактамъ и условіямъ дѣйствительности. Примѣромъ этихъ взглядовъ служатъ многія смѣлыя современныя научныя гипотезы. Какъ въ прежнее время метафизика, не обращая никакого вниманія на многіе неотстранимые факты дѣйствительности, часто изъ одной идеи разума пыталась построить все мірозданіе, доходила даже до того, что напр. отвергала реальное бытіе міра, думала утопить это бытіе въ одной творческой дѣятельности духа, признавая все сущее за однѣ грѣзы самобытнаго я: подобнымъ же образомъ, только въ другомъ направленіи, во многихъ случаяхъ поступаетъ и современная наука. Многія гипотезы ея являются ничѣмъ инымъ, какъ только самымъ смѣлымъ обобщеніемъ немногихъ фактовъ, и хотя онѣ обнаруживаютъ и похвальное стремленіе пролить *широкій* свѣтъ на міръ дѣйствительности, но даютъ ему часто самое ложное освѣщеніе. Что такое, напр. эта современная возвышенная теорія эволюціи, которою хотятъ теперь объяснить все, — и явленія природы, и существо духа, — которая пытается построить все мірозданіе безъ верховной причины бытія, совсѣмъ безъ Бога, признавая Бога понятіемъ лишнимъ въ наукѣ? За немногими исключеніями, гдѣ эта гипотеза дѣйствительно имѣетъ приложеніе, въ остальномъ — все это только широкое поле тумана и неопредѣленности, на которомъ ясно чувствуется одно, — какъ всякая твердая почва совсѣмъ уходитъ изъ-подъ вашихъ ногъ.

Мы указали только нѣкоторые примѣры, очень немногіе и притомъ самыя общіе — изъ многочисленныхъ существующихъ примѣровъ мнимо-широкихъ воззрѣній. Но и изъ представленныхъ примѣровъ ясно видно, что общій недостатокъ всѣхъ такихъ воззрѣній, это — отсутствіе въ нихъ твердыхъ основаній, проистекающее изъ чрезмѣрной поспѣшности мысли въ дѣлѣ обобщенія, изъ недостаточнаго вниманія ума къ безспорнымъ указаніямъ и требованіямъ дѣйствительности. Мнимо-широкій взглядъ, не обращая должнаго вниманія на существующія разности въ фактахъ дѣйствительности, всегда какъ-то поспѣшно приходитъ къ такимъ обобщеніямъ, въ которыхъ онъ стремится объять все разомъ въ извѣстномъ кругѣ предметовъ, но это-

то и отнимаетъ у него всякую твердую почву; понятіе, которое все обнимаетъ, въ сущности не обнимаетъ ничего; оно является только какимъ-то пустымъ безкачественнымъ математическимъ знакомъ. Вотъ почему всякое мнимо-широкое воззрѣніе не можетъ дать человѣку никакой твердой опоры въ жизни и всегда ведетъ его къ опаснымъ движеніямъ и порывамъ; человѣкъ, обладающій такимъ воззрѣніемъ, оказывается не въ состояніи, какъ говорится, настоящимъ образомъ приладиться къ даннымъ условіямъ дѣйствительности, — его взглядъ, именно вслѣдствіе своей расплывчивости и неопредѣленности, не даетъ строго-точныхъ указаній на дѣйствительное положеніе вещей. А между тѣмъ человѣку всегда приходится находиться и дѣйствовать только при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ дѣйствительности, — поэтому, при широкихъ, или отвлеченныхъ взглядахъ на жизнь, онъ неизбѣжно теряется среди окружающаго, лишается всякой увѣренности и твердости, — онъ *плутаетъ* въ мірѣ. И хотя очень часто, такъ называемый, широкий взглядъ отличается смѣлою готовностію отвѣчать на всѣ вопросы, но когда онъ примѣняется къ практикѣ, обыкновенно обнаруживается во всемъ что-то произвольное, неприлаженное. Поэтому разладъ въ жизни между дѣломъ и словомъ — самыя обычныя послѣдствія, къ которымъ ведетъ мнимо-широкій взглядъ; часто онъ бываетъ либеральнымъ и гуманнымъ, пока держится только въ словахъ, но онъ мгновенно оказывается несостоятельнымъ, когда примѣняется къ дѣлу. Словомъ, это какая-то рыхлая среда, безсильная дать человѣку твердую и вѣрную опору въ его жизни; это — мысль, которая какъ-то не укладывается ни въ какую опредѣленную форму, которая всегда остается только какъ-бы на степени одного идеальнаго стремленія. Само собою понятно, что при первомъ соприкосновеніи или съ здравой критикой, или просто только съ какими-нибудь внушительными указаніями дѣйствительности, всѣ мнимо-широкія воззрѣнія не въ состояніи бываютъ оказать никакого сопротивленія.

Такимъ образомъ, хотя такъ называемое широкое воззрѣніе явно и стремится въ наше время къ господству, къ пре-

обладанію, — хотя оно нерѣдко и считаетъ себя дѣйствительною вершиною человѣческаго развитія, но нельзя не признать, что оно представляетъ собою весьма ложное и опасное для жизни направленіе мысли. Потому, что широкимъ воззрѣніямъ свойственъ всегда, въ большей или меньшей степени, недостатокъ строгой точности и опредѣленности въ ихъ содержаніи, — въ господствѣ этихъ воззрѣній въ жизни, безъ сомнѣнія, и нужно искать главную причину той невообразимой розни, которая раздѣляетъ нынѣ у насъ образованныхъ людей, и которая каждый разъ даетъ себя чувствовать при обсужденіи всякаго практическаго вопроса. Это и понятно. Когда человѣкъ въ дѣлѣ мысли теряетъ одинъ твердый и опредѣленный путь, то другихъ путей, какіе онъ можетъ принять въ этомъ случаѣ, представляется всегда безконечное множество. Стоитъ только человѣку потерять одну вѣрную дорогу, и онъ бываетъ воленъ избрать всякое — какое угодно направленіе, какъ говоритъ Сенека: только путь истины одинъ, а пути заблужденій неисчислимы.

Итакъ, изъ нашего изслѣдованія открывается, что въ дѣлѣ мысли человѣкъ всегда долженъ остерегаться двухъ важныхъ опасностей, — или принять слишкомъ узкое, или слишкомъ широкое направленіе. Путь, ведущій къ истинѣ, очевидно, долженъ занимать средю между этими двумя крайностями. Истинно высокая ступень умственнаго развитія, которая, безъ сомнѣнія, всегда будетъ и ступенью къ истинно высокому и широкому воззрѣнію, характеризуется прежде всего обиліемъ представленій, образуемыхъ изъ *точныхъ наблюдений* надъ міромъ дѣйствительности и непремѣнно — отчетливо *различаемыхъ* между собою. Бѣдность представленій, или — при обиліи ихъ — неспособность къ ихъ различеніямъ, характеризуетъ всегда только низшую ступень умственнаго развитія. Но, обращаясь къ наблюденіямъ надъ міромъ дѣйствительности, умъ въ тоже время стремится всѣ наблюдаемыя различія сводить къ единству. Въ этихъ операціяхъ мысли, направляемыхъ къ объединенію знанія, главнымъ условіемъ для ума, чтобы удержаться на вѣрномъ пути, несомнѣнно, нужно признать ту *честность* мысли, которая всегда должна строго наблюдать

предѣлы ея полномочія. Умъ долженъ съ самою строгою осторожностію и осмотрительностію восходить къ обобщеніямъ и отъ однихъ обобщеній переходить къ другимъ, — отъ низкихъ къ высшимъ. Такъ, осторожно и осмотрительно создавая одни понятія за другими, съ строгою послѣдовательностію воздвигая логическую пирамиду понятій, умъ, наконецъ, высится до вершины ея — самаго высшаго понятія, въ извѣстной сферѣ знанія, а ставши на эту вершину, онъ навѣрное найдетъ на ней такую точку, которая откроетъ ему уже истинно широкое поле зрѣнія.

Н. Страховъ.

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И.

ПИСЬМО XVI *).

ДРУЖБЪ ДОЛЖНО ПРЕДШЕСТВОВАТЬ ИЗУЧЕНІЕ, СЪ ДРУЖБОЙ ЖЕ НЕИЗМѢННО СВЯЗАНО ДОВѢРІЕ.

Ты увѣдомляешь, что вручилъ письма своему другу для передачи ихъ мнѣ. Затѣмъ предупреждаешь, чтобы при бесѣдахъ съ нимъ я ни малѣйшей долею не посвящалъ его въ дѣла, касающіяся тебя, ибо даже и ты самъ будто-бы не привыкъ быть откровеннымъ съ нимъ. Такимъ образомъ, въ одномъ и томъ-же письмѣ ты и признаешь его своимъ другомъ, и отвергаешь свое признаніе. Очевидно, что ты употребилъ это слово въ томъ, не совсѣмъ точномъ, смыслѣ, какой ему придается въ обыденной жизни, и назвалъ этого человѣка другомъ потому же, почему всѣхъ, ищущихъ почетныхъ должностей, мы называемъ людьми честными, или, почему, при незнаніи имени, обращаемся съ почетнымъ титуломъ: „сударь“ ко всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ случай столкнетъ насъ на пути. Ну, и пусть онъ слыветъ за друга! Но если ты считаешь за друга лицо, къ которому ты не питаешь столько-же довѣрія, сколько къ самому себѣ, то ты сильно заблуждаешься и не вполне понимаешь значеніе истинной дружбы.

Все подвергай обсужденію вмѣстѣ съ другомъ; но прежде всего иного сдѣлай предметомъ оцѣнки его самого: за дружбой должно слѣдовать довѣріе, раньше дружбы—изученіе. А между тѣмъ есть люди, которые поступаютъ совсѣмъ наобо-

*) Ер. 3.

ротъ и тѣмъ нарушаютъ порядокъ обязанностей въ этомъ дѣлѣ. Вопреки наставленію Теофраста *) они изучаютъ друга и производятъ слѣдствіе надъ нимъ, послѣ того какъ почувствовали уже къ нему расположеніе, а, изучивши его и узнавши, перестаютъ любить его.

Зрѣло размысли прежде, слѣдуетъ-ли вступить съ кѣмъ-либо въ дружескія отношенія; когда же рѣшишься, прими его съ открытымъ сердцемъ, и въ бесѣдахъ съ нимъ будь столь же откровененъ, какъ съ самимъ собой. Конечно, жизнь твоя должна быть такъ чиста, чтобы тебѣ передъ самимъ собой не пришлось признаваться ни въ чемъ такомъ, о чемъ ты въ то же время не могъ бы повѣдать даже и врагу своему; что-же касается друга, съ нимъ ты неизмѣнно дѣлишь всѣми своими заботами и помышленіями, исключивши изъ своей рѣчи только тѣ предметы, на которые налагаетъ покровъ тайны благопристойность. Если ты будешь считать его вѣрнымъ другомъ, то и сдѣлаешь его такимъ; ибо люди, обнаруживая страхъ быть обманутыми, тѣмъ самымъ другихъ учатъ обманывать, и даютъ другимъ право совершить тотъ проступокъ, въ которомъ ихъ подозрѣваютъ.

Какъ? неужели мнѣ сдерживать свои рѣчи въ присутствіи друга? Почему-бы мнѣ не считать себя наединѣ, когда я съ нимъ? — Есть люди, которые всякому рассказываютъ то, что они должны были довѣрить только друзьямъ — они обременяютъ уши перваго встрѣчнаго тѣмъ, что ихъ давитъ; другіе напротивъ, мнительные, не довѣряютъ совѣстливости даже своихъ лучшихъ друзей, и глубоко внутри себя хороятъ всякую тайну, такъ что можно подуматъ, что они желали-бы скрыть ее даже отъ самихъ себя, если-бы это было возможно. Надлежитъ избѣгать этихъ двухъ крайностей; ибо и то, и другое — и вѣрить всѣмъ, и никому не довѣрять — есть недостатокъ; но, по моему мнѣнію, первый изъ нихъ, сравнительно съ другимъ, дѣлаетъ человѣку честь, второй — же въ жизни обезпечиваетъ безопасность.

Поэтому одинаково можно порицать лицъ того и другаго ро-

*) Теофрастъ, представитель и руководитель перипатетической школы отъ 322—286 г. до Р. Хр.

да, — и тѣхъ, которые всегда озабочены, и тѣхъ, которые всегда равнодушно-спокойны. Ибо эта дѣятельность, находящая свое счастье въ шумѣ и тревогахъ, не есть образцовая дѣятельность, а, *такъ сказать*, порыванія беспокойной души; а то направление жизни, при которомъ всякое волненіе является бременемъ, есть не покой, а распущенность и расслабленіе. Итакъ, сохрани въ душѣ то, что прочелъ я у Помпонія *): „нѣкоторые удалились въ такой мракъ, что все, что существуетъ при свѣтѣ, имъ кажется возмущеннымъ“. Эти направленія въ жизни должны стоять рядомъ: и человѣку, отдавшемуся покою, надлежитъ трудиться, и человѣку трудящемуся потребенъ отдыхъ. Посовѣтуйся съ природой: она скажетъ тебѣ, что она испоконъ вѣка трудилась день и ночь.

ПИСЬМО XVII **).

БОЛЕЗНИ ДУШИ, ЧѢМЪ ВАЖНѢЕ, ТѢМЪ МЕНѢЕ СОЗНАЮТСЯ ЛЮДЬМИ; ФИЛОСОФІЯ РАСКРЫВАЕТЪ ИХЪ ПРЕДЪ НАМИ И СТАВИТЪ НАСЪ ВЫШЕ МОГУЩЕСТВА СУДЬБЫ.

Что могло-бы отклонить меня отъ моего намѣренія, послѣ того какъ въ моей душѣ укрѣпилось рѣшеніе ввѣрить себя морю? Я сѣлъ на корабль, когда оно, какъ-бы обезсиленное, отдыхало; правда, небо было покрыто тяжелыми, грязно свинцовыми облаками, которыя могли разрѣшиться или дождемъ или бурей. Но хотя видъ неба не внушалъ утѣшительныхъ надеждъ и оно висѣло *надъ нами* какъ грозная тяжесть, я думалъ все-таки ускользнуть отъ бури, въ виду того, что отъ Неаполя до Путеоль всего нѣсколько миль. И, дабы скорѣе прибыть туда, я направился по открытому морю прямо къ Незидскому заливу ***) , минуя всѣ обходы и бухты. Когда я уже столь далеко удалился отъ берега, что для меня было безразлично, плыть-ли впередъ или назадъ, — *первымъ разочарованіемъ для меня было то*, что эта невозмутимость моря, сначала подкупив-

*) Помпоній, трагическій поэтъ, жившій во времена Августа и Тиверія.

**) Ер. 58.

***) Небольшой заливъ между Неаполемъ и Путеолями. Онъ названъ по имени небольшого острова, лежащаго противъ Путеоль—Незиды, нынѣ Незита.

шая меня, вдругъ исчезла: бури еще не было, но появилась легкая зыбь, а затѣмъ и волненіе усилилось. Я обратился къ кормчему съ просьбой высадить меня гдѣ-нибудь на материкъ. Онъ отвѣчалъ, что берега въ этомъ мѣстѣ скалисты и почти недоступны, и что онъ во время бури ничего болѣе не боится, какъ именно приближаться къ материку. Я тѣмъ назойливѣе началъ беспокоить его своими просьбами, чѣмъ больше опасностей мнѣ угрожало: ибо меня уже начала мучить морская болѣзнь, медленно и безостановочно, но бесплодно возбуждая во мнѣ тошноту, и тѣмъ причиняя неисцѣлимое уныніе. Тогда я съ такою настойчивостью подступилъ къ капитану, что онъ—волей-неволей—направилъ курсъ къ берегу. Когда я увидалъ себя вблизи него, я не сталъ ждать, пока повернуть носъ корабля къ берегу или бросятъ якорь въ море, какъ говорилъ нашъ поэтъ *Виргилій* *), но помня свое искусство, я, старый любитель холоднаго купанья, бросаюсь прямо въ море, въ грубомъ волосяномъ плащѣ, какой приличенъ человѣку, берущему холодную ванну. Не думай, что я мало вытерпѣлъ, когда скользилъ мимо скалъ, когда отыскивалъ и пролагалъ себѣ путь среди нихъ. И я понялъ тогда, что моряки правы, опасаясь материка. Я вынесъ невѣроятныя страданія въ то время, какъ сдѣлался въ тягость самому себѣ **). Знай, что Улиссъ не плавалъ по такому разгнѣванному морю и не терпѣлъ столькихъ крушеній: онъ легко отдѣлывался отъ морской болѣзни. Помнѣ, если когда-либо придется сѣсть на корабль,—лучше прибыть къ цѣли хоть на двадцатый годъ, чѣмъ выдерживать такую бурю.

Лишь только мой желудокъ немного поправился (морская болѣзнь, какъ ты знаешь, исчезаетъ вмѣстѣ съ удаленіемъ отъ моря); и я, натеревшись мазью, снова почувствовалъ себя здоровымъ и бодрымъ, я началъ размышлять въ глубинѣ души, какъ легко мы забываемъ наши немощи, даже и тѣлесныя, которыя ежечасно напоминаютъ намъ о себѣ, не говоря уже о душевныхъ, которыя тѣмъ болѣе нами скрываются отъ взо-

*) Эп. VI, 902.

***) Потому именно, что страдалъ морскою болѣзнію и былъ въ тяжелой одеждѣ, пропитанной еще водою.

ровъ другихъ, чѣмъ они важнѣе. При небольшомъ раздраженіи въ тѣлѣ, мы можемъ обманывать себя, *не придавая значенія этому волненію*; но когда оно увеличится и разгорится до настоящей лихорадки,—даже у твердаго и выносливаго человѣка вырываетъ признаніе. Когда чувствуемъ боль въ ногахъ или ломоту въ суставахъ, мы еще притворяемся и говоримъ, что мы или лодыжку свихнули или нажили себѣ боль излишними тѣлесными упражненіями. Пока болѣзнь вначалѣ и не сильна, мы лишь прискиваемъ ей названіе. Но когда боль ударится въ икры и человѣкъ не будетъ знать, гдѣ правая нога, гдѣ лѣвая,—тогда намъ прямо приходится сознаться, что это водянка. Совсѣмъ другое происходитъ при болѣзняхъ души: чѣмъ кто въ худшемъ положеніи находится, тѣмъ менѣе сознаетъ это. Не удивляйся этому, любезный Луцилій. Ибо кто дремлетъ, и во время легкаго сна воспринимаетъ быстролетныя образы,—думаетъ иногда, находясь только въ дремотномъ состояніи, что онъ спитъ; тяжкій-же, непробудный сонъ совсѣмъ удаляетъ сновидѣнія и погружаетъ духъ въ такую бездну, что мыслительная сила бездѣйствуетъ. Какъ ты думаешь, почему никто не сознается въ своихъ порокахъ? Именно потому, что онъ еще не чуждъ имъ. Рассказывать свои сновидѣнія можетъ только тотъ, кто возсталъ отъ сна, сознаваться-же въ своихъ недостаткахъ свойственно только душѣ, которая всегда бодрствуетъ надъ собой. Итакъ, стяхнемъ нашу сонливость и постараемся сознать наши заблужденія: одна философія пробудитъ насъ отъ этого сна — она прогонитъ тяжкіе комары ночи. Отдай ей себя всецѣло — ты достоинъ того, чтобы вступить въ область этой достойной науки. Возлюби ее, а все иное мужественно и открыто отвергни! Взять отъ нея половинные дары не стоитъ труда. Если-бы ты былъ боленъ,—ты покинулъ-бы заботу о хозяйствѣ, забылъ-бы свои адвокатскія занятія, и въ своей слабости не снизошелъ-бы для защиты дѣла *въ судъ* какого-бы то ни было значительнаго человѣка; ты всею душой былъ-бы занятъ тѣмъ, какъ-бы скорѣе освободиться отъ болѣзни. Какъ? развѣ теперь ты не дѣлаешь то-же самое?—Дѣло въ томъ, что должно уничтожить всѣ препятствія, и свободно посвятить себя возвышенію духовной жизни; когда человѣкъ обремененъ

хлопотами житейскими, онъ не можетъ имѣть успѣха въ этомъ дѣлѣ.

Философія имѣетъ свои владѣнія, въ которыхъ царствуетъ безгранично: она распоряжается временемъ человѣка, а не человѣкъ назначаетъ ей время. Она не есть дѣло побочное, второстепенное въ жизни, но главное и необходимое; она есть властитель, который всюду присутствуетъ и всѣмъ повелѣваетъ. Александръ *Македонскій* жителямъ одного города, предлагавшимъ уступить ему половину принадлежащей городу земли и имуществъ, отвѣтилъ: „я пришелъ въ Азію не съ тою цѣлію, чтобы получить отъ васъ, что вы вздумаете мнѣ дать, но дабы вы имѣли то, что я вамъ оставлю“. Такъ и философія на всѣ предложенія, на всѣ сдѣлки съ нею отвѣчаетъ: „я не удовольствуюсь временемъ, которое останется у васъ *отъ вашихъ жизненныхъ хлопотъ*, вы должны пожертвовать для меня столько времени, сколько я потребую.“ Отдай ей всѣ мысли, всѣ заботы, всѣ свои стремленія, — и тогда большое пространство окажется между тобою и остальными людьми. Ты далеко опередишь ихъ, и станешь близко къ богамъ. Ты спросишь, какое различіе будетъ тогда между тобою и богами? Различіе въ томъ, что они дольше будутъ жить, чѣмъ ты. Но, по истинѣ, дѣло великаго искусства совмѣстить *возможную* полноту въ краткомъ существованіи. Для мудреца его вѣкъ столько же далеко простирается, какъ для Бога—Его вѣчность. *Стоя на точкѣ ограниченаго человѣческаго пониманія*, мы можемъ сказать, что есть нѣчто, въ чемъ мудрецъ какъ-бы шествуетъ впереди Бога: Богу принадлежитъ мудрость по существу Его природы, мудрецъ-же пріобрѣтаетъ ее своими собственными усиліями. Вотъ великое дѣло—имѣть слабость человѣка и невозмутимое блаженство Божества! Ты не можешь представить, какую могущественную опору доставляетъ философія при отраженіи нападеній судьбы. Она вооружена и непроницаема—ни одна стрѣла не можетъ уязвить ее: она то липаетъ стрѣлы ихъ силы и пренебрегаетъ ими, мужественно стоя противъ нихъ грудью, то ихъ отражаетъ и бросаетъ обратно прямо въ того, кто ихъ послалъ.

ПИСЬМО XVIII *).

ОБЪ ИСТИННОЙ РАДОСТИ.

Ты думаешь я буду писать тебѣ о томъ, сколь снисходительно отнеслась къ намъ зима, которая была и не сурова, и не продолжительна, какъ, съ другой стороны, дурна весна, какъ несвоевременны холода, и тому подобныя глупости, которыя пишутъ люди, дѣлающія только наборъ словъ въ своихъ письмахъ. Я напишу тебѣ, напротивъ, что-либо такое, что могло-бы быть полезнымъ и для меня, и для тебя. А что-же это такое будетъ, какъ не побужденіе тебя къ *пріобрѣтенію* хорошаго настроенія духа? Ты спросишь: „на чемъ основывается такое настроеніе?“ Не радуйся пустому. Я называю это основаніемъ,— нѣтъ, это вершина! Весьма высоко стоитъ тотъ, кто знаетъ, чему радоваться, кто не полагаетъ своего счастья въ чужой власти. Волнуется и не можетъ успокоиться тотъ, кто увлекается надеждою, хотя-бы то, на что онъ надѣется, было подъ рукою, хотя-бы достиженіе было не трудно, хотя-бы надежда никогда его не обманывала. Прежде всего, мой Луцилій, учись радоваться. Ты думаешь, что я, отдаляя отъ тебя случайности и признавая тщету надежды, самой пріятной услады *человѣки*, лишаю тебя многихъ удовольствій? Напротивъ, я хочу, чтобы у тебя постоянно было веселье; я хочу, чтобы оно зарождалось у тебя дома,—а это будетъ такъ, если только оно будетъ въ тебѣ самомъ. Всѣ прочія (*извне приходящія*) радости не наполняютъ сердца, а только сглаживаютъ морщины на челѣ и бываютъ скоротечны, если только не признавать человѣка смѣющагося радующимся. Духъ долженъ быть бодръ, увѣренъ въ себѣ и возвышаться надъ всѣмъ. Вѣрь мнѣ, истинная радость дѣло серьезное. Или ты думаешь, что кто-нибудь изъ извѣстныхъ тебѣ людей встрѣтитъ смерть съ удовольствіемъ, съ веселымъ улыбающимся лицомъ, откроетъ въ свой домъ доступъ бѣдности, обуздаетъ свои страсти, и остановится на мысли терпѣливо переносить скорби? Кто имѣетъ эти мысли, тотъ живетъ въ великой, хотя и мало заманчивой радости. Желаю,

*) Ер. 23.

чтобы у тебя была эта радость; недостатка въ ней не будетъ, коль скоро ты однажды найдешь, откуда можно ее получать. Малоцѣнные металлы отыскиваются на поверхности, а самые драгоценныя тѣ, которыхъ жила таится въ глубинѣ, и они очень богато вознаграждаютъ усердно работающаго надъ выкапываніемъ ихъ. Все то, чѣмъ наслаждается толпа, даетъ слабое и поверхностное удовольствіе и всякая радость, извнѣ приходящая, лишена *прочнаго* основанія; а та, о которой я говорю, къ которой стремлюсь склонить тебя, прочна и направляется болѣе внутрь *). Дѣлай, прошу тебя, дорогой Луцилій, только одно то, что можетъ сдѣлать тебя счастливымъ; брось и попирай ногами все то, что имѣетъ только наружный блескъ, что обѣщаютъ тебѣ отъ другаго; обращай вниманіе на истинное благо и радуйся тому, *что изъ тебя рождается*. Что-же это такое? Радуйся о себѣ самомъ и о лучшей части твоего существа (о душѣ). Тѣло, хотя безъ него ничего не можетъ быть, считай предметомъ болѣе необходимымъ, нежели важнымъ. Оно доставляетъ удовольствія пустыя, скоропреходящія, возбуждающія раскаяніе и, если силою умѣренности не сдерживать ихъ, могущія перейти въ противную сторону (въ неудовольствія). Я такъ скажу тебѣ: удовольствіе находится на крутомъ обрывѣ и влечетъ за собою болѣзнь, если не поставятъ ему границы; а сохранить мѣру въ томъ, что ты считаешь хорошимъ, трудно. Страстное желаніе истиннаго блага безопасно. Что-же оно такое, — спросишь ты, — и откуда оно придетъ къ намъ? Скажу тебѣ. Исходитъ оно изъ чистой совѣсти, изъ благородныхъ намѣреній, изъ честныхъ поступковъ, изъ презрѣнія всего случайнаго, изъ спокойной и неуклонно по одному пути идущей жизни. Тѣ, которые перескакиваютъ изъ одного положенія къ другому, или даже не перескакиваютъ, а перебрасываетъ ихъ какой-нибудь случай, не имѣя рѣшительности и постоянства, развѣ могутъ имѣть что-либо опредѣленное и при нихъ остающееся? Немного есть такихъ, которые и сами себя, и все свое располагаютъ по *строго опредѣленному* плану, остальные-же, подобно вещамъ, плавающимъ по водѣ, не идутъ, а несутся. Изъ нихъ одну медленно и спокойно несетъ тихая

*) Болѣе духовна.

волна, другую порывисто гонить впередъ бурная; одну валъ медленно прибываетъ къ ближайшему берегу, другую разъяренный потокъ уноситъ въ открытое море. Итакъ, мы должны твердо рѣшить, чего мы хотимъ, и на этомъ твердо стоять.— Теперь удобное время заплатить тебѣ долгъ. Я могу возвратить тебѣ изрѣченіе твоего Эпикура и этимъ закончить письмо. „Тяжело постоянно начинать жить“, или, если такъ можно болѣе ясно выразить мысль: „несчастны тѣ, которые постоянно начинаютъ жить.“ Почему? спросишь ты; это изрѣченіе требуетъ разъясненія. Потому, что жизнь такихъ людей не можетъ быть закончена; не можетъ быть готовъ къ смерти тотъ, кто только что началъ жить. Такъ нужно дѣйствовать, чтобы пожить довольно, но никто изъ только что начавшихъ жить не думаетъ объ этомъ. Не думай впрочемъ, что такихъ немного,—почти всѣ. Нѣкоторые начинаютъ жить тогда, когда уже нужно переставать жить. Если тебѣ кажется это удивительнымъ, то я прибавлю еще, что покажется тебѣ болѣе удивительнымъ: нѣкоторые перестаютъ жить, прежде чѣмъ начали.

ПИСЬМО XIX *).

ВСЕ ХОРОШЕЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ПРЕДМЕТОМЪ НАШЕГО ЖЕЛАНІЯ.

Начну съ общихъ мѣстъ: началась весна, но, приближаясь уже къ лѣту, когда должны быть жары, снова приносить холодъ, такъ что нельзя на нее положиться; часто вѣдь она снова переходитъ въ зиму. Хочешь-ли ты знать, на сколько она еще не надежна? Я не рѣшаюсь еще купаться въ холодной водѣ, но постоянно *разбавляю ее еще теплой* **). Это значитъ, скажешь ты, дѣлать такъ, чтобы было ни тепло, ни холодно. Да, мой Луцилій, въ моемъ возрастѣ уже много собственнаго холода и я едва согрѣваюсь въ срединѣ лѣта. Поэтому большую часть его я провожу въ (теплой) одеждѣ. Но я благодаренъ старости за то, что она приковала меня къ постели. Да и какъ не благодарить ее за это? Я не могу желать того, чего я пре-

*) Ер. 67.

**) Въ буквальный переводъ это мѣсто читается такъ: „доселѣ еще я ослабляю ее суровость“.

жде не долженъ былъ желать *). Большею частію я бесѣдную теперь съ книгами. Если иногда приходятъ твои письма, то мнѣ кажется, что я бываю съ тобою, и я прихожу въ такое душевное состояніе, какъ будто не письменно тебѣ отвѣчаю, но устно. Вотъ и о томъ, о чемъ ты спрашиваешь, я какъ будто лично бесѣдную съ тобою. Будемъ разсуждать объ этомъ вмѣстѣ. Ты спрашиваешь: „всякое-ли благо нужно желать? Если, говоришь ты, мужественно выдерживать пытку, безъ страха идти въ огонь, терпѣливо переносить болѣзни есть благо, то всего этого, слѣдовательно, нужно желать; а я ничего изъ этого не нахожу достойнымъ желанія. По крайней мѣрѣ я до сего времени не знаю никого, кто-бы видѣлъ исполненіе желанія въ томъ, что онъ былъ наказанъ плетми, или что мучился отъ подагры, или подвергался пыткамъ на дыбѣ“. Разсмотри все это, мой Луцилій, и увидишь, что есть во всемъ этомъ нѣчто, чего должно желать. Я желалъ-бы, чтобы мученія были отъ меня подальше; — но если нужно будетъ претерпѣть ихъ, то я буду желать перенести ихъ мужественно, безъ страха и съ честію. Зачѣмъ мнѣ желать идти на войну? Но если будетъ она, то я пожелаю съ благородствомъ претерпѣть раны, голодъ и все, что потребуетъ необходимость. Я вовсе не такъ безуменъ, чтобы желать болѣзни; но если нужно будетъ перенести болѣзнь, я пожелаю устранить всякое проявленіе нетерпѣливости и женственной слабости. Итакъ, желательны не страданія, а та сила духа, благодаря которой переносятся страданія. Нѣкоторые изъ нашихъ, *т. е. стоиковъ*, думаютъ, что вовсе не слѣдуетъ желать *силы духа* мужественно переносить страданія, — хотя не должно и отвращаться этого, потому что предметомъ желанія должно быть благо чистое, спокойное и внѣ всякаго страданія поставленное. Я съ этимъ не согласенъ. Почему? Вопервыхъ, не можетъ быть предметъ благомъ и не быть достойнымъ желанія; во вторыхъ, если желательна добродѣтель, а безъ добродѣтели нѣтъ блага, то всякое благо желательно. Далѣе, если не нужно желать *силы* мужественно переносить мученія, то я поставлю еще воп-

*) Смыслъ этого таковъ: старость лишаетъ меня возможности дѣлать то, чего и прежде я долженъ былъ избѣгать.

рось: неужели не нужно желать и неустрашимости? А вѣдь она презираетъ опасности и вызываетъ ихъ противъ себя; самая дѣлательная и заслуживающая уваженія сторона въ ней состоитъ въ томъ, что она не отступаетъ предъ огнемъ, идетъ на встрѣчу ранамъ, иногда даже не избѣгаетъ стрѣлъ, а подставляетъ имъ грудь. Если неустрашимость желательна, то желательна и сила переносить мученія; вѣдь это только одна сторона храбрости. Но ты, какъ я сказалъ, сдѣлай разграниченія, и у тебя не будетъ ошибки. Желательно не терпѣть страданія, а терпѣть ихъ мужественно. Я желаю этого мужества, которое составляетъ добродѣтель. Но кто-же, — спрошу тебя, — когда-либо желалъ этого? Нѣкоторыя желанія высказываются ясно и опредѣленно, когда они относятся къ отдѣльнымъ (опредѣленнымъ) предметамъ, а о нѣкоторыхъ умалчиваютъ, когда ихъ въ одномъ желаніи заключается много. Я, напримѣръ, желаю жить добродѣтельно, — а добродѣтельная жизнь состоитъ изъ многихъ различныхъ поступковъ. Тутъ нужно разумѣть и ящикъ Регула *), и рану Катона, съ которой онъ собственными руками сорвалъ повязку **), и изгнаніе Рутилія ***), и ту напол-

*) Маркъ Регулъ былъ консуломъ, командовалъ римскимъ войскомъ во время первой Пунической войны и послѣ неудачной битвы вмѣстѣ со многими знатными римлянами попалъ въ плѣнъ къ карфагенянамъ. Онъ былъ посланъ карфагенянами въ Римъ для переговоровъ касательно обоюднаго размѣна плѣнныхъ, при чемъ съ него предварительно была взята клятва въ томъ, что онъ, въ случаѣ неудачнаго исхода переговоровъ снова возвратится въ Карфагенъ. Явившись въ Римъ, онъ имѣлъ настолько мужества, что отсовѣтовалъ въ сенатѣ этотъ размѣнъ, который для карфагенявъ былъ выгодною, чѣмъ для римлянъ, и возвратился въ Карфагенъ, гдѣ и умеръ послѣ жестокаго мученія. Онъ былъ заключенъ въ тѣсный, обитый внутри острыми гвоздями ящикъ, въ которомъ онъ могъ только стоять и при каждомъ движеніи долженъ былъ испытывать мучительную боль отъ укуловъ. Въ этомъ ящикѣ онъ и умеръ отъ боли, бессонницы и голода.

**) *Порцій Катонъ младшій*, по прозванію *Утическій*, человекъ весьма образованный, по убѣжденію стоикъ, который училъ презирать благо міра и соблюдать строгую нравственность, а главное — никогда, даже въ мелочахъ, не измѣнять своимъ убѣжденіямъ и жертвовать за нихъ жизнью. Питая глубокое уваженіе къ древней римской, сенатской республикѣ и желая возстановить лучшее старое время, онъ, въ то время какъ Юлій Цезарь съ успѣхомъ подчинялъ римское государство своей власти, собралъ въ Африкѣ, подлѣ города *Утики*, самыхъ пылкихъ республиканцевъ и образовалъ изъ нихъ большую армію. Когда (въ 46 г. до Р. Х.) армія эта была разбита Цезаремъ (50,000 легло на мѣстѣ), Катонъ, будучи не въ силахъ пережить погибель республики, зарѣзался и, когда, пришедши въ себя, увидѣлъ, что его рана перевязана, сорвалъ повязку и умеръ.

***) П. Рутилій Руфъ, современникъ Суллы и Марія, послѣдователь стоиковъ,

ненную ядомъ чашу, выпивши изъ которой, Сократъ переселился изъ темницы на небо *). Итакъ, если я желаю себѣ добродѣтельной жизни, то желаю и этого всего, такъ какъ безъ этого иногда не можетъ быть и добродѣтели.

Трикраты блаженны тѣ люди, которымъ
Пришлось погибнуть въ сраженяхъ подъ Троей **).

Нѣтъ разницы въ томъ, желаешь-ли ты этого кому-либо, или признаешь это желательнымъ. Децій обрекъ себя на смерть ради спасенія государства и, прищпоривъ коня, бросился въ средину враговъ, ища себѣ смерти. Послѣ него другой (Децій), подражая храбрости отца, по произнесеніи торжественныхъ и знакомыхъ *его роду* словъ *обреченія себя на смерть*, устремился также въ самую густую толпу непріятелей, заботясь только объ умилостивленіи боговъ, такъ какъ считалъ столь хорошую смерть дѣломъ желаннымъ ***). Неужели послѣ этого ты сомнѣваешься въ томъ, что въ высшей степени прекрасно умереть при какомъ-либо доблестномъ подвигѣ, оставивши по себѣ память? Когда кто-либо мужественно переноситъ мученія, онъ, конечно, обладаетъ всѣми добродѣтелями, хотя выступаетъ и особенно бросается въ глаза только одна—терпѣніе. Здѣсь заключается мужество, вѣтви котораго составляютъ

консулъ 105 г. до Р. X. Строгостию и справедливою во время управленія провинціею Азіею онъ возбудилъ противъ себя ненависть откупщиковъ податей и по ихъ наветамъ былъ въ послѣдствіи приговоренъ къ ссылкѣ въ Смирну. Такимъ образомъ, онъ пострадалъ невинно и въ высшей степени несправедливо.

*) Сократъ, какъ извѣстно, будучи приговоренъ къ смертной казни, долженъ былъ выпить ядъ.

***) Виргилія Энеида I гѣснь, стихъ 137 и др. по переводу г. Соснецкаго.

***) Децій Мусъ одинъ изъ полководцевъ римскаго войска во время войны съ латинцами 414 г. отъ основанія Рима. Въ битвѣ при Везувіи, слѣдуя внушенію сповидѣнія, онъ посвятилъ себя и непріятельское войско подземнымъ богамъ; онъ призвалъ всѣхъ боговъ и духовъ, чтимыхъ народомъ, чтобы они внесли страхъ, ужасъ и смерть въ среду враговъ римскаго народа. Верховный жрецъ благословилъ его на смерть—и онъ кинулся въ густые ряды непріятеля и своею храбростию поразилъ ужасомъ непріятельскія войска. Его смерть доставила римлянамъ такую побѣду, что Латіумъ уже навсегда былъ присоединенъ къ Риму. Другой Децій Мусъ младшій, слѣдуя примѣру своего отца, принесъ себя въ жертву подземнымъ богамъ во время войны римлянъ противъ соединенныхъ народовъ—самнитовъ, этрусковъ, галловъ и умбровъ, когда римское войско побѣждало предъ страшными галлами. Бросившись отважно въ среду враговъ и произведши между ними замѣшательство, онъ, какъ и отецъ, доставилъ римлянамъ побѣду.

способности терпѣть, переносить и выдерживать; здѣсь проявляется мудрость, безъ которой не можетъ состояться никакое рѣшеніе и которая убѣждаетъ какъ можно мужественнѣе переносить то, чего нельзя избѣжать; здѣсь и постоянство, которое твердо стоитъ на своемъ и, не смотря ни на какія усилія, не отступаетъ отъ своего намѣренія; (кратко) здѣсь—вся сумма добродѣтелей. Что бы ни дѣлалось добраго, — это дѣлаетъ одна добродѣтель, *строго все обсудивши въ общемъ совѣтъ добродѣтелей*; а что одобрено всѣми добродѣтелями, того нужно желать, хотя-бы, повидимому, проявлялось дѣйствіе одной. Ты думаешь, только то желательно, что приходитъ подъ видомъ удовольствія и постояннаго покоя, что встрѣчать нужно съ праздничнымъ видомъ? Бываютъ нѣкоторыя блага съ печальнымъ видомъ, бываютъ такія желанія, осуществленіе которыхъ сопровождается выраженіемъ восторга не со стороны толпы поздравителей, а только со стороны любящихъ и почитающихъ. Ты думаешь,—Регуль желалъ возвращаться къ финикійцамъ? Усвой себѣ образъ мыслей этого великаго человѣка и отрѣшись на минуточку отъ мнѣнія толпы; представь себѣ, насколько можешь, образъ этой прекраснѣйшей и возвышеннѣйшей добродѣтели, которую мы должны чтить *не куреніемъ олимпіама* *) и вѣнками, но *воспитывать ее въ себѣ* потомъ и кровію. Взгляни на Марка Катона, протягивающаго свои чистыя руки къ своей благородной груди и сдерживающаго повязку съ слабо-перевязанной раны! Что ты ему скажешь: „желаю тебѣ, чего ты самъ желаешь“, и „какъ мнѣ тяжело“, или: „счастливаго успѣха въ дѣлахъ?“ **) Здѣсь приходитъ мнѣ на память нашъ Деметрій, который безпечную и не подвергавшуюся ударамъ судьбы жизнь называлъ „мертвымъ моремъ“. Отсутствіе того, къ чему можно-бы было стремиться и направить свои силы, на чемъ можно-бы было испытать твердость духа, и постоянный невозмутимый покой *нельзя назвать тишиною*: это полный штиль. Стоикъ Атталъ ***) , обыкновенно, го-

*) Эти слова мы заимствуемъ изъ другаго изданія писемъ Сенеки.

**) Обычныя формулы для выраженія—первая участія и состраданія, — вторая — пожеланія успѣха въ дѣлахъ.

***) Учитель Сенеки. См. предисловіе къ письмамъ Сенеки, январь кн. I

ворилъ: „я хочу, чтобы фортуна держала меня лучше въ лагерѣ, какъ простаго воина, а не считала-бы меня въ числѣ своихъ любимцевъ. Меня будутъ мучить, и я перенесу это мужественно — это хорошо; встрѣчу смерть, но храбро — и это хорошо“. А Эпикуръ скажетъ: „даже и пріятно“. Я никогда не придамъ столь благородному и важному дѣлу столь мягкой эпитетъ. Меня жгутъ, но я непобѣдимъ. Какъ-же не желать, — не того, чтобы огонь меня жегъ, а чтобы онъ не побѣдилъ меня? Нѣтъ ничего превосходнѣе и прекраснѣе добродѣтели. и все то, что отъ нея исходитъ, есть благо и достойно-желанія,

---

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Марта № 6. 1884 года.

Содержаніе: Опреждленія Святѣйшаго Синода.—Выписка изъ постановленія Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Правила, установленія для отпусковъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1883, въ учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Годичное общее собраніе Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Извѣстія и замѣтки.

Опреждленія Святѣйшаго Синода.

1. Отъ 10-го—22-го февраля 1884 года за № 304, о представительствѣ церквей и монастырей въ земскихъ учрежденіяхъ съ вѣдѣніемъ правительствующаго сената Св. Синоду.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: вѣдѣніе правительствующаго сената, отъ 16-го января 1884 г. за № 692, по вопросу о представительствѣ церквей и монастырей въ земскихъ учрежденіяхъ. И, по справкѣ, приказали: о содержаніи вышеозначеннаго вѣдѣнія правительствующаго сената съ изъясненіемъ мнѣнія государственнаго совѣта о представительствѣ церквей и монастырей въ земскихъ учрежденіяхъ, для свѣдѣнія и руководства по духовному вѣдомству напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“, сообщивъ для сего редакціи означеннаго журнала, по принятому порядку, выписку изъ сего определенія, съ препровожденіемъ копии съ упомянутаго вѣдѣнія правительствующаго сената.

Правительствующаго сената Святѣйшему Правительствующему Синоду вѣдѣніе.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, правительствующій сенатъ слушали: рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го декабря 1883 г. за № 9462, при коемъ представляетъ

въ правительствующій сенатъ, для зависящаго распоряженія, копію съ Высочайше утвержденнаго 13-го декабря 1883 года, мнѣнія государственнаго совѣта, слѣдующаго содержанія: государственный совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ законовъ, государственной экономіи и гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ о представительствѣ церквей и монастырей въ земскихъ учрежденіяхъ, *мнѣніемъ положила*: статьи 1835, 1839, 1840 и 1844 общаго губернскаго учрежденія (свод. зак. т. II ч. I., изд. 1876 г.) изложить слѣдующимъ образомъ: *Статья 1835.* Церкви, монастыри, богоугодныя, благотворительныя, учебныя, промышленныя и другія учрежденія, общества, компаніи и товарищества, если владѣютъ подлежащими обложенію земскимъ сборомъ недвижимыми имуществами, указанными въ пунктахъ 1, 2 и 4 статьи 1839 и въ пунктахъ 2 и 3 статьи 1844, назначаютъ отъ себя, для присутствованія въ земскихъ избирательныхъ съѣздахъ, повѣренныхъ, съ соблюденіемъ условій, установленныхъ въ ст. 1836. Примѣчаніе. Священнослужители могутъ быть повѣренными отъ церквей, хотя-бы лица сіи сами и не удовлетворяли имущественнымъ условіямъ, опредѣленнымъ статьями 1839 и 1844. *Статья 1839.* Въ избирательномъ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ имѣютъ право голоса: 1) лица, владѣющія въ уѣздѣ, на правѣ собственности, пространствомъ земли, опредѣленнымъ для того уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; 2) лица владѣющія въ уѣздѣ другимъ недвижимымъ имуществомъ, цѣною не ниже пятнадцати тысячъ руб., а также владѣющія въ уѣздѣ промышленнымъ или хозяйственнымъ заведеніемъ не ниже той-же капитальной цѣнности, или имѣющимъ общій годовой оборотъ производства не менѣе шести тысячъ руб.; 3) назначенные, на основаніи статей 1834—1837, повѣренные отъ частныхъ владѣльцевъ, а также отъ церквей, монастырей, разныхъ учреждений, обществъ, компаній и товариществъ, владѣющихъ пространствомъ земли или имуществомъ указанными въ пунктахъ 1 и 2 сей статьи; 4) уполномоченные отъ нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, а также отъ церквей, монастырей, разныхъ учреждений, обществъ компаній и товариществъ, владѣющихъ въ уѣздѣ пространствомъ земли, не достигающимъ положеннаго въ пунктѣ 1 сей статьи размѣра, но составляющимъ не менѣе двадцатой доли онаго (ст. 1840 и 1841); 5) уполномоченные отъ священнослужителей, владѣющихъ въ уѣздѣ церковною землею, въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ законахъ межевыхъ и въ законахъ о состояніяхъ (NB. Два

примѣчанія къ сей статьѣ по своду и продолженію 1879 г., а равно приложеніе къ ней остаются въ силѣ). *Статья 1840.* Означенные въ пунктахъ 4 и 5 статьи 1839, уполномоченные отъ землевладѣльцевъ, церквей, монастырей, разныхъ учрежденій, обществъ, компаній, товариществъ и священнослужителей избираются ими на особыхъ предварительныхъ сѣздахъ. Въ уѣздѣ, смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда сѣздъ, или образуются отдѣльные сѣзды по станovýmъ участкамъ. По воспослѣдованіи распоряженія о выборѣ гласныхъ, созваніе сѣздовъ для выбора уполномоченныхъ дѣлается уѣзднымъ предводителемъ дворянства, которому вмѣстѣ съ тѣмъ поручается и предсѣдательство на означенныхъ сѣздахъ (NB. Примѣчаніе къ сей статьѣ остается въ силѣ). *Статья 1844.* Въ городскихъ избирательныхъ сѣздахъ участвуютъ: 1) лица, имѣющія купеческія свидѣтельства; 2) владѣльцы находящихся на городской землѣ фабрикъ и другихъ промышленныхъ или торговыхъ заведеній, годовою оборотъ производства коихъ не менѣе шести тысячъ руб.; 3) лица, владѣющія на городской землѣ недвижимою собственностію, оцѣненною для взиманія налога: въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ болѣе десяти тысячъ жителей—не ниже трехъ тысячъ руб., въ городскихъ поселеніяхъ, имѣющихъ отъ двухъ до десяти тысячъ жителей—не ниже тысячи руб. и во всѣхъ прочихъ городскихъ поселеніяхъ—не ниже пяти сотъ руб.; 4) назначенные, на основаніи статей 1834—1836, повѣренныя отъ частныхъ владѣльцевъ, а также отъ церквей, монастырей, разныхъ учрежденій, обществъ, компаній и товариществъ, владѣющихъ заведеніями или имуществомъ, указанными въ пунктахъ 2 и 3 сей статьи. На мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, о представительствѣ церквей и монастырей въ земскихъ учрежденіяхъ, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ: предсѣдатель государственнаго совѣта Михаилъ. 13-го декабря 1883 г. Приказали: о такомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи государственнаго совѣта, для свѣдѣнія и должнаго, въ чемъ до кого касаться будетъ, исполненія, увѣдомить министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, однихъ — указами, а другихъ—черезъ передачу къ дѣламъ Оберъ-Прокурора 1-го департамента правительствующаго сената копій съ опредѣленія сената; равно дать знать указами: главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ, генералъ-губернаторамъ, военнымъ губернаторамъ, губернаторамъ, губернскимъ, войсковымъ и областнымъ пра-

вленіямъ; въ Святѣйшей-же Правительствующій Синодъ, во всѣ департаменты правительствующаго сената и общія оныхъ собранія сообщить вѣдѣнія, а въ департаментъ министерства юстиціи передать копію съ опредѣленія и припечатать въ установленномъ порядкѣ. Января 16-го дня 1884 года. Подлинное подписали: за оберъ-секретаря Шульцъ и за помощника оберъ-секретаря Майсенскій.

II. Отъ 10—27 февраля 1884 года за № 347, о расторженіи браковъ женъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ безвѣстномъ отсутствіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшей Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15 декабря 1883 года за № 6926, слѣдующаго содержанія: „Высочайше утвержденнымъ 22 ноября 1883 г. мѣншіемъ государственнаго совѣта, взамѣнъ статьи 56-й законовъ гражданскихъ (свода зак., т. X, ч. I, изд. 1857 г.), постановлено правило, коимъ дозволяется женамъ нижнихъ чиновъ, совершившихъ побѣгъ со службы, пропавшихъ на войнѣ безвѣсти и взятыхъ непріателемъ въ плѣнъ, просить о расторженіи брака по истеченіи пяти лѣтъ съ того времени, когда мужа ихъ бѣжали со службы, пропали безъ вѣсти или взяты въ плѣнъ, если они остаются притомъ неразысканными. Военный министръ, сообщая г. синодальному Оберъ-Прокурору о такомъ постановленіи, а также о распоряженіяхъ своихъ по военному вѣдомству и о сдѣланномъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ сношеніи касательно мѣръ къ приведенію сего постановленія въ исполненіе, проситъ оказать возможное содѣйствіе къ благовременному разрѣшенію епархіальными начальствами ходатайствъ о расторженіи браковъ женъ безвѣстноотсутствующихъ нижнихъ чиновъ“. Справка: военный министръ въ отношеніи на имя г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 11 марта 1882 года за № 810, объяснилъ: на основаніи 56 ст. I ч. X т., свода гражд. зак. изд. 1857 г. и 2173 ст. ч. II, кн. I свода воен. пост. изд. 1859 г. солдатскимъ женамъ, мужа коихъ пропали безъ вѣсти на войнѣ или взяты въ плѣнъ непріателемъ, дозволяется вступать въ новое супружество не прежде, какъ по прошествіи десяти лѣтъ со времени, когда мужа ихъ взяты въ плѣнъ или пропали безъ вѣсти на войнѣ. Установленный этимъ закономъ десяти-лѣтній срокъ для дозволенія вступать въ новый бракъ солдатскимъ женамъ, мужа коихъ безъ вѣсти пропали на войнѣ или взяты въ плѣнъ непріателемъ, имѣлъ въ то время мѣсто при условіяхъ продолжительно-

сти сроковъ службы въ войскахъ (15—20 лѣтъ) и длинныхъ періодовъ веденія войнъ и размѣна затѣмъ плѣнныхъ; между тѣмъ какъ въ настоящее время, съ измѣненіемъ этихъ условій, десятилѣтній срокъ является крайне стѣснительнымъ для солдатскихъ женъ, лишая ихъ, безъ видимой надобности, продолжительное время права на вступленіе въ новый бракъ. Предполагая ходатайствовать, чтобы на будущее время нижніе воинскіе чины, пропавшіе на войнѣ, или взятые въ плѣнъ непріателемъ и не возвратившіеся затѣмъ въ войска или на родину, были исключаемы чрезъ 5 лѣтъ, а оставшимся послѣ ихъ женамъ предоставлялось право, по минованіи этого срока, вступать въ новый бракъ, генераль-адъютантъ Ванновскій просилъ г. синодальнаго Оберъ-Прокурора о сообщеніи ему заключенія Святѣйшаго Синода по сему предмету. Святѣйшій Синодъ, признавая мѣру сокращенія срока на вступленіе въ бракъ для солдатскихъ женъ, мужья коихъ пропали безъ вѣсти на войнѣ или взяты въ плѣнъ непріателемъ, заслуживающею полного одобренія. 14 іюля 1882 г. опредѣлилъ: о такомъ заключеніи предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору увѣдомить военнаго министра. Приказали: о вышеизложенномъ Высочайше утвержденномъ 22 ноября 1883 г. мнѣніи государственнаго совѣта о срокѣ для расторженія браковъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ безвѣстномъ отсутствіи, дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ, чрезъ печатаніе въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, для исполненія и руководства по духовному вѣдомству, поручивъ епархіальнымъ начальствамъ оказывать возможное содѣйствіе къ скорѣйшему разрѣшенію просьбъ о расторженіи браковъ женъ нижнихъ чиновъ, находящихся въ безвѣстномъ отсутствіи. Февраля 29 дня 1884 г.

В Ы П И С К А

изъ журнальнаго постановленія Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества, состоявшагося 3-го сего марта и утвержденного Его Преосвященствомъ Амвросіемъ Епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ 6 марта.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества для увеличенія суммъ на распространеніе христіанства между язычниками въ имперіи постановилъ принять слѣдующія мѣры:

1) Просить чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ причты и церковныхъ старостъ позаботиться объ увеличенія кружечнаго сбора.

2) Просить всѣхъ благочинныхъ предложить въ текущемъ году всѣмъ священникамъ, по возможности церковнымъ старостамъ и желающимъ низшимъ членамъ причта поступить въ число членовъ Миссіонерскаго Общества со взносомъ по 3 р. въ годъ.

3) Послать чрезъ благочинныхъ каждому священнику подписные сборные листы и просить внушить священникамъ, чтобы они при удобныхъ случаяхъ предлагали своимъ прихожанамъ поступать въ число членовъ общества или жертвовать единовременно и затѣмъ, записавъ какъ членскіе взносы, такъ и единовременныя пожертвованія въ сборные листы, прислать таковыя въ Комитетъ не позже первыхъ чиселъ декабря мѣсяца сего 1884 года.

4) Послать такіе-же листы всѣмъ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей епархіи и просить ихъ производить по симъ листамъ сборъ добровольныхъ пожертвованій отъ посѣщающихъ обители богомольцевъ, а также братій и сестеръ обителей; самихъ-же настоятелей и настоятельницъ монастырей просить поступить въ число членовъ Миссіонерскаго Общества и позаботиться о возможномъ увеличеніи кружечнаго сбора на сей предметъ.

5) Просить всѣхъ благочинныхъ епархіи предложить всѣмъ приходскимъ священникамъ, чтобы они, во исполненіе указа Св. Синода отъ 10 апрѣля 1872 года № 20, ежегодно, избравъ какой-либо воскресный или праздничный день, когда въ церкви бываетъ значительное число богомольцевъ, предлагали поученія собственнаго своего сочиненія или-же разосланныя при вышеупомянутомъ указѣ Св. Синода отъ 10 апрѣля 1872 года, а также отпечатанныя въ Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ въ 5 № 1873 г. стран. 227 и въ Харьковскомъ Воскресномъ листкѣ за 1882 годъ стр. 79. При произнесеніи такихъ поученій ставить среди церкви тарелку и предлагать усердствующимъ полагать на оную свои посильныя жертвы. Собранную такимъ образомъ сумму записывать въ сборные листы.

6) Просить также и настоятелей монастырей ежегодно поступать такъ, какъ сказано въ 5 пунктѣ.

П Р А В И Л А,

установленныя для отпусковъ воспитаницъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.

1) Воспитаницы имѣютъ быть увольняемы въ отпуски въ воскресныя и праздничныя дни только къ родителямъ и опекунамъ.

2) Къ роднымъ и знакомымъ, живущимъ въ г. Харьковѣ воспитаницы будутъ отпускаемы, если на то будетъ предварительное позволеніе отъ ро-

дителей или опекуновъ съ подробнымъ указаніемъ, кто именно эти родные и знакомые и гдѣ они проживаютъ.

3) За воспитанницами для отпуска должны являться или сами родные лично или же присылать другихъ лицъ довѣренныхъ—съ письменнымъ заявленіемъ г-жѣ начальницѣ о томъ, кому именно они поручаютъ сопровожденіе воспитанницы.

4) Отпущенной воспитанницѣ дается отпускной билетъ, на оборотной сторонѣ котораго непременно должна быть подпись родителей или лицъ, поменованныхъ въ пункт. 2 съ точнымъ обозначеніемъ того, съ кѣмъ и въ какое время воспитанница возвращается въ училище; въ случаѣ несвоевременнаго возвращенія воспитанницы въ училище причина должна быть отмѣчена тамъ-же.

5) Если эти правила воспитанницами или ихъ родными разъ не будутъ исполнены,—воспитанница впредь лишается права отпуска.

6) На каникулярное время, равно какъ на праздники Рождества Христова и Пасхи, воспитанницы имѣютъ быть отпускаемы также только къ родителямъ и опекунамъ, отпускъ-же къ родственникамъ и знакомымъ допускается только въ томъ случаѣ, если на то будетъ предварительное позволеніе отъ родителей или опекуновъ съ подробнымъ указаніемъ, кто именно эти родные и знакомые и гдѣ они проживаютъ.

7) За взятіемъ воспитанницъ должны непременно являться или сами лица, поменованные въ предшествовавшемъ пунктѣ, или же лица ими довѣренныя, съ письменнымъ заявленіемъ на имя г-жи начальницы о томъ, кому именно поручается сопровожденіе воспитанницъ.

8) Безъ соблюденія правилъ, указанныхъ въ пункт. 6 и 7 воспитанницы не будутъ отпускаемы ни на каникулы, ни на праздники Рождества Христова и Пасхи.

9) Воспитанницѣ, отпущенной на каникулы или Рождественскіе и Пасхальныя праздники выдается отпускной билетъ, на оборотной сторонѣ котораго непременно должна быть подпись родителей или лицъ, поменованныхъ въ пункт. 2, съ точнымъ обозначеніемъ того, съ кѣмъ и въ какое время воспитанница возвращается въ училище; въ случаѣ несвоевременнаго возвращенія воспитанницы въ училище причина должна быть отмѣчена тамъ-же.

10) Въ училищной одеждѣ воспитанницы изъ училища вообще нкуда отпускаемы не будутъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища по учебно и нравственно-воспитательной частямъ за 1882—83 учебный годъ.

1) Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ училищѣ, сравнительно съ концомъ 1881—82 учебнаго года, произошли слѣдующія перемѣны: а) согласно заведенному издавна въ училищѣ порядку, по которому помощницами воспитательницъ ежегодно назначаются оканчивающія въ училищѣ курсъ дѣвицы-сироты, которыя проходятъ свои должности только въ теченіи одного года, къ началу отчетнаго года совѣтомъ, по представленію начальницы училища, опредѣлены, на мѣсто бывшихъ въ прошломъ учебномъ году, помощницами воспитательницъ слѣдующія дѣвицы, окончившія курсъ ученія въ іюнь 1882 года: Анна Ковалевская, Зинаида Роменская, Раиса Невпругина, Юлія Соколова, Вѣра Грызодубова и Ольга Вертеловская, для VI-го же класса назначена бывшая въ 1881—82 учебномъ году помощницею воспитательницы въ одномъ изъ низшихъ классовъ училища, дѣвица Татьяна Климентьева.

б) На должность воспитательницы въ III-мъ параллельномъ классѣ, остававшуюся вакантною съ 9 февраля 1882 года, журнальнымъ постановленіемъ совѣта отъ 13—16 августа 1882 года опредѣлена окончившая въ 1877 году курсъ наукъ въ здѣшнемъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы и съ того времени исполнявшая обязанности учительницы въ Екатеринодарской женской гимназіи, дѣвица Маріамна Павловна Попова.

в) Журнальнымъ постановленіемъ совѣта отъ 24—28 августа 1882 г. уволенъ, по прошенію, учитель музыки г. Фоссъ и на его мѣсто опредѣленъ Н. А. Орловскій.

г) Журнальнымъ постановленіемъ совѣта отъ 17—18 февраля 1883 г. уволена, по прошенію, помощница воспитательницы въ VI классѣ училища, Т. Клементьева, и на ея мѣсто опредѣлена окончившая курсъ въ 1879 г. въ здѣшнемъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы, дѣвица Наталія Михайловна Ковалевская.

д) Резолюціею Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, отъ 22 апрѣля 1883 года, дѣвица Анна Васильевна Кушенъ, согласно ея просьбѣ, освобождена отъ исполненія обязанностей начальницы училища, а затѣмъ, вслѣдствіе представленія Преосвященнѣйшаго, Св. Синодомъ уволена отъ службы при здѣшнемъ училищѣ, о чемъ и послѣдовалъ указъ Св. Синода отъ 27 мая 1883 года.

Тою же резолюціею Преосвященнаго отъ 23 апрѣля 1883 года исправленіе должности начальницы училища временно поручено старшей воспитательницѣ, дѣвицѣ Евдокіи Павловнѣ Поповой.

е) Во исполненіе этого послѣдняго пункта резолюціи Его Преосвященства, журнальнымъ постановленіемъ совѣта отъ 23 апрѣля 1883 года г-жа Попова освобождена (временно) отъ исполненія обязанностей воспитательницы въ VI классѣ училища, которыя возложены на помощницу воспитательницы того же класса, Н. М. Ковалевскую.

ж) Вслѣдствіе освобожденія г-жи Кушенъ отъ исполненія обязанностей начальницы училища и послѣдовавшаго затѣмъ увольненія ея Св. Синодомъ отъ службы при училищѣ, сдѣлалась вакантною и занимавшаяся г-жею Кушенъ обязанность учительницы французскаго языка. Въ виду имѣвшаго послѣдовать вскорѣ окончанія учебнаго года, совѣтъ училища, отложивъ замѣщеніе этой послѣдней должности до начала 1883—84 учебнаго года, постановленіемъ своимъ отъ 27 апрѣля 1883 года, поручилъ, за особое вознагражденіе, производство экзаменовъ по французскому языку преподавателю гражданской исторіи въ училищѣ, А. Ѡ. Вертеловскому.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ, къ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

А) Составъ совѣта.

Предсѣдатель Совѣта, помощникъ настоятеля Харьковской Преображенской церкви священникъ Михайль Андреевичъ Руилнцевъ. Окончилъ курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи. Жалованья по этой должности получаетъ 120 р. въ годъ. Съ 23 сентября 1881 г.

Примѣчаніе: Священникъ Румянцевъ исполнялъ обязанности Предсѣдателя Совѣта еще по старому порядку вслѣдствіе избранія его Епархіальнымъ съездомъ и утвержденія Преосвященнымъ въ 1881 году.

Исправляющая (временно) должность начальницы училища старшая воспитательница Евдокія Павловна Попова. Она же продолжала завѣдывать фундаментальною и ученическою бібліотеками. Окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи. Получала жалованье начальницы училища изъ годоваго оклада 500 р. и за завѣдываніе бібліотеками 50 руб. въ годъ. Съ 23 апрѣля 1883 года.

Инспекторъ классовъ, священникъ Никандръ Іоновичъ Онিকেвичъ. Кандидатъ богословія, жалованья получаетъ 500 р. въ годъ. — Съ 30 марта 1873 г.

Членъ совѣта отъ духовенства, помощникъ настоятеля Харьковской Николаевской церкви, священникъ Панкратій Дмитріевичъ Ивановъ. Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи. Жалованья получаетъ 120 р. въ годъ. — Съ 23 сентября 1881 года.

Попечительница училища, Александра Васильевна Гордѣенко, служитъ безвозмездно, въ настоящей должности съ 1871 года.

Почетный блюститель по хозяйственной части, Харьковскій 2-й гильдіи купецъ, Максимъ Семеновичъ Куличенко, служитъ безвозмездно.— Съ 6 іюня 1879 года.

Секретарь педагогическихъ собраній совѣта, преподаватель училища, Алексѣй Федоровичъ Вертеловскій. Получаетъ жалованья 120 р. въ годъ.— Съ 1 января 1882 года.

И. д. дѣлопроизводителя училищнаго совѣта,—онъ же и письмоводитель,—отставной унтеръ-офицеръ писарь Константинъ Козьмичъ Сашинъ. Жалованье по обѣимъ должностямъ получаетъ при казенной квартирѣ и столъ 400 руб. въ годъ.— Съ 15 апрѣля 1873 года.

Б. Преподаватели и преподавательницы обязательныхъ предметовъ:

Закона Божія въ IV, V и VI классахъ—Инспекторъ классовъ священникъ Оныкевичъ (9 недѣльн. уроковъ) Жалованья получаетъ въ годъ 675 руб.— Съ 30 марта 1873 года.

Закона Божія въ I, II и III нормальномъ и III параллельномъ классахъ—помощникъ настоятеля Кладбищенской Усѣкновской церкви, священникъ Георгій Ивановичъ Волобуевъ. Онъ-же совершаетъ Богослуженіе въ училищной церкви. Окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи (16 уроковъ) Жалованье получаетъ 800 р. и за совершеніе Богослуженія 120 р. въ годъ.

Русскаго языка и словесности въ IV, V и VI классахъ преподаватель того же предмета въ Харьковской духовной семинаріи надворный совѣтникъ Александръ Алексѣевичъ Снегиревъ. Кандидатъ богословія (10 уроковъ). Жалованья получаетъ 450 р. въ годъ.— Съ 18 августа 1876 года.

Арифметики въ IV, V и VI классахъ, геометріи, физики и космографіи—надворный совѣтникъ Александръ Павловичъ Эльтековъ. Кандидатъ университета по физико-математическому факультету (14 уроковъ). Жалованье получаетъ 1050 р. въ годъ.— Съ 4 августа 1876 года.

Гражданской исторіи въ IV, V и VI классахъ преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи надворный совѣтникъ Алексей Федоровичъ Вертеловскій. Кандидатъ богословія (9 уроковъ). Жалованья получаетъ 675 р.— Съ 12 августа 1875 года.

Географіи во всѣхъ классахъ, за исключеніемъ III нормальнаго, преподаватель исторіи и географіи въ Харьковской мужской прогимназіи коллежскій совѣтникъ Василій Лукичъ Спасскій. Дѣйствительный студентъ университета по историко-филологическому факультету (12 уроковъ). Жалованья получаетъ 800 р. въ годъ.— Съ 16 августа 1877 г.

Педагогика въ V и VI классахъ преподаватель философіи и Педагогика въ Харьковской духовной семинаріи надворный совѣтникъ Николай Николаевичъ Страховъ. Кандидатъ богословія (3 урока). Жалованья получаетъ 225 р. въ годъ. — Съ 16 августа 1877 года.

Чистописанія, черченія и рисованія во всѣхъ классахъ учитель тѣхъ-же предметовъ въ Харьковскомъ уѣздномъ училищѣ губернской секретарь Дометій Осиповичъ Ланевскій. Выдержалъ спеціальнѣйшій экзаменъ въ испытательной комиссіи при Харьковскомъ университетѣ (14 уроковъ) жалованья получаетъ 490 р. въ годъ. Съ 21 августа 1874 года.

Церковнаго пѣнія во всѣхъ классахъ помощникъ настоятеля Харьковской Троицкой церкви священникъ Стефанъ Ивановичъ Петровскій. Окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи. (8 уроковъ оба стдѣленія III класса учатся вмѣстѣ), жалованья получаетъ 250 р. въ годъ. Съ 1 августа 1861 года.

Учительница русскаго языка въ I, II, III нормальномъ и III параллельномъ классахъ дѣвица Евфросинія Александровна Горбачевская и

Учительница арифметики въ тѣхъ-же классахъ дѣвица Ольга Константиновна Рудинская, — обѣ окончили курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы; имѣютъ по 16 уроковъ. Жалованья получаютъ по 800 руб. въ годъ каждая. Состоятъ учительницами съ 27 августа 1880 года.

Учительница географіи въ III нормальномъ классѣ, воспитательница того-же класса дѣвица Людмила Евфимовна Дьякова. Слушала спеціальныя курсы исторіи и географіи въ Харьковской женской гимназіи. (2 урока). Жалованья получаетъ 100 руб. въ годъ. Съ 25 сентября 1881 года.

Учительница рукодѣлій дѣвица Меланія Дмитриевна Чернявская. Окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы. Жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ и столѣ 120 р. въ годъ, — въ должности съ 16 августа 1877 года.

Учительница рукодѣлій вдова помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, Александра Ивановича Соколова обучалась въ частномъ пансіонѣ въ г. Витебскѣ. Жалованья по должности получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 120 р. въ годъ. Съ 17 августа 1880 года.

В. Учители и учительницы неobligательныхъ предметовъ:

По французскому языку должность учителя съ 23 апрѣля 1883 года была вакантною.

Учитель музыки Николай Александровичъ Орловскій. Окончилъ курсъ въ гимназіи и бралъ уроки музыки у Вильбоа. Жалованья получаетъ по 25 руб. за ученицу въ годъ. Съ 28 августа 1882 года.

Учительницы музыки: дѣвица Серафима Гавриловна Вертеловская. Обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ музыкальномъ обществѣ. Жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ. Съ 24 августа 1879 года.

Дѣвица Марія Степановна Любинская. Окончила курсъ и обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Жалованья при казенной квартирѣ и столѣ получаетъ 200 руб. въ годъ. Съ 18 августа 1878 года.

Дѣвица Зянаида Дмитриевна Покиядайлова. Окончила курсъ и обучалась музыкѣ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ. Съ 31 августа 1881 года.

Пелагія Васильевна Штуббе—съ 27 октября 1875 года и дѣвица Серафима Ивановна Маклецова—съ 21 октября 1881 года;—обѣ окончили курсъ и обучались музыкѣ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Жалованья получаетъ каждая по 15 руб. за ученицу въ годъ.

Г. Воспитательницы:

I класса дѣвица Александра Петровна Петрова. Окончила курсъ въ здѣшнемъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы. Жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 240 руб. въ годъ. Съ 17 августа 1880 года.

II класса дѣвица Елена Эдуардовна Штегеръ. Окончила курсъ въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Жалованья получаетъ, при казенной квартирѣ и столѣ 240 р. въ годъ. Съ 20 августа 1870 года.

III нормального класса дѣвица Людмила Евфимовна Дьякова. Окончила курсъ въ Харьковской женской гимназіи. Жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 240 р. въ годъ. Съ 10 сентября 1872 года.

III параллельного класса дѣвица Маріамна Павловна Попова—съ 16 августа 1882 года.

IV класса дѣвица Анна Григорьевна Подольская—съ 25 іюля 1878 г.

V класса дѣвица Вѣра Даніиловна Капустяна—съ 29 ноября 1876 г.

Всѣ три окончили курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашнихъ учительницъ. Жалованья получаютъ при казенной квартирѣ и столѣ по 240 р. въ годъ каждая.

VI класса временно п. д. воспитательницы похощница воспитательницы того же класса дѣвица Наталія Михайловна Ковалевская. Окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ съ званіемъ домашней учительницы. Получала жалованья изъ годового оклада воспитательницы 240 р. въ годъ—съ 23 апрѣля 1883 года.

Надзирательница училищной педагогической школы дѣвица Софья Захарьевна Нестерова. Окончила курсъ въ бывшемъ Харьковскомъ училищѣ дѣвицъ духовнаго званія. Жалованья получаетъ при квартирѣ и столѣ 150 р. въ годъ—съ 1870 года.

Д. Помощницы воспитательницъ:

I класса дѣвица Анна Ковалевская; II класса дѣвица Зинаида Роменская; III нормальнаго класса дѣвица Райса Невирягина; III параллельнаго класса дѣвица Юлія Соколова; IV класса дѣвица Вѣра Грызодубова; V класса дѣвица Ольга Вертеловская (въ VI классѣ съ 23 апрѣля 1883 года вакансія свободна).

Всѣ шесть дѣвицъ окончили курсъ въ здѣшнемъ епархіальномъ училищѣ. Жалованья при казенной квартирѣ и столѣ получаютъ каждая по 50 руб. и на одежду по 50 руб. въ годъ. Всѣ шесть съ 15 іюня 1882 г.

Е. Другія служащія въ училищѣ лица:

Врачъ при училищной больницѣ, инспекторъ Харьковской губернской врачебной управы, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михайлъ Михайловичъ Севастьяновичъ. Докторъ медицины. Жалованья получаетъ 200 руб. въ годъ—съ 13 января 1877 года.

Надзирательница училищной больницы вдова священника Лукія Павловна Ковалева получила домашнее образованіе. Жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 150 р. въ годъ—съ 1 сентября 1871 года.

Помощница больничной надзирательницы дѣвица Целагея Петровна Прокофьева. Окончила курсъ въ здѣшнемъ епархіальномъ женскомъ училищѣ. Жалованья при квартирѣ и столѣ получаетъ 75 руб. въ годъ—съ 4 октября 1880 года.

И. д. училищнаго эконома мѣщанинъ Харитонъ Клементьевичъ Певдаховъ. Жалованья получаетъ при казенной квартирѣ и столѣ 200 руб. въ годъ. Съ 13 апрѣля 1879 года.

Примѣчаніе: Кромѣ вышепоименованныхъ лицъ, въ училищѣ состояло еще: а) кастелянша, закупающая бѣлье и одежду воспитанницъ и б) ключница, закупающая, въ качествѣ помощницы эконома, столовою и буфетомъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

— Священники: *Іосифъ Реутскій* и *Павель Лисенковъ* вновь утверждены—первый членомъ Благочиннаго Совѣта, а второй помощникомъ благочиннаго въ 4-й округъ, Старобѣльскаго уѣзда.

— Настоятель Вознесенской церкви г. Лебедина священникъ *Кириль Щелкуновъ* назначенъ на должность благочиннаго 1-го округа Лебединскаго уѣзда.

— Настоятель Михайловскаго прихода, Изюмскаго уѣзда, священникъ *Павель Вышемирскій* перемѣщенъ на праздное настоятельское мѣсто къ Покровской церкви села Ново-Покровскаго, Зміевского уѣзда, и сверхштатный и. д. псаломщика сей послѣдней церкви *Онисимъ Слюсаревъ* опредѣленъ штатнымъ и. д. псаломщика къ оной же церкви.

— Священникъ Славянской Троицкой церкви *Теодоръ Любарскій* уволенъ отъ должности законоучителя Славянскаго народнаго училища и учителя Славянской женской прогимназіи, вслѣдствіе его прошенія,—а на его мѣсто утверждены въ означенныхъ должностяхъ священникъ той же церкви *Іоаннъ Дмитріевъ*.

— Священникъ Валковской Благовѣщенской церкви *Гавріиль Павловскій* утвержденъ законоучителемъ Валковскаго начальнаго народнаго училища.

— Помощникъ настоятеля Ново-Серпуховскаго Успенскаго прихода, священникъ села Ласерей, Зміевского уѣзда, *Василій Филевскій* утвержденъ настоятелемъ означеннаго прихода.

— Священникъ Петропавловской церкви слободы Павловки, Старобѣльскаго уѣзда, *Василій Поповъ* перемѣщенъ настоятелемъ Николаевской церкви слоб. Боровской, того-же уѣзда.

— Разрѣшено употреблять черную скуфью при требосиравленіяхъ внѣ храма священникамъ: Вознесенской церкви сл. Просяной, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоанну Павлову*, Рождество-Богородичной церкви сл. Бочковой, Волчанскаго уѣзда, *Владиміру Нетремскому*, с. Малыхъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, *Іоанну Нечасву* и діакону Александро-Невской церкви Харьковскихъ Богоугодныхъ заведеній *Иларіону Васильченкову*.

— Преподаватель института благородныхъ дѣвицъ *Николай Николаевичъ Еремьевъ* утвержденъ въ должности предсѣдателя попечительства Харьковской Крестовоздвиженской церкви на мѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Григорія Семеновича Рындовскаго*, который остается членомъ онаго попечительства.

— Діаконъ псаломщикъ Трехсвятительской церкви слоб. Морозовки, Старобѣльскаго уѣзда, Іоаннъ *Максимовъ* переименъ въ Донскую епархію на службу.

— Діаконъ псаломщикъ Троицкой церкви слоб. Михайловки, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Жуковский*, согласно прошенію, переведенъ на праздное псаломщическое мѣсто къ Валковской Успенской церкви.

— И. д. псаломщика Благовѣщенской церкви с. Бугулавскаго, Изюмскаго уѣзда, Андрей *Шилецкій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Архангело-Михайловской церкви слоб. Соколова, Зміевскаго уѣзда.

— Сверхштатный исправляющій должность псаломщика Петро-Павловской церкви слоб. Петропавловки, Старобѣльскаго уѣзда, Андрей *Квитковский* утвержденъ штатнымъ и. д. псаломщика при сей же церкви.

— Уволенный изъ 1-го класса Харьковской духовной семинаріи Всеволодъ *Исторовъ*, опредѣленъ и. д. псаломщика къ Николаевской церкви слоб. Каменки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ той-же семинаріи Аристархъ *Стенурскій* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Іоанно-Предтеченской церкви сл. Ивановки, Изюмскаго уѣзда.

— И. д. псаломщика Успенской церкви слоб. Рубежной, Волчанскаго уѣзда, Адрианъ *Дашкиевъ* рукоположенъ въ санъ діакона.

— Сверхштатный и. д. псаломщика Трехсвятительской церкви сл. Морозовки, Старобѣльскаго уѣзда, Іосифъ *Царевскій* утвержденъ штатнымъ и. д. псаломщика при той же церкви.

— Уволенный изъ средняго отдѣленія Купянскаго духовнаго училища Ілья *Климентовъ* опредѣленъ и. д. псаломщика къ Чугуевской Николаевской церкви.

— Причетническому сыну Ивану *Кустовскому* предоставлено псаломщическое мѣсто при Казанской церкви слоб. Голубовки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Настоятель Валковской Рождество-Богородичной церкви, священникъ Іаковъ *Чудновскій* волею Вожею умеръ.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Богодуховскаго уѣзда къ Покровской церкви села Любовки крестьянинъ Іоакимъ *Капловъ*; Валковскаго уѣзда: къ церквамъ—Вознесенской села Люботина крестьянинъ Федоръ *Капловъ*, къ Іоанно-Богословской села Черемушнаго крестьянинъ Григорій *Берновскій* и къ Тихоновской села Федоренкова крестьянинъ Захаръ *Шевченко*; къ соборной Троицкой церкви г. Зміева крестьянинъ Павелъ *Донцовъ*; Изюмскаго уѣзда: къ церквамъ—Скорбященской слободы Богородичной крестьянинъ Андрей *Рышетниковъ*, къ Іоанно-Предтечен-

ской села Знаменскаго крестьянинъ Яковъ *Бондаренко*, къ Варваровской села Райскаго крестьянинъ Лаврентій *Заярный* и къ Иоанно-мученической слоб. Ново-Александровки крестьянинъ Леонтій *Остроушко*; Купянскаго уѣзда—къ Николаевской церкви слоб. Ново-Николаевки крестьянинъ Федоръ *Голубенко*; Сумскаго уѣзда—къ церквамъ: Вознесенской слоб. Стецковки крестьянинъ Александръ *Витковскій*, къ Дмитріевской той-же слободы крестьянинъ Иванъ *Чугай* и къ Александро-Невской села Витцы крестьянинъ Иванъ *Еременко*; Старобѣльскаго уѣзда—къ Покровской церкви слободы Вѣлолуцкой крестьянинъ Григорій *Головинскій*; Харьковскаго уѣзда—къ церквамъ: Покровской с. Коротича крестьянинъ Игнатій *Мартыменко* и къ Архангело-Михайловской с. Лопани крестьянинъ Иванъ *Витникъ*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

Въ слоб. Кузеновкѣ, Купянскаго уѣзда, *настоятельское*, въ сл. Большой Чернетчипѣ, Сумскаго уѣзда *такое-же*, въ сл. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда *помощника настоятеля*, въ сл. Павловкѣ, того-же уѣзда *такое-же*, въ сл. Млинкахъ, Ахтырскаго уѣзда, *такое-же*. *Исаиомищкя*, въ с. Богуславскомъ, Изюмскаго уѣзда, при Благовѣщенской церкви, въ слоб. Алисовкѣ при Покровской и Ивановкѣ при Иоанно-Предтеченской церкви, того-же уѣзда.

ГОДИЧНОЕ ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ воскресенье 11 марта, послѣ Божественной литургіи, которую совершалъ Преосвященнѣйшій Амвросій въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, въ помѣщеніи Его Преосвященства собрались члены Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества. Въ часъ дня засѣданіе было открыто пѣніемъ стиха: „Днесь благодать Св. Духа насъ собра“. Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій, предложилъ присутствующимъ выслушать отчетъ о дѣятельности мѣстнаго отдѣленія общества за восьмой (1883) годъ его существованія. Дѣятельность и средства отдѣленія и его комитета за истекшій годъ по отчету представляются въ слѣдующемъ видѣ:

I. Составъ комитета.

Въ 1883 году Харьковскій комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества составляли:

1) Предсѣдатель Преосвященный Веніаминъ, Епископъ Сумскій, а затѣмъ, по перемѣщеніи Преосвященнаго Веніамина викаріемъ въ Костромскую епархію, предсѣдателемъ комитета состоялъ Преосвященный Геннадій Епископъ Сумскій, викарій Харьковскій.

2) Товарищъ предсѣдателя сенаторъ, тайный совѣтникъ, Николай Ивановичъ Ланге.

Ч л е н ы :

Протоіерей Михаилъ Іоанновичъ Разногорскій, протоіерей Іоаннъ Лукичъ Чижевскій, протоіерей Симеонъ Алексѣевичъ Илларионовъ, протоіерей Василій Іоанновичъ Добротворскій, протоіерей Іоаннъ Владиміровичъ Вертеловскій, купецъ Максимъ Семеновичъ Куличенко, казначей священникъ Стефанъ Іоанновичъ Петровскій, дѣлопроизводитель титулярный совѣтникъ Сергѣй Николаевичъ Соколовскій.

II. Составъ Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ отчетномъ году въ число членовъ общества съ капиталами на вѣчное время поступили Харьковскій купецъ Кириллъ Ивановичъ Велитченко и Евфимій Даниловичъ Школяренко, и такимъ образомъ вѣчныхъ членовъ въ прошедшемъ году было 19, дѣйствительныхъ членовъ съ годичными взносами въ томъ-же году было 291.

III. Средства комитета.

1) Остатка суммы къ 1883 году было: а) неприкосновеннаго капитала 1440 руб., б) запаснаго капитала 1253 руб. 23 коп. и в) расходной суммы 1896 руб. 66 коп., а всего 4589 руб. 89 коп.

2) Въ 1883 году поступило: а) отъ двухъ членовъ на вѣчное время 160 руб., б) отъ 291 годичнаго члена 929 руб., в) отъ 35 единовременныхъ жертвовагелей 78 руб. 35 коп., г) процентовъ съ капитала 231 руб. и д) кружечнаго сбора 1034 руб. 10 коп., итого 2432 руб. 45 коп., а съ остаточными отъ предыдущаго года 7022 руб. 34 коп.

3) Въ расходъ поступило: а) отправлено на содержаніе миссій Иркутской епархіи 1896 руб. 66 коп. и уплачено Харьковской кон-

торъ государственнаго банка за переводъ сихъ денегъ 1 руб. 90 к., всего 1898 руб. 56 коп., б) выдано вознагражденіе дѣлопроизводителю и на наемъ писца 150 руб., в) вслѣдствіе требованія Правленія Харьковскаго общества взаимнаго кредита уплачено означенному обществу на пополненіе убытковъ его 16 руб. 10 коп., и за гербовую марку къ квитанціи 10 коп., всего 16 руб. 20 коп., г) на канцелярскіе расходы 60 коп. и д) на гербовыя марки при взносъ денегъ въ банкъ 1 руб. 60 коп., всего 2066 руб. 96 коп.

4) Остается къ 1884 году: а) неприкосновеннаго капитала 1600 руб., б) запаснаго капитала 1387 руб. 58 коп. и в) расходной суммы 1967 руб. 80 коп., итого 4955 руб. 38 коп. Дѣятельность Харьковскаго комитета въ истекшемъ году состояла въ приѣмѣ пожертвованій на дѣло миссіи, въ сношеніяхъ съ различными мѣстами и лицами и въ исполненіи порученій совѣта миссіонерскаго общества. По прочтеніи отчета Его Преосвященство Преосвященнѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій, обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью: „Надобно признаться, что Харьковское отдѣленіе православнаго миссіонерскаго общества мало дѣлаетъ для такого святаго и великаго дѣла, какъ просвѣщеніе вѣрою Христовою магометанъ и язычниковъ, населяющихъ наше отечество. Что значатъ какіе-нибудь 3000 руб. въ годъ собираемые отъ нашей богатой епархіи для просвѣщенія многихъ милліоновъ инородцевъ? То-ли мы можемъ сдѣлать, если искренно этого пожелаемъ и съ усердіемъ потрудимся? И безъ всякаго сомнѣнія не отъ недостатка у насъ любви къ православной вѣрѣ и отечеству происходитъ эта малоуспѣшность. Весьма важное значеніе здѣсь имѣетъ постановка дѣла. Мы собираемъ деньги и разъ въ годъ отсылаемъ ихъ въ Москву, въ совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества—и только. Какое значеніе имѣютъ для миссіонерскаго дѣла наши деньги, на какое употребленіе въ общей массѣ расходовъ Общества они попали,—мы не знаемъ. Свѣдѣній объ успѣхахъ миссій вообще мы собирать для себя не стараемся, за дѣломъ не слѣдимъ, а потому наши отношенія къ святому дѣлу евангельской проповѣди—мертвыя, не питательныя для сердца. Мы похожи на людей, которымъ поручена на попеченіе большая бѣдная семья и для которой мы кое-что дѣлаемъ, но семьи не видимъ, за ея жизнью не слѣдимъ и, отдавши свой ежегодный взносъ въ ея пользу, совсѣмъ ее забываемъ, и вспоминаемъ о ней опять только черезъ годъ, когда наступаетъ время новаго взноса. Иное было-бы дѣло, если-бы семья была у насъ на глазахъ, если-бы мы видѣли возвра-

стающихъ дѣтей съ надеждою имѣть въ нихъ современемъ добрыхъ гражданъ, если-бы наблюдали, какъ они растутъ, хорошеютъ, складываются, замѣчали чего имъ не достаетъ и что нужно для ихъ благосостоянія и окончательнаго устройства: то-ли бы мы для нихъ дѣлали, что обыкновенно дѣлается по просьбамъ для бѣдныхъ неизвѣстныхъ намъ семействъ? Вотъ именно въ такое положеніе намъ нужно стать къ миссіонерскому дѣлу, чтобы наши отношенія къ нему были плодотворны и для насъ питательны и утѣшительны. Что-же мы можемъ сдѣлать?

„Попросимъ совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, чтобы онъ изъ отечественныхъ миссій, состоящихъ подъ его наблюдениемъ, отдѣлилъ намъ какой-нибудь особый уже существующій миссіонерскій станъ, или еще лучше указалъ мѣсто для открытія новаго, преимущественно въ средней Азіи, и назвалъ-бы его станомъ *состоящимъ на попеченіи Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго Общества*. Конечно мы сохранили-бы всѣ требуемыя уставомъ отношенія къ совѣту Общества, все стали-бы дѣлать у него на виду, въ связи съ нимъ и съ его разрѣшенія. Если это состоится, всѣ свѣдѣнія о нашемъ станѣ, какія получить совѣтъ, онъ будетъ сообщать намъ, что узнаемъ мы, будемъ доносить ему; мы будемъ помнить, что мы часть единаго всероссійскаго миссіонерскаго общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы, основаннаго и руководимаго первенствующими іерархами нашей Церкви и управляемаго ревностными по вѣрѣ мудрыми мужами первопрестольной Москвы; для насъ всегда будетъ утѣшеніемъ стоять въ неразрывной связи съ ними, но намъ прибудетъ особый интересъ въ дѣлѣ, когда будемъ имѣть свое дѣтище, свой станъ, о которомъ всѣ будемъ заботиться и который содержать въ наилучшемъ порядкѣ будетъ нашею честью. Совѣту не будетъ ни обидно, ни непріятно, если мы будемъ состоять съ нашимъ станомъ въ прямыхъ постоянныхъ сношеніяхъ, будемъ находить нужныхъ ему людей, устроить его школу, украшать его Церковь, снабжать пособиями новокрещенныхъ и проч. Все, что мы задумаемъ дѣлать, совѣтъ общества будетъ знать, что сдѣлаемъ, будетъ сообщаемо къ годичному собранію православнаго миссіонерскаго общества въ Москвѣ; въ отчетахъ совѣта, мы надѣемся, о нашемъ станѣ будетъ красная страница. Онъ не затруднится отдать въ наше распоряженіе и ту небольшую сумму, которую мы ежегодно собираемъ и отсылаемъ по его указанію, когда онъ будетъ знать, что на нашъ станъ мы

будемъ употреблять, можетъ быть, впятеро больше, и изъ общихъ суммъ общества еще ничего просить не будемъ. Но и у насъ будетъ жизнь; я буду васъ собирать не однажды въ годъ, какъ теперь, буду вамъ сообщать всѣ получаемыя изъ нашего стана свѣдѣнія и мы общими силами будемъ заботиться объ его нуждахъ. Наша мѣстная пресса, безъ сомнѣнія, не откажетъ распространять всѣ свѣдѣнія о нашемъ дѣлѣ по губерніи, и мы будемъ имѣть постоянное утѣшеніе въ мысли, что и наша Харьковская свѣча горитъ и свѣтитъ въ странѣ невѣрныхъ во славу Божию. Есть у меня и мысль о томъ, чтобы намъ изъ обширной области, на которой нынѣ раскинута дѣятельность нашего православнаго миссіонерскаго общества, можно было взять на свою долю, но я не смѣю этого заявить безъ предварительнаго сношенія съ совѣтомъ общества. Прошу васъ только, милостивые государи, сказать мнѣ, представляется-ли вамъ высказываемая мною мысль разумною, исполнимою и для васъ пріятною?

„По душѣ-ли она вамъ?“

Отвѣтомъ на эти вопросы было общее согласіе и одобреніе собранія.

Затѣмъ собраніе, по предложенію Его Преосвященства, приступило къ выбору членовъ и казначей комитета, а также трехъ уполномоченныхъ для повѣрки отчета въ финансовомъ отношеніи. По объявленіи баллотировки, произведенной посредствомъ написанія именъ на билетахъ, оказались избранными: 1) членами комитета ректоръ семинаріи протоіерей Іоаннъ Кратировъ, протоіерей Іоаннъ Чижевскій, протоіерей Симеонъ Илларионовъ, протоіерей Андрей Дюковъ, протоіерей Василій Добротворскій, протоіерей Дмитрій Ѳедоровскій, председатель Харьковскаго окружнаго суда Александръ Николаевичъ Бурнашевъ и надворный совѣтникъ Михаилъ Звѣринскій; 2) казначеемъ комитета священникъ Стефанъ Петровскій и 3) уполномоченными для повѣрки отчета; экономтъ Харьковскаго архіерейскаго дома іеромонахъ Іосифъ, священникъ Николай Мощенковъ и надворный совѣтникъ Михаилъ Звѣринскій. Уполномоченные отъ собранія, по повѣркѣ отчета комитета, нашли, что отчетъ въ финансовомъ отношеніи составленъ правильно, что показанная въ отчетѣ сумма находится въ цѣлости и что записи прихода и расхода денегъ по приходо-расходной комитетской книгѣ велись своевременно и итоги и транспорты выведены вѣрно.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Празднованіе 50-ти-лѣтій служенія въ священническомъ санѣ о. протоіерея Димитрія Щепинскаго.—Куининская воскресная школа.—Отношеніе крестьянъ къ дѣлу просвѣщенія.—О субсидіяхъ школамъ.—Церковное пѣніе.—Школа для взрослыхъ.—Вопросъ объ улучшеніи народнаго труда.—Движеніе въ православіе между эстами и латышами.—Еврей-миссіонеръ.—Штууда.—Состояніе Кіево-Печерской Лавры.—Число богомольцевъ въ ней въ минувшемъ году.—Отъ археологической комиссіи.—Дѣятельность крестьянскаго банка.—Законопроектъ, реформы мѣстныхъ управленій.—О спиритизмѣ.

— Третье февраля нынѣшняго года было для духовенства 2-го Изюмскаго округа, а также и для гражданъ города Славянска, днемъ особенно знаменательнымъ. Въ этотъ день исполнилось пятидесяти-лѣтіе служенія въ священническомъ санѣ почтеннѣйшаго протоіерея о. Димитрія Щепинскаго. Испросивъ, предварительно разрѣшеніе епархіальнаго начальства на празднованіе юбилея, духовенство округа пожелало почтить этотъ день особенно торжественнымъ соборнымъ служеніемъ, а затѣмъ и виновника торжества юбиляра о. протоіерея Димитрія Щепинскаго. Къ общему удовольствію почитателей и юбиляра изъявилъ желаніе принять участіе въ торжествѣ многоуважаемый отецъ архимандритъ Германъ, настоятель Успенской Святогорской Пустыни. Празднованіе совершалось въ такомъ порядкѣ: 2-го февраля въ 6 часовъ вечера всепошное бдѣніе совершалъ о. архимандритъ съ городскимъ и явившимся изъ округа духовенствомъ; на другой день, 3 февраля, праздничный звонъ въ 9 часовъ утра возвѣстилъ время Божественной литургіи и духовенство не замедлило собраться въ Троицкой церкви. Литургію совершалъ отецъ архимандритъ Германъ съ юбиляромъ и другими семью священниками; когда-же окончилась Божественная литургія, все духовенство, прибывшее изъ округа вмѣстѣ съ городскимъ, въ праздничныхъ облаченіяхъ, имѣя во главѣ самаго юбиляра, вышло на средину храма для служенія благодарственнаго Господу Богу молебствія. Предъ началомъ молебна мѣстный благочинный, священникъ Θεодоръ Любарскій, сказалъ привѣтственную рѣчь, по окончаніи которой отъ всего окружнаго духовенства поднесенъ былъ юбиляру образъ Пресвятыя Единосущныя и Нераздѣльныя Троицы; на молебнѣ послѣ Евангелія была сказана другая рѣчь членомъ благочинническаго совѣта, священникомъ Евменіемъ Θεодоровскимъ. Послѣ многолѣтняго отецъ архимандритъ, обратясь къ юбиляру съ теплою прочувствованною рѣчью, поднесъ отъ Святогорской обители образъ Пресвятыя Богородицы; затѣмъ, съ разрѣшенія Его Преосвященства, Пре-

освященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, городской голова Лукьянъ Ивановичъ Зубашовъ поднесъ на блюдѣ юбиляру золотой наперстный крестъ—даръ гражданъ города Славянска. Не могу умолчать о томъ, что Троицкая наша церковь, при всей своей обширности и помѣстительности, не могла вмѣстить всего народа, желавшаго молиться. Нужно было видѣть съ какими благоговѣйными чувствами бывшіе въ храмѣ молились за своего любимаго пастыря, полвѣка безвыходно среди ихъ и для нихъ трудившагося! Можно безошибочно сказать, что бѣльшая половина городскаго населенія крещена и вѣнчана почтеннѣйшимъ о. Димитріемъ Щенинскимъ, который, благодаря крѣпости своего здоровья, рѣдко когда болѣлъ и потому упущеній въ приходѣ не было; по крайней мѣрѣ никто не помнитъ, чтобы о. Димитрій когда-нибудь не являлся къ исполненію пастырскихъ обязанностей по зову своихъ, а иногда и чужихъ, прихожанъ. Неудивительно послѣ этого, что и народъ съ своей стороны усердно почтилъ полвѣковое служеніе почтеннаго старца—добраго пастыря искреннею и благодарною молитвою. По окончаніи церковнаго торжества отецъ архимандритъ и все присутствовавшее на праздникѣ духовенство вмѣстѣ съ почтеннѣйшими гражданами приглашено было церковнымъ старостою Троицкой церкви, купцомъ Поликарпомъ Васильевичемъ Михайловскимъ, на радушный обѣдъ. Во время обѣда говорились рѣчи. Первая сказана была священникомъ слободы Барвенковой отцемъ Арсеніемъ Павловымъ, вторая родственникомъ юбиляра, священникомъ слободы Рубцовой, отцемъ Петромъ Полтавцевымъ. При концѣ обѣда провозглашены были тосты: 1) за здоровье Государя Императора и всего царствующаго Дома; 2) за здоровье Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго; 3) за здоровье почтеннаго юбиляра. Послѣ каждаго тоста присутствовавшее духовенство пѣло „многая лѣта“. Не скоро изгладится изъ памяти доселѣ небывалое въ городѣ Славянскѣ торжество

— Въ апрѣлѣ 1873 года при Купянскомъ уѣздномъ училищѣ по инициативѣ П. В. Иванова (инспектора народныхъ училищъ) и протоіерея о. А. Г. Омина (законоучителя уѣзднаго училища) открыта воскресная школа. Распорядителемъ школы, со дня основанія, до сихъ-поръ состоитъ протоіерей о. А. Г. Оминъ. Занятія въ школѣ начинаются 1 сентября и кончаются къ 1 мая. Лѣтомъ занятія нѣтъ, потому что ученики, по преимуществу крестьянскаго сословія, заняты разными полевыми работами. Ученики собираются въ воскресные дни въ школу къ 10 часамъ и занятія продолжа-

ются до 2 часовъ дня. Кромѣ воскресныхъ дней занятія въ школахъ бывають во всѣ праздничные дни, а иногда и въ послѣдніе дни праздниковъ Рождества Христова и св. Пасхи. Число учениковъ въ школахъ съ 1-го апрѣля 1873 г. по 1 января 1879 г. было 268. По возрастамъ ученики распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: отъ 12 до 20 лѣтъ—235, отъ 20 до 30 лѣтъ—26, отъ 30 до 40 лѣтъ—5 и отъ 40 до 50 лѣтъ—2. Въ 1880, 1881, 1882 и 1883 годахъ число учениковъ въ школахъ было не менѣе 150. Многіе изъ учениковъ—жители хуторовъ, которые отстоятъ отъ Кушнянска въ 2, 3, 4, 5 и болѣе верстъ (даже есть ученики изъ хуторовъ въ 8 и 10 верстахъ отъ города). Многіе ученики неаккуратно посѣщаютъ школу, такъ какъ въ дурное время имъ невозможно добраться до города. Помѣщеніе подъ школу даетъ министерство народнаго просвѣщенія даромъ. Школа не получаетъ ни отъ земства, ни отъ города никакихъ пособій, а содержится на частныя пожертвованія, которыхъ бывасть въ годъ рублей 30. Занимаются въ школахъ, кромѣ законоучителя, учителя уѣзднаго училища, которымъ помогаютъ ученики 3 класса уѣзднаго училища. Послѣдніе занимаются подъ руководствомъ учителей. Эти занятія весьма полезны ученикамъ, такъ какъ многіе изъ нихъ идутъ въ сельскіе учителя и уже теперь половина сельскихъ учителей купянскаго уѣзда бывшіе ученики уѣзднаго училища. Въ школахъ 3 отдѣленія, которыми завѣдуютъ учителя. Программа школы вполне подходитъ къ программѣ сельскихъ народныхъ училищъ. Были примѣры, что ученики Купянской воскресной школы получали отъ купянскаго училищнаго совета свидѣтельства на льготу 4 разряда по отбыванію воинской повинности. Къ сожалѣнію при школахъ нѣтъ библіотеки, а между тѣмъ ученики, бывшіе въ школахъ и настоящіе, осаждаютъ учителей просьбами о книгахъ. Школа пользуется большимъ довѣріемъ среди мѣстнаго населенія, чему немало содѣйствуетъ протоіерей о. А. Г. Оминъ, который съ церковной кафедры въ одно изъ ближайшихъ воскресеній передъ открытіемъ занятій въ школахъ, объявляетъ народу всю пользу ученія и тѣмъ привлекаетъ многихъ учениковъ.

— Вообще духовенство не мало приноситъ жертвъ на пользу народнаго образованія, хотя жертвы эти оказываются иногда и бесполезными, вслѣдствіе крайняго безучастія крестьянъ. Примѣръ тому представляетъ село Дерново, медынскаго уѣзда, калуужской губ. Мѣстный священникъ, о. Тихоміровъ, устроилъ для прихожанъ училище, пожертвовалъ для этого собственный домъ, съ тѣмъ что-

бы прихожане давали отъ себя отопленіе и освѣщеніе. Стараніями священника былъ найденъ учитель и ученіе продолжалось болѣе года. Но потомъ начались сѣтованія со стороны прихожанъ въ томъ смыслѣ, что для нихъ тяжело содержать училище. Просьбы и увѣщанія о Тихомірова, который нерѣдко самъ являлся на сельскій сходъ и убѣждалъ не упускать отъ себя училище, ни къ чему не повели, — пришлось перенести училище въ другое селеніе, Барсуки, которое давно уже желало имѣть его.

— Вопросъ о субсидіяхъ школамъ, которыя уже существуютъ и впредь могутъ быть основаны духовенствомъ, имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ на пособія отъ крестьянъ не всегда можно рассчитывать. Этотъ вопросъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, поставленъ въ настоящее время на очередь. Въ газетахъ сообщено, что собираются свѣдѣнія о точномъ количествѣ церковно-приходскихъ школъ въ государствѣ, а равно и данныя для разъясненія того положенія, которое онѣ занимаютъ въ дѣлѣ распространенія грамотности въ народѣ. Къ этому сообщенію присоединяется еще слухъ, что въ виду недостаточности ежегоднаго кредита въ 55000 руб., который перечисленъ изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніе Св. Синода, на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ, предполагается вновь испросить особый кредитъ изъ суммъ государственнаго казначейства.

— Въ связи съ вопросомъ о мѣрахъ къ лучшей постановкѣ школьнаго дѣла и усиленія въ школахъ церковно-религіознаго элемента, нами уже было сообщено о проектируемыхъ въ Кіевѣ курсахъ церковнаго пѣнія для народныхъ учителей и конкурсъ церковныхъ хоровъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ „Кіевляниномъ“, проектъ конкурса церковныхъ хоровъ г. Кіева и лѣтнихъ курсовъ, для обученія учителей сельскихъ школъ юго-западнаго края регентскому искусству, уже выработанъ комиссіей, специально для этой цѣли избранной обществомъ грамотности. Газета сообщаетъ и главнѣйшіе пункты, намѣченные проектомъ комисіи, которые заключаются въ слѣдующемъ: конкурсъ устраивается на 4-й или 5-й недѣлѣ великаго поста въ видѣ концерта. Каждый изъ участвующихъ хоровъ исполняетъ три номера: одинъ общій для всѣхъ хоровъ (херувимская № 5-й Боршнянскаго F-Dur), одинъ изъ репертуара хора по выбору экспертовъ конкурса и одинъ по собственному выбору. Комиссія рѣшила выдать три преміи (размѣры этихъ премій пока еще обществомъ грамотности не опредѣлены, комиссіей же предложены — первая премія въ 200 р., 2-я въ 150 р. и

3-я въ 100 р.). До сихъ поръ получено согласіе на участіе въ конкурсѣ отъ 4-хъ кievскихъ хоровъ. Относительно лѣтнихъ курсовъ предположено слѣдующее: курсы устраиваются въ каникулярное время отъ 15 мая до 15 августа. Въ нынѣшнемъ году, въ виду новизны дѣла, желательно, чтобы всѣ учителя, которые будутъ заниматься на курсахъ, были болѣе или менѣе подготовлены. Въ программу занятій на курсахъ входятъ: теорія музыки, практическое обученіе дирижированію хоромъ и игра на скрипкѣ. По окончаніи занятій всѣмъ обучавшимся на курсахъ производится испытаніе и оказавшимъ успѣхи выдается свидѣтельство о пребываніи на курсахъ; малоуспѣвнымъ-же предлагается явиться на курсы и на слѣдующій годъ.

— Совѣтъ инспекціи народныхъ училищъ юго-западныхъ губерній, озабочиваясь надлежащей постановкой преподаванія церковнаго пѣнія въ начальныхъ народныхъ училищахъ, въ засѣданіи отъ 15 декабря 1883 г. постановилъ, какъ передаетъ „Заря“, принять слѣдующія мѣры: 1) всѣмъ наличнымъ учителямъ, могущимъ преподавать церковное пѣніе, вмѣнить въ непремѣнную обязанность преподавать его, подъ условіемъ увольненія отъ службы за неисполненіе этого требованія; 2) въ училищахъ, гдѣ учитель не можетъ преподавать церковное пѣніе, поручить преподаваніе мѣстнымъ псаломщикамъ или исправляющимъ ихъ должность, на основаніи состоявшихся уже по сему предмету распоряженій епархіальнаго начальства; 3) при назначеніи новыхъ учителей предоставлять учительскія мѣста исключительно лицамъ, могущимъ преподавать церковное пѣніе и способнымъ образовать церковный хоръ; 4) за преподаваніе церковнаго пѣнія особаго вознагражденія учителямъ отнюдь не назначать, а выдавать только, въ видѣ награды, пособія за особыя успѣхи въ пѣніи; 5) требовать обученія первоначально простому церковному пѣнію (унисонному) и такого-же типа образовывать хоры, такъ какъ этотъ типъ церковнаго пѣнія представляетъ менѣе трудностей какъ для учащаго, такъ и для учащихся, и только по усовершенствованіи въ этомъ пѣніи переходить къ 4-хъ-голосному пѣнію, какъ болѣе трудному и требующему отъ поющаго достаточнаго музыкальнаго развитія; 6) снабдить каждое училище руководствами для обученія церковному пѣнію, а именно: цафгутнымъ обиходомъ и нотной литургіей, изд. Вишневекаго, и 7) по мѣрѣ надобности пріобрѣтать для училищъ пособія, необходимыя для обученія пѣнію и для организаціи хора, а именно скрипки и камертоны. Утверждая это постановленіе со-

вѣта инспекціи, г. попечитель округа проситъ инспекторовъ народныхъ училищъ, въ видахъ усиленій преподаванія церковнаго пѣнія въ народныхъ училищахъ ввѣренныхъ имъ районовъ, принять приведенныя выше мѣры къ руководству и непремѣнному и точному исполненію; при чемъ считаетъ нужнымъ присовокупить, что расходъ на пріобрѣтеніе для училищъ необходимыхъ руководствъ и пособій по церковному пѣнію, по мѣрѣ возможности, будетъ относимъ на счетъ остатка отъ суммы, положенной на устройство классовъ для взрослыхъ.

— „Кіевлянинъ“ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія объ открытой недавно въ селеніи Братской Борщаговкѣ, кіевской губерніи, школѣ для взрослыхъ. Школу эту посѣщаютъ 65 человекъ, въ томъ числѣ 25 лицъ въ возрастѣ отъ 30 до 45 лѣтъ, есть даже одинъ шестидесятилѣтній старикъ. Ученіе въ школѣ происходитъ ежедневно по вечерамъ, за исключеніемъ кануна воскресныхъ и праздничныхъ дней. Мѣстный священникъ читаетъ рассказы изъ священной исторіи и, кромѣ того, въ теченіе трехъ часовъ происходятъ занятія грамотой, ариѳметикой и пѣніемъ. Особенно привлекаетъ пѣніе. Хоръ въ мѣстной церкви состоитъ изъ 55 мальчиковъ, обучающихся въ мѣстномъ училищѣ, и изъ 20 лицъ, обучающихся въ школѣ для взрослыхъ.

— Въ тѣсной связи съ вопросомъ о народномъ образованіи въ духѣ православной церкви находится вопросъ объ улучшеніи народнаго труда. Въ истекшемъ мѣсяцѣ февралѣ, на одномъ изъ благочинническихъ съѣздовъ Саратовской епархіи подвергнутъ были, по предложенію преосвященнаго Павла, обсужденію этотъ послѣдній вопросъ и члены съѣзда пришли къ нѣкоторымъ небезынтереснымъ заключеніямъ. Всѣ согласились, что хозяйство и промыслы крестьянъ—въ бѣдственномъ состояніи, что трудъ годъ отъ году слабѣетъ, развивается изнѣженность и лѣность. Подрастающее поколѣніе нисколько не готовится къ трудолюбивой и честной жизни и доля вины падаетъ на земскія народныя школы, которыя въ значительной мѣрѣ отъучаютъ крестьянскихъ дѣтей отъ собственнаго имъ быта и склада жизни. Школа не заботится о развитіи въ дѣтяхъ любви къ труду и о привитіи къ нимъ религіозно-нравственныхъ началъ, школьные учебники сообщаютъ свѣдѣнія мало пригодныя для крестьянскаго быта. Изъ этихъ посылокъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличенныхъ, съѣздъ сдѣлалъ выводъ, что некакихъ практическихъ мѣръ къ поднятію уровня крестьянскаго благосостоянія нельзя указать, кромѣ одной—пріученія къ тру-

ду подростоющаго поколѣнія. Условіемъ же успѣшности этого дѣла сѣбѣ поставилъ передачу правительствомъ народныхъ школъ въ завѣдываніе приходскихъ попечительствъ, съ уничтоженіемъ въ школахъ преподаванія по тѣмъ учебникамъ, которые отвлекаютъ вниманіе крестьянскихъ дѣтей отъ религіи и убиваютъ въ нихъ склонность и расположеніе къ трудолюбивой жизни.

— Движеніе въ православіе, возникшее въ прошломъ году въ Эстляндской губерніи, все еще продолжается почти съ неослабѣвающей силой. Начавшись въ юго-западной части Эстляндіи, оно направилось затѣмъ въ разныя стороны отъ первоначальнаго центра Леали. Съ разрѣшенія Св. Синода учреждены уже два новые прихода для новообращенныхъ: одинъ въ Леалѣ, другой въ Новомъ-Вердерѣ, на берегу Большаго Зунда, противъ острова Моона. Возбужденъ уже вопросъ объ основаніи третьяго православнаго прихода, на сѣверъ отъ двухъ первыхъ. Движеніе направляется съ одной стороны къ Гапсалу, съ другой-въ глубь Эстляндіи, откуда уже получаютъ извѣстія о переходѣ эстонцевъ въ Легтигалѣ, Гольденбекѣ, Фикелѣ и т. п. Точное число присоединившихся неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ ихъ нужно считать тысячами: незначительно также число готовящихся къ переходу. Разумѣется, движеніе это крайне непріятно лютерано-нѣмецкимъ заправителямъ. Въ началѣ нѣмецкая печать открыто, а вдохновители ея подъ рукою старались, по примѣру прежнихъ лѣтъ, выставить движеніе плодомъ зловредной агитаціи, опаснымъ для общественнаго порядка; но этотъ маневръ, практиковавшійся съ успѣхомъ въ прежнее время, теперь не удался. Не производятъ впечатлѣнія и жалобы, будто бы эстонскіе крестьяне переходятъ въ православіе изъ корыстныхъ цѣлей, а именно, чтобы платить меньше церковныхъ налоговъ и вообще въ надеждѣ на полученіе за перемѣну вѣры матеріальной награды. Всѣ эти сѣтованія не только лишены основанія, но и содержатъ въ себѣ злую насмѣлку, такъ какъ до сихъ поръ крестьянамъ-собственникамъ, по принятіи православія все еще приходится нести такъ называемую реальную, т. е. поземельную повинность въ пользу лютеранской церкви и ея служителей. Кроме того, переходъ въ православіе бываетъ сопряженъ и съ значительными лишеніями для новообращенныхъ, такъ какъ имъ приходится терпѣть подчасъ гоненіе со стороны лицъ, отъ которыхъ они зависятъ въ экономическомъ и другихъ отношеніяхъ. Крестьяне-арендаторы, такіе случаи бывали, лишаются своихъ усадьбъ, сельскіе рабочіе съ трудомъ находятъ занятія у лютеранъ-помѣщиковъ,

учителя, такой случай былъ недавно, немедленно теряютъ свои мѣста. Наконецъ, и примѣръ ранѣе перешедшихъ въ православіе и рѣшительно никакихъ отъ этого выгодъ не получившихъ, а напротивъ того потерпѣвшихъ, не даетъ возможности возникновенію какихъ бы то ни было несбыточныхъ надеждъ въ присоединяющихся. Если, не смотря на все это, движеніе совершается, то есть, должно быть, важныя и глубокія причины, его вызывающія. Причины эти — духовная неудовлетворительность крестьянства и враждебное отношеніе къ нему лютеранскихъ пасторовъ, смѣшивающихъ постоянно два ремесла: пастырскую свою дѣятельность съ инаго сорта поползновеніями. Что только эти причины развиваютъ движеніе въ православіе, а не какія-либо соображенія матеріальнаго свойства или надежды на полученіе выгодъ отъ принятія государственнаго исповѣданія — это доказывается уже и тѣмъ, что эстонцы переходятъ массами въ сектанство, а латыши въ баптизмъ. И тутъ, пожалуй, скажутъ, что религіозное движеніе совершается изъ корыстныхъ побужденій. Лютеранство, по самому своему характеру, мало подходитъ къ настроенію простаго крестьянина; но если къ нему примѣшать еще несимпатичныя народу политическія тенденціи, то чему же удивляться, если крестьяне станутъ бѣгать отъ него. И они дѣйствительно бѣгаютъ сотнями въ баптизмъ и сектанство и тысячами въ православіе, которое, конечно, пользуется въ ихъ глазахъ какъ религія государственная значительнымъ авторитетомъ. Явленіе это столь просто и естественно, что только закрывающіе предъ нимъ глаза могутъ подыскать другія объясненія его. Православіе особенно тѣмъ симпатично эстонскому и латышскому крестьянству, что служители его стоятъ обыкновенно внѣ глубокаго разлада, парящаго между отдѣльными церквами мѣстнаго населенія, пасутъ души своихъ прихожанъ, но не вмѣшиваются въ распри, волнующія край. И не смотря на все это нелицепріятіе православнаго пастыря, которое подчасъ кажется даже близкимъ къ равнодушію, говорятъ о томъ, что наше духовенство агитируетъ въ пользу распространенія православія. Кто знаетъ наше сельское духовенство, тому не нужно доказывать неосновательность этихъ обвиненій. Напротивъ, другая сторона всегда вела подобную агитацію и открыто хвалилась, что все болѣе искореняетъ православіе въ краѣ, а теперь валитъ съ больной головы на здоровую. Потерявъ значительную долю своего вліянія на прихожанъ, лютеранскіе пасторы требуютъ репрессивныхъ мѣръ противъ оставляющихъ лютеранство. Еще недавно требовали чуть ли

не полицейскихъ мѣръ противъ баптистовъ, теперь ходатайствуютъ о назначеніи годоваго срока „для испытанія“ желающихъ перейти въ православіе. Не трудно догадаться, во что бы обратилось это „испытаніе“ для крестьянъ, вполне зависящихъ отъ лютеранскихъ помѣщиковъ и представителей мѣстной власти, если бы ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. Но въ возможность этого успѣха не вѣрять, кажется, и сами ходатаи. (Ц. В.).

— Въ Гольдингенѣ, Курляндской губ., появился какой-то молодой миссіонеръ-еврей, который, крестившись гдѣ-то самъ, желаетъ обратить въ христіанство и своихъ соплеменниковъ, гольдингенскихъ евреевъ. 25 февраля онъ читалъ первую проповѣдь въ залѣ латышскаго общества. Постановилъ онъ три вопроса: 1) Какъ Богъ могъ воплотиться? 2) Какъ Даніилъ спасся отъ львовъ? 3) Какъ Ілія вознесся на небо? Слушателей было сотни и помѣщеніе было биткомъ набито, такъ что не хватило мѣстъ. На нѣкоторыхъ изъ слушателей проповѣдь произвела сильное впечатленіе. Между слушателями были и евреи, явно не сочувствовавшіе миссіонеру.

— Изъ Таращанскаго уѣзда въ „Кіевлянинъ“ пишутъ: По словамъ мѣстныхъ священниковъ, штунда находится будто бы въ состояніи разложенія и не имѣетъ прочныхъ корней для своего развитія. Пресловутое безсребріе пресвитеровъ штундистовъ въ дѣйствительности вызываетъ жалобы со стороны штундистовъ, съ которыхъ, по ихъ словамъ, пресвитеры стригутъ шерсть до самой кожи. Помощь ближнему является также средствомъ вознаградить себя сторицей на счетъ того же ближняго. Штунда не есть явленіе, выросшее изъ условій мѣстной жизни, а что-то прививаемое и поддерживаемое извнѣ, чему служитъ доказательствомъ тѣ денежные субсидіи, которыя получаютъ штундистами изъ Петербурга отъ какого то общества. Эти присылаемыя деньги предназначаются для раздачи бѣднымъ, но не доходятъ по назначенію.

— Въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ помѣщены интересныя свѣдѣнія о состояніи Кіево-Печерской лавры въ истекшемъ году. Изъ краткаго обзорѣнія состоянія лавры узнаемъ, что во главѣ лавры стоятъ: о. намѣстникъ, священно архимандритъ лавры и духовный соборъ, состоящій изъ пяти членовъ, изъ коихъ два архимандрита и три игумена, исполняющихъ должности ексзарха, типографа, казначея, благочиннаго и келаря. Къ составу начальствующихъ лицъ принадлежатъ также: блюстители ближнихъ и дальнихъ нещеръ, начальникъ больничнаго монастыря и игумены Китаевской, Голосѣевской и кладбищенской пустынь и на-

чальникъ лаврскаго подворья въ Петербургѣ. Въ теченіе прошлаго года произошли слѣдующія переменны въ составѣ лаврскаго братства: пострижено въ монашество 24, рукоположено въ іеродіаконны 8, въ іеромонахи 5, возведено въ санъ архимандрита 2 и въ санъ игумена 1. Общій составъ лаврскаго братства и другихъ живущихъ въ лаврѣ слѣдующій: архимандритовъ 5, игуменовъ 15, іеромонаховъ 62, іеросхимонаховъ 3, іеродіаконовъ 42, схимниковъ 4, монаховъ 100; итого всѣхъ монашествующихъ 231; послушниковъ дѣйствительныхъ 395, временныхъ—575, а въ общей сложности 970, учениковъ 70, рабочихъ вольнонаемныхъ 164, всего 1462 человека. При Кіево-Печерской лаврѣ, съ давнихъ поръ, со времени первыхъ основателей лаврскаго обители, существуетъ нѣсколько богоугодныхъ и благотворительныхъ учрежденій. Сюда принадлежатъ: а) двѣ богадѣльни, одна для престарѣлой братіи при Китаевской пустынѣ на 20 человекъ, другая — при странно-пріимной гостинницѣ для потрудившихся въ ней на 30 кроватей; б) двѣ больницы, изъ коихъ одна предназначена для лаврскаго братіи на 40 кроватей, съ аптекой при ней въ особомъ зданіи, а другая — при гостинницѣ для пріѣзжихъ богомольцевъ на 80 кроватей, въ которой лѣченіе больныхъ производится бесплатно; в) странно-пріимная гостинница съ бесплатными номерами для пріѣзжающихъ богомольцевъ, съ отдѣльнымъ помѣщеніемъ для странниковъ богомольцевъ и даровымъ продовольствіемъ. На содержаніе этихъ учрежденій Кіево-Печерскою лаврою затрачено въ истекшемъ году свыше 50 тысячъ рублей, въ томъ числѣ до 22 тысячъ на даровое продовольствіе богомольцевъ въ странно-пріимной гостинницѣ. Кромѣ этого, лавра ежедневно раздаетъ въ самой лаврѣ, при хлѣбнѣ и пекарнѣ, печеный хлѣбъ, — что въ продолженіе года составляетъ 1000 пудовъ, обѣды, затѣмъ лавра ежегодно устраиваетъ обѣды въ праздники преподобнаго Антонія, 10 іюля, и Успенія Пресвятыя Богородицы, 15 августа. Преслѣдуя просвѣтительныя дѣла, лавра содержитъ на свой счетъ слѣдующія школы: а) иконописную, въ которой числится 30 учениковъ, б) типографскую — для начальнаго обученія грамотѣ и типографскому производству, въ которой 67 учениковъ; в) начальную народную школу на Звѣринцѣ для приходящихъ мальчиковъ бѣдныхъ родителей, въ которой число учениковъ доходитъ до 100, изъ коихъ 9 состоятъ на полномъ содержаніи лавры. При школѣ состоятъ: учитель и два помощника; учитель и одинъ помощникъ — изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи, а другой помощникъ изъ окончившихъ прогимназію. На содержаніе всѣхъ

этихъ школъ израсходовано въ истекшемъ году 12,735 р. Продолжала лавра жертвовать и на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, въ видѣ лаврскихъ стипендій въ кievской академіи, въ 2-хъ семинаріяхъ и 2 духовныхъ училищахъ (въ память событія 4 апрѣля 1866 г.) въ количествѣ 510 рублей, выдавала пособіе кievскому училищу двѣницъ духовнаго званія въ суммѣ 1000 руб. и на бѣдныхъ учениковъ кievскихъ епархіальныхъ училищъ въ суммѣ 1,145 руб. Кроме пожертвованій духовно-учебнымъ заведеніямъ, лавра шлетъ добротныя пожертвованія и другимъ учрежденіямъ, такъ, въ пользу кievской общины сестеръ милосердія Краснаго Креста она отпустила 600 р. Итогъ суммъ, израсходованныхъ Кіево-Печерскою лаврою на богоугодныя, благотворительныя и образовательныя учрежденія въ прошедшемъ году, достигаетъ солидной цифры—свыше 66 тысячъ рублей. Сущестующая при лаврѣ типографія продолжаетъ свое дѣло—печатаніе священныхъ и богослужебныхъ книгъ, также разныхъ изображеній. Въ послѣдніе годы такія работы производились лаврою на сумму до 70 тысячъ руб. Въ концѣ минувшаго года, какъ извѣстно уже, лаврская типографія приняла на себя безмездное печатаніе „Воскреснаго Чтенія“ и „Кіевскихъ листовъ“ религіозно-правственнаго содержанія. Къ заведеніямъ лавры относятся еще: книжный складъ, 3 книжныя лавки въ самой лаврѣ и одна лавка на Подолѣ и 3 иконныхъ лавки. Есть свѣчной заводъ близъ лавры и воскобѣлильный въ Китаевской пустыни и затѣмъ кирпичный, въ которомъ въ 1883 году выдѣлано 1,360,000 кирпича.

— «Заря» приводитъ интересныя цифровыя данныя о богомольцахъ, прибывшихъ на поклоненіе кievскимъ мощамъ и остававшихся во время своего пребыванія въ кievско-печерской лаврской страннопріимной гостиницѣ въ прошломъ году. Общій итогъ всѣхъ богомольцевъ достигаетъ солидной цифры 87,061 чел.; довольно значительный процентъ падаетъ на богомольцевъ, прибывшихъ изъ отдаленныхъ мѣстъ Россійской Имперіи. Такихъ въ прошломъ году было 5,788 челов., и, кромѣ того, изъ Болгаріи 111. Всѣ прибывшіе богомольцы по сословіямъ распредѣлялись такъ: духовныхъ лицъ—2070, дворянъ—2586, купческаго званія—3093 и простаго народа—79,312 человекъ. Самое большое стеченіе богомольцевъ приходится на мѣсяцы ранней весны и лѣта, когда народъ бываетъ болѣе свободенъ отъ полевыхъ работъ; такъ, въ теченіе мая прошлаго года было 33,052 чел., въ іюнѣ—12,277, въ апрѣлѣ 10,354; минимальное количество богомольцевъ приходится на ян-

варь (1249) и февраль (1371) мѣсяцы. Въ существующей при лаврѣ странно-пріимпсѣй больницѣ въ теченіе минувшаго года было больныхъ 899 челов. изъ коихъ вышло—808 чел., и умерло—80 чел. Самое большее количество больныхъ падаетъ на тѣ мѣсяцы, когда прибываетъ въ лавру наибольшее количество богомольцевъ—именно, во время лѣтнихъ мѣсяцевъ: въ маѣ забол. было 153, выздоровѣло 105 и въ іюнѣ 120 челов.

— Памятники древности, какъ извѣстно, служатъ главнымъ пособіемъ для изученія древняго быта народовъ и слѣдовательно должны составлять неотъемлемое достояніе науки. А между тѣмъ, у насъ, въ Россіи, большая доля находокъ вовсе не доходитъ до нея, сбывается иногда за безцѣнокъ частнымъ лицамъ, не придающимъ имъ должнаго значенія, либо торгашамъ, перепродающимъ ихъ за-границу. Нерѣдко даже найденныя вещи, если онѣ состоятъ изъ драгоценнаго металла, переплавляются на другія подѣлки. Археологическая комиссія, имѣя въ виду сохраненіе для науки случайныхъ находокъ древностей, желала-бы, чтобы общество содѣйствовало ей въ этомъ дѣлѣ: чтобы лица, которымъ представится случай либо самимъ открыть какія-либо древности, либо узнать о находкѣ старинныхъ вещей, тотчасъ-же извѣщали объ этомъ археологическую комиссію и по возможности помогали бы ей въ сохраненіи найденныхъ предметовъ. Основныя правила, соблюдаемыя комиссіею относительно такихъ находокъ, по словамъ „Новаго Времени“, заключаются въ слѣдующемъ: 1) Случайно открытыя древности находчикъ не обязанъ уступать безплатно, но если пожелаетъ продать ихъ, то получаетъ за нихъ соответственное денежное вознагражденіе, а именно не только цѣну по дѣйствительной стоимости золота, серебра или того вещества, изъ котораго онѣ сдѣланы, но и особую добавочную сумму, сообразную съ степенью древности и рѣдкости найденныхъ вещей; 2) древности, которыя находчикъ пожелаетъ оставить за собою или комиссія почему либо не признаетъ нужнымъ пріобрѣсти, возвращаются по принадлежности, съ оплатою всѣхъ расходовъ по сему случаю, и 3) найденныя древности могутъ быть доставлены или непосредственно въ археологическую комиссію (въ С.-Петербургѣ, Милліонная, въ Императорскомъ Эрмитажѣ), или чрезъ мѣстные статистическіе комитеты, съ которыми она, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, находится въ сношеніяхъ по этому предмету.

— Въ „Прав. Вѣсти.“ находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ операціяхъ крестьянскаго поземельнаго банка:

Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1 марта 1884 года совѣтомъ банка разрѣшено 377 дѣлъ о ссудахъ. Изъ этого числа совѣтомъ отказано въ выдачѣ ссудъ по 24 ходатайствамъ, на сумму 549,718 руб. 32 коп.; разстроилось 8 сдѣлокъ послѣ разрѣшенія по нимъ ссудъ на сумму 25,537 руб.; затѣмъ остается 345 разрѣшенныхъ ссудъ, на сумму 4.707,538 руб. По этимъ послѣднимъ ссудамъ покупщиками были: а) 94 сельскихъ обществъ (въ число покупокъ сельскими обществами включены покупки частями обществъ, представляющими отдѣльныя поселенія), б) 191 товарищество и в) 60 отдѣльныхъ крестьянъ. Сельскія общества, товарищества и отдѣльные крестьяне, которымъ разрѣшены ссуды, составляютъ 15,424 домохозяйства, въ числѣ 45,897 наличныхъ мужскаго пола душъ. Приобрѣтено ими 98,716 дес. 1,674 саж., за 5.390,552 руб. 60 коп., причеиъ банкомъ разрѣшено въ ссуду 4.707,538 руб., а 683,014 руб. 60 коп. составляютъ доплату покупателей. Изъ числа 345 разрѣшенныхъ, на сумму 4.707,538 руб., выданы деньги по 138 ссудамъ, на 2.263,506 руб., такъ какъ только по этимъ ссудамъ были совершены купчія крѣпости. Затѣмъ на разсмотрѣніи совѣта банка оставалось 97 дѣлъ о ссудахъ (частію разсмотрѣнныхъ, но по которымъ затребованы дополнительныя свѣдѣнія или исправленія документовъ, а частію только что поступившихъ) на сумму 1.822,837 руб. 27 коп.

- Законопроектъ реформы мѣстныхъ управленій, выработанный Высочайше утвержденною комиссіею, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, и просмотрѣнный уже во второй редакціи, вышелъ изъ печати и вскорѣ будетъ разосланъ членамъ комиссіи.

— Весьма интересная статья напечатана въ „Странникѣ“ (февраль 1884 г.) о спиритизмѣ. Спиритизмъ появился въ 1846 г. въ Америкѣ и получилъ тамъ особенно широкое распространеніе.

Число спиритовъ въ сѣверной Америкѣ въ первое же десятилѣтіе достигло громадной цифры: уже въ 1856 г. число спиритовъ возрасло здѣсь до 2.500,000; къ 1870 г. ихъ было уже болѣе 8 милліоновъ, а къ 1878 г. увеличилось до 11 милліоновъ (данныхъ о числѣ спиритовъ въ послѣдніе годы авторъ не имѣлъ подъ руками). Въ 1872 г. въ Америкѣ было около 20 журналовъ, обсуждавшихъ спиритическій вопросъ, и одинъ изъ нихъ имѣлъ болѣе 30,000 подписчиковъ. Къ этому же времени въ сѣв. Америкѣ появилось болѣе 200 трудовъ касательно спиритизма; причеиъ многіе изъ нихъ выдержали по нѣсколькѣ изданій — въ 10,000 экз. А въ 1877 г. и эта цифра поднялась до еще болѣе высокихъ

размѣровъ и однихъ повременныхъ изданій считалось уже свыше 100,000.

Особенно заслуживаетъ вниманія выясненіе причинъ такого быстраго распространенія спиритизма въ Америкѣ.

Америка представляетъ оригинальное явленіе среди другихъ частей свѣта. Здѣсь нѣтъ общей церкви, нѣтъ науки, которая регулируетъ жизнь европейскаго общества; въ религіозномъ отношеніи штаты представляютъ множество разнообразныхъ сектъ. Каждая секта, каждое религіозное общество живетъ особнякомъ; общою связующею нитью между ними служитъ мистицизмъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ сѣверо-американскихъ сектъ, почему всякое явленіе, которое носитъ на себѣ слѣды мистицизма (какъ спиритизмъ), легко воспринимается и усваивается американскими сектантами. Но этого мало. Спиритизмъ, какъ религіозное явленіе, какъ цельза лучше удовлетворять стремленію американцевъ создать въ себѣ свой характерный религіозный культъ, *отличный* отъ европейскаго. Отрицая европейскія формы соціальной жизни, американецъ отрицалъ и все то, что такъ или иначе связывалось съ ними, отрицалъ и европейское христіанство. Что въ основѣ отрицательно отношенія американцевъ къ европейскому христіанству лежала *политическая тенденція*, видно изъ того, что 1) въ спиритическомъ движеніи приняли горячее участіе такіе послѣдователи новыхъ соціально-политическихъ доктринъ, какъ сенъ-симонисты и фурьеристы, 2) что, вмѣстѣ съ распространеніемъ спиритизма въ Америкѣ, особенно оживилось давнишнее движеніе женщинъ къ самостоятельности и равноправности (женщины приводили доказательство, что онѣ первые и преимущественные медиумы). Самые митинги, собиравшіеся по поводу спиритическихъ феноменовъ, носили положительно реформаторскій характеръ: на нихъ разсуждали не столько о самыхъ явленіяхъ, сколько о ихъ значеніи для жизни; во время преній на митингахъ вырабатывалась цѣлая система переустройства жизни американца во всей ея цѣлости; между прочимъ требовались: даровая раздача земли всякому, кто ея не имѣетъ, уничтоженіе избирательнаго ценза, уничтоженіе смертной казни, утвержденіе полной свободы торговли и т. п. Словомъ ученіе о *новой эрѣ* и вытекающая отсюда необходимость перестроить заново всю жизнь — вотъ что хотѣлось американцамъ видѣть въ спиритизмѣ.

Что касается причинъ появленія и значительныхъ успѣховъ спиритизма въ Европѣ, то авторъ полагаетъ ихъ: 1) въ мистицизмъ, понимаемомъ въ широкомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ естественнаго стремленія человѣка къ потустороннему бытію, къ разгадкѣ тайнъ

загробной жизни и 2) въ широкомъ распространеніи среди европейскіхъ обществъ теоретическаго и практическаго матеріализма. Выясняя дѣйствіе послѣдней изъ указанныхъ причинъ, авторъ замѣчаетъ.

Эпоха, къ которой отпосится начало распространенія спиритизма въ Европѣ, занимаетъ одну изъ бурныхъ страницъ въ исторіи умственной жизни европейскаго человѣчества. Два направленія—спиритуалистическое и матеріалистическое—вступили въ рѣшительную борьбу. Въ Германіи гегельянство, нанесшее жестокій ударъ философіи Шеллинга, Шуберта, Баадера, — философіи, содѣйствовавшей обоснованію мистическихъ идей Месмера и Сведенборга,—это гегельянство, скоро послѣ своего появленія, мало-по-малу перерождалось въ раціонализмъ и въ школѣ Фейербаха достигло крайней степени своего развитія—атеистическаго матеріализма. Сочиненія какъ самаго Фейербаха, такъ и его сторонниковъ Молешотта, Фохта, Бюхнера читались съ жадностью и производили броженіе умовъ. Установившіяся формы умственной, религіозной и соціальной жизни были потрясены. Представители сложившейся до селѣ жизни, сторонники спиритуализма потерялись; но не надолго; завязался ожесточенный споръ... Между тѣмъ методы и средства выработки раціоналистами положеній невольно привлекали къ себѣ и ихъ противниковъ — спиритуалистовъ, которые ловили все, что только такъ или иначе ставило ихъ на одну почву съ раціоналистами. Но существующаго было мало; приходилось полагать надежду либо на новыя открытія, либо на новыя откровенія. Первое не сбылось: за то второе въ образѣ спиритизма дало сильное (?) оружіе въ руки спиритуалистовъ противъ ихъ врага — раціонализма. Здѣсь съ одной стороны данныя, защищаемыя спиритуалистами, подтверждались сообщеніями изъ спиритуальнаго — же міра, а съ другой—совершались въ формѣ доступной *наблюденію*, что составляло, по мнѣнію спиритуалистовъ, ихъ міровоззрѣніе, по источнику происхожденія, на одну почву съ раціонализмомъ.

Думаемъ, что выводъ изъ всего сказаннаго ясенъ самъ собою,—ясно то, чего ждать христіанству отъ явленія, повидимому, дружественнаго ему, но выросшаго на американской почвѣ, какъ плодъ антогонизма съ „европейскимъ христіанствомъ“, —отъ явленія, которое претендуетъ замѣнить собою христіанство, какъ религію. Спаси насъ Богъ отъ этакіхъ друзей, къ которымъ однако довольно благосклонно относятся подъ часъ даже нѣкоторые изъ истинно религіозныхъ людей, видя въ нихъ пособниковъ, хотя и не прямыхъ, дѣлу избавленія отъ современнаго матеріализма! (Ц. В.).

ИЗВѢЩЕНІЕ

объ окончаніи полнаго изданія 20 книгъ:

„ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННАГО БОГОСЛОВІЯ“

въ 3-хъ самостоят. выпускахъ:

(болѣе 4000 печатныхъ страницъ убористаго шрифта).

I. Современное общество	10 книгъ .	7 р.
II. Религія и современное знаніе	6 „	. 4 „
III. Естествен. религія и Откров.	4 „	. 3 „

Всего съ пересылкою за всѣ 20 книгъ 14 р.

При выпискѣ книгъ по годамъ ихъ выхода: За 1-й годъ 3 кв. 4 р., за 2-й годъ 5 кв. 5 руб. и за 3 и 4 годы 12 кв. 5 р., всего съ пересылкою за 20 кв. 14 руб.

Адрессы и деньги высылаются въ С.-Петербургъ, въ Контору Товарищества „Общественная Польза“ по Б. Подъяческой № 39.

Въ Харьковѣ книги эти можно получать отъ книгопродавца Ив. Ив. Куколевскаго, Екатериносл. ул. д. Гинзбурга.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ наследниковъ Салаевыхъ на Мясницкой, продаются книги

Протоіерея Александра Свирѣлина:

1. Курсъ Закона Божія въ начальныхъ училищахъ и приготовительныхъ классахъ гимназій и духовныхъ училищъ. Изд. 6-е съ 49 хорошими картинами, дополненное по новой нормальной программѣ 1883 г. Ц. 30 к. съ пересылк. 40 к., одобренъ въ качествѣ учебнаго руководства. 2. Толковыя евангелія воскресныя и праздничныя. Ц. 60 к., съ перес. 75 к., одобрены. 3. Толковыя Апостолы воскресные и праздничные. Ц. 60 к., съ перес. 75 к., одобрены. 4. Толковыя заупокойные Апостолы и евангелія. Ц. 20 к. съ пересылкой 20 к. 5. Церковная исторія съ объясненіемъ Богослуженія — учебникъ для городскихъ училищъ. Ц. 50 к.

ВОЗЗВАНІЕ

КЪ ХРИСТОЛЮБИВЫМЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ.

Православные христіане!

Апостолы Христовы, самовидцы Господни, заповѣдали всѣмъ вѣрующимъ: другъ ко другу любовь прилѣжну имѣйте, — благотвореніи и общеніи не забывайте: таковыми-бо жертвами благоугождается Богъ (1 Петр. 4 Евр. 13, 16).

Помня это завѣщаніе Апостоловъ, которые не только располагали христіанъ къ благотворительности, но и сами собирали милостыню въ пользу бѣдныхъ церквей (1 Кор. 16, 13), мы взяли на себя христіанскую обязанность предложить Вашему благочестивому вниманію, милостивѣйшіе благодѣтели, наше приглашеніе на дѣло Богу богоблагодное.

Въ 88 верстахъ отъ г. Старой Руссы, среди лѣсовъ, мховъ и озеръ, находится небольшой островокъ въ 5-ть десятинъ земли, называемый Рдейскою пустынею, съ храмомъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы. На этомъ островкѣ въ древнія времена основана была ипотечская обитель, существованіе которой продолжалось до 1764 года; въ этомъ году обитель была упразднена, а оставшіяся отъ нея храмъ вначалѣ обращенъ былъ въ приходскую церковь, а потомъ и вовсе закрытъ, и на островѣ около осиротѣлаго храма осталась одна убогая сторожка, обитатель которой охранялъ неприкосновенность вѣковыхъ святынь храма.

Древность храма, Святость мѣста, а еще болѣе оставшіяся отъ обители двѣ почитаемыя чудотворными иконы: Успенія Пресвятыя Богородицы и Святыхъ угодниковъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ, естественно, возбуждали въ окрестныхъ жителяхъ желаніе открыть въ Рдейскомъ пустынномъ храмѣ снова постоянное богослуженіе, которое до сего времени было только однажды въ годъ. И не сомнѣнно по ихъ усердію и молитвамъ Господь послалъ благодѣтеля, который далъ средства для существованія при пустынномъ храмѣ особаго причта изъ священника и псаломщика.

И такъ, слава Богу! мѣсто, освященное вѣковыми молитвами и орошенное потомъ и слезами великихъ подвижниковъ, снова огласится пѣніемъ священныхъ цѣлней и благовѣстіемъ слова Божія. Но какъ не цѣнна жертва благодѣтеля предъ Господомъ Богомъ, какъ не велико благодѣяніе, сдѣланное имъ для окрестныхъ жителей, однако одного этого далеко еще не достааетъ, чтобы воздать должное той освященной вѣками, святинѣ. Одинъ бѣдный взглядъ, брошенный на пустынный храмъ, поражаетъ душу тяжелою скорбію. Храмъ этотъ, оставшіяся долгое время безъ всякаго призрѣнія, пришелъ въ ветхость и грозитъ разрушеніемъ. При такомъ жалкомъ состояніи самаго храма понятно, что и сокровищница его совершенно пуста. Придать-же столь древней святинѣ подобающее приличіе, при содѣйствіи однихъ окрестныхъ жителей, положительно невозможно, такъ какъ, при своей малочисленности, они крайне бѣдны и скудные ихъ лепты едва могутъ удовлетворять только ежегоднымъ потребностямъ храма.

Въ виду этой-то крайности, съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства и обращаема съ симъ воззваніемъ ко всѣмъ сынамъ православной церкви и усерднѣйше просимъ ихъ своими посылными припоменіями принять участіе въ возстановленіи и украшеніи древняго полуразрушеннаго храма. Дивный въ Своихъ неисповѣдимыхъ судьбахъ Богъ, за каждую лепту, съ усердіемъ приносимую на дѣло Божіе, сугубо да воздастъ Своими благодатными дарами, какъ въ сей жизни, такъ и напаче въ будущей.

Рдейской Успенской церкви настоятель, священникъ *Іоаннъ Знаменскій*.

Пожертвованія могутъ быть адресованы: Въ г. Старую-Руссу, Новгородской губерніи, въ Коммисію по возобновленію храма Успенія Божіей Матери, въ Рдейской пустыни.

Въ Москвѣ, въ книжныхъ магазинахъ: Оералонтова, Кольчугина и другихъ поступили въ продажу книги:

И С Ъ М А

Московского Митрополита Филарета

къ покойному Архіепископу Тверскому Алексѣю (1843 — 1867 г.), изд. Саввою Архіепископомъ Тверскимъ, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія Тверской епархіи. Москва. 1883 г. Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 рубля.

УКАЗАТЕЛЬ для обозрѣнія Московской Патріаршей Ризницы, составленный Саввою, Архіепископомъ Тверскимъ, изд. V, пересмотрѣнное и дополненное, съ приложеніемъ XV таблицъ фотографическихъ снимковъ съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ Ризницы, и съ „Объяснительнымъ словаремъ“. Москва. 1883 г., въ 4 д. листа. Цѣна 4 руб., съ пересылкою 4 руб. 50 коп.

ТАМЪ - ЖЕ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ: „Воспоминанія о высокопреосвященномъ Архіепископѣ Ярославскомъ“. Саввы, Архіепископа Тверскаго. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. „Воспоминанія очевидца о священномъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ Воѣ почившихъ Государя Императора Александра Николаевича и Государыни Императрицы Маріи Александровны“. С. А. Т., Тверь. 1883 г. Ц 25 коп., съ пересылкою 30 коп.

ХЛЫСТОВЩИНА И СКОПЧЕСТВО ВЪ РОССИИ.

Исслѣдованіе Священника Арсенія Рождественскаго.

Изданіе Императорскаго Общества и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Москва. 1882.

Можно получать по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ. Перекупный переулокъ, д. № 22, кв. 23, у священника Рождественскаго. Цѣна съ пересылкой 2 рубля.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„ТВОРЕНІЯ Св. ОТЦЕВЪ“

Изданіе Твореній Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія, возобновляемое съ 1880 года, будетъ продолжаться и въ 1884 г. и будетъ состоять изъ четырехъ книжекъ въ годъ, изъ которыхъ въ каждой будетъ отъ 15 до 20 листовъ текста. Въ переводной части будетъ продолжаемо печатаніе твореній Св. Кирилла Александрійскаго и Св. Епифанія Кипрскаго. Творенія того и другаго отца будутъ печататься черезъ книжку. Въ прибавленіяхъ будутъ помѣщаемы статьи, касающіяся ученія вѣры, христіанской нравственности и исторіи церкви и сверхъ того статьи критико-библіографическія.

Въ концѣ каждой книжки будутъ печатаемы журналы собраній Совѣта Московской Духовной Академіи.

Цѣна годоваго изданія пять рублей съ пересылкою.

Редація проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ адресоваться въ *Серіевъ посадь, Москов. губ., въ редакцію Твореній Св. Отцевъ.*

Изъ редакціи Твореній Св. Отцевъ могутъ быть выписываемы слѣдующія отдѣльныя изданія.

ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

Творенія Св. Ефрема Сирина 6 том. 9 р. Василия Великаго 7 том. 10 р. 50 к. Анастасія Алексан. 2, 3 и 4 том. 4 р. 50 к. Григорія Нисскаго 8 том. 12 р. Исаака Сирина 1 том. 2 р. 30 к. Кирилла Иерусалимскаго 1 том. 1 р. 50 к. Іоанна Дяствичника 1 том. 1 р. 50 к. Нила Синайскаго 3 том. 4 р. 50 к. Исидора Пелусіота 3 том. 4 р. 50 к. Епифанія Кипрскаго 5 том. 7 р. 50 к. Блаженнаго Теодорита 7 том. 12 р. Макарія Египетскаго 1 том. 2 р. Кирилла Александрійскаго 2 том. 3 р.

Творенія Св. Отцевъ съ прибавленіями духовнаго содержанія за 1846, 1847, 1850, съ 1852 по 1864 годъ включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881, 1882 и 1883 годы могутъ быть приобретаемы съ платою за каждый годъ изданія по 5 р. съ пересылкою. Прибавленія же отдѣльно отъ Твореній Св. Отцевъ (съ 1844 по 1864 включительно и за 1871, 1872, 1880, 1881 (два тома), 1882 (два тома) и 1883 (два тома) годы за каждый томъ по 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

Сверхъ вышеупомянутыхъ, въ редакціи Твореній Св. Отцевъ продаются слѣдующія книги: 1) Исторія Московской Духовной Академіи до ея преобразованія. С. Смирнова. ц. съ перес. 3 руб. 2) Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, *ею же*: ц. съ перес. 2 руб. 3) Исторія Тройкой Лаврской Семинаріи, *ею же*; ц. съ пер. 2 руб. 25 к. 4) Предъизображеніе Господа нашего Іисуса Христа и Церкви Его въ Вѣтхомъ Завѣтѣ (о ветхозавѣтныхъ прообразованіяхъ) *ею же*; ц. съ пер. 1 руб. 25 коп. 5) Филологическія замѣчанія о языкѣ новозавѣтномъ въ сравненіи съ классическимъ при чтеніи посланій Ап. Павла къ Ефесеямъ, *ею же*; ц. съ пер. 1 руб. 50 коп. 6) Исторія евангельская и церкви апостольской (Академическія лекціи А. В. Горскаго), цѣна съ перес. 3 р. 7) Сборникъ, изданный по случаю празднованія 50-лѣтія М. Д. Академіи, ц. съ пер. 1 р. 8) Жизнь Св. Афанасія Александрійскаго. ц. съ пер. 50 к. 9) О атинствѣ муромомазанія ц. съ пер. 50 к. 10) Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій: ц. съ пер. 50 коп. 11) О поведеніи первенствующихъ христіанъ въ отношеніи къ язычникамъ. ц. съ пер. 40 коп. 12) Объ Антихристѣ. ц. съ пер. 40 коп. 13) Объ образѣ дѣйствованія православныхъ Государей Греко-римскихъ въ IV, V и VI вв. въ пользу церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ ц. съ пер. 30 коп. 14) Объ Ессейхъ въ отношеніи къ христіанству ц. съ пер. 30 коп. 15) Общій очеркъ жизни иноковъ египетскихъ въ IV и V вѣкахъ ц. съ пер. 40 к. 16) О литургіи преждеосвященныхъ даровъ ц. съ пер. 1 руб. 17) Руководство къ насхалин. ц. съ пер. 30 к. 17) Указатель къ словамъ и рѣчамъ высоко-

пресвященнѣйшаго Филарета, Митрополита Московскаго, по изданію въ трехъ томахъ. ц. съ перес. 30 коп. 18) О поведеніи древнихъ христіанъ во дни воскресныя и праздничныя. ц. съ пер. 20 к. 19) Св. Левъ, папа Римскій. ц. съ пер. 30 к. 20) О Божествѣ Сына Божія. ц. съ перес. 20 к. 21) Объ источникѣ наен Божества, *В. Кудрявцева*. ц. съ пер. 25 коп. 22) Митрополиты московскіе со времени раздѣленія митрополія всероссійской на двѣ половины. ц. съ пер. 20 к. 23) Митрополія Кіевская въ началѣ своего отдѣленія отъ Московской. ц. съ пер. 20 к. 24) О санѣ епископскомъ въ отношеніи къ монашеству въ церкви восточной. ц. съ пер. 20 к. 25) Объ источникахъ для исторіи монашества египетскаго въ IV и V вѣкахъ. ц. съ пер. 25 к. 26) Обличеніе на книгу о возможномъ соединеніи церкви руссійской съ западною. ц. съ пер. 15 к. 27) О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго седемидесяти толковниковъ и славянскаго переводовъ священнаго писанія *Филарета митрополита Московскаго* ц. съ пер. 15 к. 28) Мирлякійская церковь и гробница святителя Николая Чудотворца. ц. съ пер. 15 к. 29) О Владкѣ Израилевомъ ц. съ пер. 10 коп. 30) Объясненіе 14 ст. 6 гл. пророка Исаіи. ц. съ перес. 10 коп. 31) Указатель къ твореніямъ Св. Отцевъ и къ прибавленіямъ духовнаго содержанія за 20 лѣтъ. ц. съ пер. 30 коп. 32) О священнодѣйствіи вѣчанія и помазанія царей на царство *А. Горскаго*. ц. съ пер. 25 к. 33) О кругообращеніи атмосферы. *Д. Голубинскаго*. ц. съ пер. 25 коп. 34) Народныя школы и благотворительныя учрежденія протестантовъ во Фриціи. ц. съ пер. 30 к. 35) Начатки движенія въ Англиканской церкви къ соединенію съ восточною. ц. съ пер. 15 к. 36) Свидѣтельства памятниковъ египетской исторіи о пребываніи евреевъ въ Египтѣ. ц. съ пер. 30 к. 37) Достаточно ли для философіи методы естественныхъ наукъ? *В. Потапова*. ц. съ пер. 25 к. 38) Празднованіе пятидесятилѣтія Московской Духовной Академіи. ц. съ пер. 25 к. 39) Историческая записка о Московской Духовной Академіи, послучаю празднованія ея пятидесятилѣтія. ц. съ пер. 25 коп. 40) Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія. Томы 1-й, 2-й и 3-й, цѣна за каждый томъ 2 руб. 75 коп. т. 4-й ц. 2 руб. 25 коп. т. 5-й ц. 2 руб. 74 коп. том. 6-й ц. 2 руб. 25 коп. 41) Братское Слово за 1876 г (4 кн.) ц. съ пер. 4 руб. 42) Иеросхимонаха Іоанна сказаніе объ обращеніи раскольниковъ заволжскихъ. ц. съ пер. 1 руб. 43) Исторія русской церкви. *В. Голубинскаго*. Томъ 1 Періодъ 1. Кіевскій или домопольскій. Первая половина тома. ц. съ пер. 5 руб. Вторая половина тома.—цѣна та же. 44) Исторія четырехъ послѣднихъ вселенскихъ соборовъ. *А. Лебедева*. ц. съ пер. 1 р. 50 коп. 45) Очерки развитія протестантской церковно-исторической науки въ Германіи *его же*; ц. съ пер. 1 руб. 75 к. 46) Изъ исторіи вселенскихъ Соборовъ IV и V вѣковъ (критическія очерки) *его же*; ц. съ пер. 1 р. 50 коп. 47) Церковный судъ въ первые вѣка христіанства *Н. Заозерскаго*. ц. съ пер. 1 руб. 75 коп. 48) Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ *И. Соколова*. ц. съ пер. 3 руб. 49) Реформація въ Англіи. *В. Соколова*. ц. съ пер. 2 р. 50 к. 50) Современное состояніе вопроса о значеніи расовыхъ особенностей Сомитовъ, Хамитовъ и Іафетисовъ въ дѣлѣ религіознаго развитія этихъ трехъ группъ народовъ *А. Бялева*. ц. съ пер. 2 руб. 51) Правда ли, что наше духовенство не хочетъ и не умѣетъ учить народъ? *И. Казанскаго* ц. съ пер. 60 коп. 52) Древній Славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в. *Г. Воскресенскаго*. ц. съ пер. 1 руб. 50 коп. 53) Славянская христоматія, Сборники по славянскимъ нарѣчіямъ (съ свѣдѣніями и замѣчаніями о памятникахъ и общими характеристиками нарѣчій); *его же*; ц. съ пер. 1 р. 50 к. 54) Славянскія рукописи, хранящіяся въ заграничныхъ бібліотекахъ: берлинской, пражской, вѣнской, люблянско-загребской и двухъ бѣлградскихъ; *его же*; ц. съ пер. 30 коп. 55) Митрополитъ Кипріанъ въ его литургической дѣятельности. *И. Манасстова*. ц. съ пер. 1 руб. 50 коп. 56) Иудейское толкованіе Ветхаго заветъа. *И. Корсунскаго* ц. съ пер. 1 руб. 50 коп. 57) Списки студентовъ Московской Духовной Академіи (1814—1870). ц. съ пер. 50 к. 58) Систематическій каталогъ книгъ бібліотеки Московской Духовной Академіи. Выпускъ первый. Св. Писаніе. н. съ пер. 70 к. 59) Согласно-ли съ Евангеліемъ дѣйствовалъ и училъ Лютеръ? *Прот. Флоринскаго*. ц. съ пер. 15 коп.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою листокъ для Харьковской епархіи. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.